

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

**Проблемы лексики и лексикографии
языков народов России**

**Материалы Всероссийской научной конференции
с международным участием, посвящённой памяти
доктора филологических наук, профессора
Гайдарова Раджидина Идаятовича**

(г. Махачкала, 20 октября 2023 г.)

Махачкала
Издательство ДГУ
2023

УДК 801.3(470+571)(063)

ББК 81.2(2Рос)-3/-4я43

П 781

Проблемы лексики и лексикографии языков народов России: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвящённой памяти профессора Гайдарова Р.И. (г. Махачкала, 20 октября 2023 г.). – Махачкала: Издательство ДГУ, 2023. – 183 с.

ISBN 978-5-9913-0284-5

Сборник содержит материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Проблемы лексики и лексикографии языков народов России», посвящённой памяти профессора Гайдарова Р.И. В статьях приводятся материалы исследований актуальных проблем лексики и лексикографии языков народов России: лексическая семантика в синхроническом и диахроническом аспектах, национальный корпус языка и его применение в лексикографии, история лексикографии языков народов России, современная лексикография (проблемы и перспективы развития, лексикографическое описание диалектов, фразеология как объект лексикографического и фразеологического описания, актуальные проблемы теории ономастики, проблемы региональной топонимики и антропонимики, литературная ономастика).

Редакционная коллегия:

Багомедов М.Р. – профессор, доктор филологических наук,

Гаджирахмедов Н.Э. – профессор, доктор филологических наук,

Мазанов Ш.А. – профессор, доктор филологических наук,

Самедов Д.С. – профессор, доктор филологических наук

Статьи публикуются в авторской редакции

© Коллектив авторов, 2023

© Издательство ДГУ, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Багомедов М.Р.</i> Ономастикон народов Дагестана в призме российской ономастики (к 100-летию основоположника дагестанской ономастики Р.И. Гайдарова)	5
<i>Баранникова Т.Б., Сулейманова Ф. Н.</i> Соматические фразеологические единицы в контексте формирования межкультурной компетенции старшеклассников дагестанской школы.....	11
<i>Беданоква З.К., Шалагина В.Ю.</i> Лингвокультурологический анализ этнонима адыгэ	19
<i>Беляева М.Ю., Арланова В.И.</i> Языческое и христианское видение мира в ономастиконе произведения Р. Киплинга «Пак с волшебных холмов» (R. Kipling «Puck from thepook's hills»).....	23
<i>Гаджиахмедов Н.Э.</i> Состояние и перспективы развития дагестанской лексикографии.....	29
<i>Ганенков Д.С.</i> Использование национального корпуса языка в лексикографическом описании: сочетаемость и модели управления глагола (на примере лезгинского языка)	34
<i>Гасанова У.У.</i> Национально-культурная лексика, связанная с кайтагской вышивкой	41
<i>Гусейнов Г-Р.А-К.</i> О статусе эвиденциального перфекта в терском диалекте кумыкского языка	44
<i>Гусейнова Н.Х.</i> Топонимия Буркун-Дарга: село Кунки с его хуторами.....	47
<i>Джамбинова Н.С.</i> Фразеологические единицы с компонентом «хөн» (овца) в лексикографическом источнике калмыцкого языка ...	54
<i>Курбанова П.К.</i> Топонимические единицы сирхинского диалекта даргинского языка, отражающие фауну	61
<i>Есенова Г.Б.</i> Понятийное содержание концепта «тег/степь» в калмыцком языке.....	64
<i>Есенова Г.Б., Есенова Т.С.</i> Номинативное поле «МӨРН/КОНЬ» в калмыцком языке.....	72
<i>Зюзина Е.А.</i> Особенности фиксации религионимов в толковых словарях русского языка.....	78
<i>Ильичева И.Л.</i> Микротопонимы Брестчины в контексте кодов культуры.....	83
<i>Копоть Л.В., Аннаэсенова А.К.</i> Ономастическое пространство в поговорках как отражение этнической картины мира русского народа	89
<i>Лекова П.А.</i> Дагестанские прагматонимы, мотивированные именами собственными.....	95
<i>Магдилова Р.А., Магомедова П.М.</i> Названия одежды и украшений в книге Р. Гамзатова «Мой Дагестан»	101

<i>Магдилова Р.А., Гасанова П.С.</i> Картина мира в пословицах и поговорках аварского языка.....	105
<i>Магомедов Д.М.</i> Адаптация иноязычных заимствований в аварском языке.....	109
<i>Мейланова Ж.Ш.</i> Методика изучения лексики на уроках лезгинского языка.....	116
<i>Мирзоев Ш.А.</i> Патриарх дагестанского языкознания	123
<i>Мусаева Р.А.</i> Вопросы изучения дагестанской литературной ономастики.....	128
<i>Мутаева С.Р.</i> Антропонимия лакского языка (на материале села Кули Кулинского района).....	134
<i>Мутаева С.Р.</i> Система работы по изучению лексики на уроках лакского языка в 5 классе общеобразовательной школы	138
<i>Османова Т.А.</i> Проблемы современной русской фразеологии.....	143
<i>Пирмагомедова А.С.</i> Становление и развитие ономастики русского языка.....	147
<i>Рамазанова Л.Д.</i> К вопросу о проблематике топонимии лезгин.....	152
<i>Самедов Д.С.</i> Составные названия животных в русском языке	156
<i>Сиражудинов Р.М.</i> Суффиксальный способ словообразования имен существительных в андийском языке	161
<i>Таджибова З.Т.</i> Сопоставительный анализ концепта «свадьба» в лезгинской, русской и английской языковой картине мира.....	167
<i>Таджибова Р.Р.</i> Словообразовательные модели английского и лезгинского языков в аспекте их глубинного синтактико-семантического содержания.....	174
<i>Эфендиев И.И., Мурсалова Л.А.</i> Особенности употребления колоративов в лезгинских художественных текстах.....	178

Ономастикон народов Дагестана в призме российской ономастики
(к 100-летию основоположника дагестанской ономастики Р.И. Гайдарова)

**Onomasticon of the Peoples of Dagestan in the Prism of Russian
Onomastics** (to the 100th Anniversary of the Founder of Dagestan Onomastics
R.I. Gaidarov)

М.Р. Багомедов, доктор филол. наук, проф., зав. кафедрой дагестанских языков ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет». г. Махачкала, Российская Федерация. E-mail: b_musa@mail.ru

M.R. Bagomedov, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Dagestan Languages, Dagestan State University. Makhachkala, Russian Federation.

Исследование выполнено при финансовой поддержке КалмГУ, проект «Современная этноязыковая картина России: национально-региональные особенности».

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса становления и развития ономастикона одного из уникальных регионов мира – Дагестана – в призме ономастики России. Автор даёт краткую историю дагестанской ономастики, называет исследования по антропонимии и топонимии народов Дагестана, по наиболее значительным работам даёт небольшой анализ, также говорит о проводимой работе лабораторией по дагестанской ономастике.

Ключевые слова и фразы: *ономастика, ономастикон, антропонимы, топонимы, народы Дагестана, научно-исследовательская лаборатория «Дагестанская ономастика».*

Annotation. *The article is devoted to the consideration of the formation and development of onomasticon in one of the unique regions of the world – Dagestan – through the prism of onomastics of Russia. The author gives a brief history of Dagestani onomastics, names research on anthroponymy and toponymy of the peoples of Dagestan, gives a small analysis of the most significant works, and also talks about the work carried out by the laboratory on Dagestan onomastics.*

Keywords and phrases: *onomastika, onomastikon, anthroponyms, toponyms, peoples of Dagestan, scientific research laboratory "Dagestan onomastics".*

Сегодня в лингвистике ономастика занимает особое место. Ономатологами всего мира проделана колоссальная работа по сбору и анализу этого бесценного языкового источника о языке, истории и духовной культуре народа. Ономатологи зарубежных стран

располагают значительным опытом изысканий в области собственных имён. В Великобритании функционирует Английское топонимическое общество, во Франции выпускается журнал "Revue Onomastique", в США – издание "Names...". Хорошие результаты имеют ономатологи Польши, Чехии, Болгарии и других стран [Тимощук 1990: 8–9]. В этом ряду особо выделяется грузинская ономатическая школа.

Очно участвуя в международных научных мероприятиях, и выступая с на них докладами, нам удалось ознакомиться с опытом учёных-ономастологов зарубежных стран и рассказать о наших исследованиях: «Этнолингвистический анализ ойконимов Дагестана» (Германия. Лейпциг, 2007); «Топонимия Дагестана в аспекте лингвоэкологии» (Грузия. Тбилиси, 2008); «Онимы в даргинской художественной литературе» (Украина. Горловка, 2008); «Ойконимы Кавказа как бесценный источник исторической и этнокультурной информации» (Франция. Париж, 2017).

Ономастика нашей страны в своём становлении и развитии прошла длительный и продуктивный путь. Научное изучение собственных имён в России возникло лишь в XIX в. Вторая половина XX в. стала этапной в своём развитии. Издаются научные работы знаменитых лингвистов, как В.А. Никонов, В.Д. Бондалетов, А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Р.А. Агеева, М.В. Горбаневский и др. Во многих крупных городах России были проведены ономастические конференции, совещания и семинары, в ряде высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов организованы ономастические центры.

Исследователи отмечают, что практически все племена и народы, которые жили, кочевали, воевали и вели торговлю на территории Кавказа, оставили свой «лингвистический» след на этой земле [Намиитокова, Адзинова 2016: 11–12].

В работах И.А. Гюльденштедта, К.Ф. Гана и др. зафиксированы названия географических объектов Кавказу. П.К. Услар также в своих трудах отмечает онимы. Например, в работе по урахинсокму диалекту даргинского языка [1892]: *Акуша* (Ахъуша), *Губден* (Губдани), *Муги* (Мух1и), *Кадар* (Къадар), *Хамри* (Х1ямри) и др.

Можно с уверенностью сказать, что для ономастологов Дагестан – кладёзь. В республике имеется 1567 сельских населённых пунктов, расположенных практически во всех географических зонах: на равнине, в предгорье, в горах и в высокогорье. Представлены двадцать восемь языков, входящих в три группы: индоевропейскую, тюркскую и кавказскую.

Дагестанское языкознание пошло в сравнении с предыдущими годами пошло далеко вперёд. Но наблюдается недостаточное исследование собственных имён.

К изучению онимов языков народов Дагестана одним из первых приступил С.М. Хайдаков. И.Х. Абдуллаев в монографии «Междагестанские и межкавказские языковые контакты» [2015] значительное внимание уделил анализу ономастики Дагестана, раскрытию её системных особенностей, характерных ойконимии и антропонимии.

В приложениях ко многим национально-русским словарям представлен систематизированный материал по онимам дагестанских языков. На различных научно-практических конференциях и симпозиумах проблемные вопросы по ономастике не раз выносились для обсуждения.

В 1971 г. в г. Махачкале был организован первый Кавказский семинар по ономастике с целью объединения усилий ономатологов, где участие приняли более 60 лингвистов Кавказа.

Первым комплексным изданием исследований по антропонимике и топонимике Дагестана явился сборник

В сборнике «Дагестанская ономастика» (первом комплексном издании по ономастике) рассматриваются семантические, структурные, фонетические, морфологические и типологические особенности собственных имён дагестанских языков [Дагестанская ономастика 1991: 3-4]. Через пять был издан второй выпуск [1996].

К числу наиболее крупных топонимических исследований по дагестанским языкам относятся кандидатские диссертации М.Р. Багомедова «Структура и семантика топонимических единиц даргинского языка» [2001], которая явилась первой диссертацией в республике по данной проблеме; Х.И. Абдулжалиловой по аварской топонимии [2006], Э.И. Исмаиловой по рутульской топонимии [2008], Г.А. Джаватовой по топонимии С.Н. Казанище [2010], Л.Ш. Рамазановой по топонимии и микротопоними Ахтынского района Дагестана [2023].

Опубликованы исследования по антропонимии народов Дагестана: Э.Я. Сафаралиева «Как тебя зовут?» [1987; 1994]; В.М. Загиров «Словарь табасаранских личных имён»; Р.А. Мусаева «Прозвища в кумыкском языке» (2006); С.Х. Гасанова «Топонимия в дагестанской русскоязычной художественной литературе» [2003]; А.Т. Абдусаламова «Формирование дагестанской антропонимии» [2005] и др.

Учёными Дагестанского государственного университета и в этой области науки сделано немало.

В первую очередь назовём труды одного из основоположников дагестанской ономастики Раджидина Идаятовича Гайдарова. Структурно-морфологическому анализу ойконимов посвящена его статья о названиях лезгинских аулов. В его монографии «Введение в

лезгинскую ономастику» [1996] топонимические единицы анализируются по времени их появления, мотивам номинации, ареалам, принадлежности к языку и т.п. В приложении представлен словарь ономастических терминов и 212 названий по Дагестану и 119 – по Азербайджану. В работе «Введение в эминоведение» [2001] он дает список антропонимов и топонимов, зафиксированные в стихотворениях Етима Эмина, а также перечень музыкальных произведений на слова поэта и музыкальных произведений, которые были посвящены Е. Эмину.

Общеизвестно, что учитель живёт в его учениках. Есть ли последователи профессора Гайдарова в области ономастики? В первую очередь назовём аспиранта Раджидина Идаятовича, который одним из первых в Дагестане подготовил «Словарь лезгинских личных имён» – это кандидат филологических наук, ныне вице-премьер Правительства Республики Дагестан Нариман Шамсудинович Абдулмуталибов. Он принимал активное участие на ономастических конференциях. Н.Ш. Абдулмуталибов также является одним из авторов «Сводного словаря личных имён народов Северного Кавказа».

В ДГУ с 2009 г. функционирует научно-исследовательская лаборатория «Дагестанская ономастика» (заведующий М.Р. Багомедов), основной целью которой является исследование топонимии и антропонимии народов Дагестана. Сотрудники лаборатории, преподаватели университета участвуют не только в различных мероприятиях международного, всероссийского и регионального уровней, но и работают над подготовкой научных трудов по дагестанской ономастике. В их числе следующие работы С.М. Рабаданова «Даргинская антропонимическая система в сопоставлении с русской и английской» (2000), П.А. Лекова «Способы передачи аварских антропонимов в русском тексте» (2002), Н.Э. Гаджихмедов, Г.-Р.А.-К. Гусейнов «Кумыкские личные имена: происхождение и значение. Введение в кумыкскую антропонимику. Словарь» (2004), Н.Э. Гаджихмедов «Личные имена кумыков: традиции имянаречения, происхождение, семантика и грамматика» (2008), Н.Э. Гаджихмедов «Кумыкско-русский словарь личных имён» (2018), М.Р. Багомедов «Словарь даргинских личных имен» (2006), монография «Топонимия Дарга: структурно-семантический аспект» (2013) и др.

Коллективом ученых-ономатологов Северного Кавказа подготовлен и издан первый «Сводный словарь личных имен народов Северного Кавказа» [2012]. Дагестанскую часть по шести именникам подготовили сотрудники вышеупомянутой Лаборатории ДГУ.

Научно-исследовательская лаборатория «Дагестанская

ономастика» тесно сотрудничает с КЦИРОСК-ом при Адыгейском госуниверситете, Калмыцким госуниверситетом, Информационно-исследовательским центром «История фамилии» (г. Москва), Русским географическим обществом (Москва, РАН). В мае 2023 года совместно с Адыгейским государственным университетом Лаборатория провела Международную научно-практическую конференцию по проблемам общей и региональной ономастики.

Подводя итоги, можно отметить, что ономатологами проведена большая работа по исследованию топонимии и антропонимии народов Дагестана. Тем не менее, изыскания учёных по дагестанской ономастике зримо отстают от исследований по общим вопросам дагестанских языков.

Осознана необходимость ухода от мелкотемья и повторений и идти к системному поэтапному описанию топонимии каждого населенного пункта ... [Ефанова 2006: 7-9]. Например, только в одном селении Меусиша Республики Дагестан зафиксировано около 1000 топонимических единиц. Отдельные разряды ономастических единиц выходят из обихода в силу исчезновения самих объектов. К примеру, сегодня в Дагестане в силу всем известных фактов практически не функционируют водяные мельницы. Соответственно, их названия знают представители старшего поколения. В вышеупомянутом населённом пункте зафиксированы следующие названия мельниц: *ГТямахла шилкъан, Къвала шилкъан, Къубила ГТамарла шилкъан, Ибила шилкъан, Ккъаммайхъа шилкъан, Муртазала Сулайба шилкъан, Убарала шилкъан, ХТяжила Рабада шилкъан, ГТяппи ХТяжихъа инцТабил шилкъан, ГТяппила киттир шилкъан, ДавзХТяжила шилкъан, КъадисалыхТхъа шилкъан, ГТяжмила Къурба шилкъан, ЖягТнарла БяхТяммала шилкъан, Урханг ГТялибигла шилкъан, ХТясанхъа Халирбагъе шилкъан, ГТялишихла шилкъан, ГТялиха Рабада шилкъан, ЗятТула ИсмягТя шилкъан, Кивси МухТаммала шилкъан, ЦТикидила шилкъан, Умалатла шилкъан, Хасбулатла Къурба шилкъан, Чукъкъи ГТяхТмадла шилкъан, СултТаняхТмадла шилкъан, АдяхТла шилкъан, Ибрагъмла МухТаммала шилкъан.*

Имеются и другие разряды собственных имён, которые находятся на грани исчезновения, потому что именуемые ими объекты как таковые не функционируют. К ним относятся названия пашен: *Ццикилла хъу, ХъанцТала хъу, Шибаркъла хъуми, ХТяхТле (ХТяхТлела) хъуми, ТТягирла майдайтти хъуми, Мамала цТурла хъуми, Мухърао хъуми, Мигъла бахТла хъуми, КъизехъугТила, Гургура хъу, ТТямазХТяжила хъу, ГТяя хъуми, Чупа МухТаммахъа хъу, Балзала хъу, Балзала хъуми, Арслукъкъела хъуми, Исакъла хъу, Вакъпа хъу, НухТла къялуби, ГТялибигла хъу, Хъвишихъа хъу, Къакълиутти хъуми, ЦТанцТхъва хъуми, БайгъвярцТла хъуми, Шагъмакитти хъуми,*

Кирмусса хъуми, Уркниша хъуми, Алсунхъа хъулрела гИлатти хъуми, Сане бяхИлигъатти хъуми, ХIваше хъуми и др.

Больше всего беспокоит судьба топонимов, «осиротевших» аулов Дагестана, где в настоящее время люди не живут.

При кафедре дагестанских языков университета функционирует студенческий кружок «Ономатолог». Во время практик студенты собирают онимы в сельских населённых пунктах, пишут курсовые и выпускные квалификационные работы. Кружковцы выступают на ежегодных научных студенческих конференциях по топонимике, которую проводит Топонимическая комиссия Русского географического общества в г. Москве. В 2023 г. более десяти студентов русско-дагестанского отделения филологического факультета ДГУ стали дипломантами Всероссийского конкурса «Моя родословная».

Литература

Абдуллаев И.Х. Междагестанские и межкавказские языковые контакты. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2015. – 618 с.

Багомедов М.Р. Словарь даргинских личных имен. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2006. – 169 с.

Багомедов М.Р. Топонимия Дарга: структурно-семантический аспект: монография. – Махачкала: Изд-во ДГУ, 2013. – 347 с.

Гайдаров Р.И. Введение в лезгинскую ономастику. – Махачкала, 1996. – 111 с.

Дагестанская ономастика. Материалы и исследования. Сост.: Таймасханова Т.Г. – Махачкала, 1991. – 161с.

Дагестанская ономастика. Материалы и исследования. Выпуск 2. Сост. Таймасханова Т.Г., Тагирова З.М. – Махачкала, ИЯЛИ ДНЦ РАН, 1996. – 114 с.

Ефанова Л.П. Лингво-энциклопедические основания сводного топонимикона Северного Кавказа // Проблемы региональной ономастики. – Майкоп, 2006. – С. 7–9.

Намитоква Р.Ю., Адзинова А.А. Проблемы региональной ономастики Северного Кавказа: итоги и перспективы // Проблемы общей и региональной ономастики. – Майкоп: РИО АГУ, 2016. – С. 7–12.

Тимошук И.Н. Структурно-морфологические и семантические параметры топонимической системы: проблемы синхронии и диахронии. – Дисс. канд. филол. наук. – Львов, 1990. – 195 с.

Соматические фразеологические единицы в контексте формирования межкультурной компетенции старшеклассников дагестанской школы

Somatic phraseological units in the context of the formation of the Dagestani high school students' intercultural competence

Т.Б. Баранникова, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Дагестанского государственного педагогического университета; профессор кафедры английской филологии Дагестанского государственного университета, г. Махачкала, Российская Федерация. E-mail: tatyanabarannikova@mail.ru

T.B. Barannikova, Doctor of Philology, Professor of the Department of the English Language, Dagestan State Pedagogical University; of the Department of the English Philology, Dagestan State University. Makhachkala, Russian Federation. E-mail: tatyanabarannikova@mail.ru.

Ф.Н. Сулейманова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора русского языка и литературы Дагестанского научно-исследовательского института педагогики им. А.А. Тахо-Годи, г. Махачкала, Российская Федерация. E-mail: fsulejmanova@mail.ru

F.N. Suleymanova, Candidate of Philological Sciences, Senior researcher of the Russian Language and Literature Sector of the Dagestan Scientific Research Institute of Pedagogy named after A. A. Takho-Godi. Makhachkala, Russian Federation. E-mail: fsulejmanova@mail.ru.

Аннотация. Цель настоящей статьи, выполненной в русле лингводидактического направления исследования фразеологического материала, состоит в разработке методики формирования межкультурной компетенции учащихся в полиэтническом регионе посредством соматических фразеологических единиц. В результате проведенного экспериментального исследования было доказано, что применение специальных упражнений и заданий по сопоставительному изучению соматических фразеологических единиц в иностранном, русском и родном языках может способствовать успешному развитию тафких компонентов межкультурной компетенции, как языковой, культурный и коммуникативный.

Ключевые слова и фразы: *соматические фразеологические единицы, лингводидактика, межкультурная компетенция, полиэтническая и поликультурная среда, педагогический эксперимент.*

Abstract. The purpose of this article, carried out in line with the linguodidactic direction of the study of phraseological material, is to develop a methodology for the formation of intercultural competence of students in a mul-

tiethnic region on the basis of somatic phraseological units. **As a result** of the experimental study, it was proved that the use of special exercises and tasks for the comparative study of somatic phraseological units in foreign, Russian and mother tongues can contribute to the successful development of intercultural competence components such as linguistic, cultural and communicative.

Keywords and phrases: *somatic phraseological units, linguodidactics, intercultural competence, multi-ethnic and multi-cultural environment, pedagogical experiment.*

В современном языковом образовании, как известно, произошло становление новой парадигмы – межкультурной. В ее рамках возникает необходимость обучения не только грамотному использованию языковых средств иностранного языка, но и пониманию иной культуры, в сравнении с родной. В полиэтнической и поликультурной среде, отличной от регионов с более однородным по национальному составу населением, проблема межкультурного обучения иностранным языкам приобретает в отечественной лингводидактике особую постановку, так как учащиеся получают возможность сопоставлять иностранный язык с двумя языками: национальным родным и «вторым» родным языком, каким является русский. При этом обнаруживая определенную готовность к изучению нового языка и культуры и развитию межкультурной компетенции, с одной стороны, учащиеся сталкиваются, тем не менее, с усложнением условий своей самореализации, с другой.

Объектом настоящего исследования является процесс обучения межкультурной коммуникации в условиях полиэтнической образовательной среды дагестанской школы. Вопросы методики обучения иностранному языку в условиях многоязычия издавна привлекали внимание в таком многонациональном регионе, как Республика Дагестан [Ильясов 1990 и др.], однако в современном контексте формирования межкультурной компетенции они не могут не нуждаться в дальнейшей разработке. Предметом исследования выступают методы и приемы, позволяющие выстроить систему работы по формированию межкультурной компетенции указанного контингента учащихся посредством соматических фразеологических единиц (ФЕ) английского языка в сопоставлении с материалами русского и родных языков.

Выбор этой группы фразеологических единиц связан с тем, что соматические фразеологические единицы, отличающиеся ярко выраженным национально-культурным содержанием и способствующие более глубокому пониманию национальной картины мира, как чужой, так и своей, несмотря на их активную разноаспектную лингвистическую разработку, в лингводидактическом аспекте остаются малоизученными. Материалы по обозначенной теме практически не пред-

ставлены в содержании рабочих программ, учебников, методических разработок, предназначенных для рассматриваемого контингента учащихся.

В осуществлении поставленной задачи разработки методики формирования межкультурной компетенции посредством соматических ФЕ в условиях многонациональной образовательной среды нами использовался уже имеющийся опыт включения ФЕ в содержание обучения иностранному языку и межкультурной коммуникации. Особый интерес для нас представляли исследования Л.Г. Павловской [2000], В. В. Чуднова [2007], Цзан Вэньцян [2009], поставившие проблему обучения соматической лексике русского языка в иноязычной аудитории.

Базой экспериментально-опытного обучения послужила МБОУ «Гимназия № 13» г. Махачкалы Республики Дагестан. В нем приняли участие 20 учащихся 10-х классов, которые были распределены на контрольную и экспериментальную группы по 10 человек. Для достижения целей эксперимента в процессе его проведения решались следующие задачи:

- отбор и систематизация материала для проведения эксперимента;
- определение исходного уровня знаний учащихся в области соматических ФЕ английского языка в контрольной и экспериментальной группах;
- составление упражнений и заданий по формированию навыков употребления соматических ФЕ английского языка в сопоставлении с русским и родным языками у учащихся экспериментальной группы;
- проверка эффективности проведенной работы путем повторного тестирования в обеих группах;
- сопоставление полученных результатов и подведение итогов эксперимента.

Непосредственному экспериментальному обучению предшествовал констатирующий этап, целью которого было выявление наличия базовых теоретических знаний о фразеологических единицах, а также определение исходного уровня развития навыков и умений межкультурной коммуникации, формируемых посредством соматических ФЕ. В качестве форм контроля использовались анкетирование и тестирование.

Испытуемым была предложена анкета со следующими заданиями и вопросами:

Анкета

Что понимается под термином «ФЕ»? Чем ФЕ отличается от слова и словосочетания?

Приведите примеры ФЕ в английском, русском и родном языках.

Какие типы ФЕ Вам известны?

Известно ли Вам, что означает термин «соматизм»?

Приведите примеры использования соматизмов в составе фразеологических единиц в английском, русском и родном языках.

Выполняете ли Вы на занятиях по английскому языку задания, связанные с комментированием, объяснением и сопоставлением ФЕ?

Подбираете ли Вы ФЕ, опираясь на словари?

Какие фразеологические словари Вам известны?

Хотели бы Вы расширить свой запас ФЕ английского языка?

Насколько он необходим для межкультурной коммуникации?

В ходе проведенного тестирования было выявлено, что у учащихся была слабо сформирована межкультурная компетенция, основанная на таком средстве, как соматические ФЕ; они не вполне были способны адекватно воспринимать, понимать, интерпретировать и приводить высказывания, содержащие анализируемые единицы; затруднялись в нахождении общего и специфического в исследуемых фразеологизмах в рассматриваемых языках.

Трудности, возникшие у учащихся, были обусловлены различными факторами: а) лингвистическими, связанными со спецификой семантики данного разряда ФЕ; б) психологическими, обусловленными небольшим жизненным опытом и недостаточным осознанием целей изучения и применения ФЕ; в) причинами методического плана. Последние, как представляется, были вызваны отсутствием систематической, регулярной работы по овладению данными словарными единицами, превалированием знаний над умениями, недостаточной речевой практикой.

На обучающем этапе эксперимента работа с учащимися экспериментальной группы по формированию межкультурной компетенции на основе соматических ФЕ проводилась в соответствии с отобранными методами и приемами обучения. Были использованы все три вида методов, выделяемые в соответствии с характером участия в процессе обучения: пассивные, активные и интерактивные. Пассивные методы были представлены, прежде всего, лекционным методом. На вводной лекции участники экспериментальной группы познакомились с краткой историей изучения соматических фразеологических единиц в общем, частном и сопоставительном языкознании. Особое внимание при этом было уделено ознакомлению испытуемых с материалами исследований соматических ФЕ в дагестановедении, выпол-

ненных как в одноязычном, так и сопоставительном аспектах [Гасанова 2000, Исмаилова 2011, Проблемы... 1986, Сагидова 2013, Яралиева 2009 и др.]. Второй из примененных методов – проблемно-поисковый. Старшеклассники работали со словарями, выполняли разные виды лингвистического анализа соматических ФЕ, обращая особое внимание на специфику отражения в данных единицах реалий жизни его носителей. В числе активных методов обучения практиковались выступления участников экспериментальной группы с краткими сообщениями по теме исследования. Применялись и интерактивные методы – обучение общению в системе межкультурного диалога (полилога). Предлагаемые задания были нацелены на формирование основных выделяемых компонентов межкультурной компетенции: 1) языкового, 2) культурного, 3) коммуникативного [Леонтович 2003:108].

Ср. задания на формирование **языкового** компонента межкультурной компетенции:

1. Выделите соматические ФЕ в данных предложениях, переведите их на русский язык

Your hair stands on end over something that's absolutely necessary to get the work done as we originally planned (M. Wilson, «My Brother, My Enemy», ch. 5); *William: «If you don't find them in two and a half seconds I'll break every bone in your body». Frederick: «It's no good losing your hair about it. If we can't find your bouts we can't.»* (W. S. Maugham, «Home and Beauty», act II),

2. Заполните пропуски соматических ФЕ, выбрав правильный вариант из предложенных

I am sure hein the murder

a) was all ears; b) had a hand; c) had cold feet.

3. Подберите верный вариант перевода:

английский	русский
1) <i>beam in one's own eye</i>	1) «лучше кривой, чем слепой»
2) <i>keep one's ears open</i>	2) «бревно в своем глазу»
3) <i>better one-eyed than stone-blind</i>	3) «наострить уши»
4) <i>among the blind one-eyed man is king</i>	4) «видеть краем глаза»
5) <i>see smb. out of the corner of one's eye</i>	5) «среди слепых и одноглазый – король»

4. Закончите следующие соматические ФЕ: *the face is the index*; *a fair face may hide*; *to have a finger in every*..... и т. д.

Упражнения на формирование **культурного** компонента меж-

культурной компетенции включали задания по переводу и сопоставлению предложений с выявлением общих и национально-культурных особенностей соматических ФЕ английского, русского и дагестанских языков. Ср.:

1. Переведите предложения на русский язык, по возможности используя соматические ФЕ. Прокомментируйте сходства и различия в семантике соматических ФЕ английского и переводных эквивалентов в русском, а также в родном языках: «*Don't try to pull my leg!*», he retorted. «*Don't try to pull the wool over me eyes! I am not a child!*» – «Ты мне голову не морочь!» – возразил он. – Ты мне не наводи тень на плетень. Я тебе не мальчик!».

2. Подберите, если возможно, соматические ФЕ в родном языке, эквивалентные соматическим ФЕ английского и русского языков. Прокомментируйте их сходства и различия.

В английском языке	В русском языке	В родном языке
1) <i>put one's finger in smb's pie</i>	вмешиваться (во что-л.); распоряжаться (где-л.)	
2) <i>to one's finger's ends</i>	до кончиков ногтей	
3) <i>fall on one's face</i>	разг. потерпеть неудачу	
4) <i>not to be worth smb's little finger</i>	не стоить чьего-л. мизинца	
5) <i>one's fingers itch</i>	у него (нее) руки чешутся	

3. Выявите среди соматических ФЕ, пословиц и поговорок группы со сходной и национально-культурной семантикой, распределив их на 3 части: 1) абсолютные эквиваленты (*all skin and bones* – *кожа да кости*; *Achilles' heel* – *ахиллесова пята*), 2) частичные эквиваленты – ФЕ, тождественные по смыслу, но различные с точки зрения лексики и структуры (*to bare one's heart* «обнажить сердце» – *излить душу*); 3) лакунарные ФЕ – единицы одного языка, для которых не нашлось аналога в другом языке (*by the ski of one's teeth*; русск. «разуй глаза; ни уха ни рыла»; в аварском языке: *бадуса тат и бахъизе* (букв. «из глаз сало вытаскивать») «надоедать» и т. п.).

Далее в соответствии с выделенными группами испытуемым было предложено составить таблицы, включающие соматические ФЕ трех языков с учетом их сходств и различий.

Задания на развитие коммуникативного компонента меж-

культурной компетенции имели своей целью выработку определенного стереотипа поведения инокультурной личности, который был бы тождественен нормам носителей языка и в конкретных сферах общественной жизни, и в межкультурной коммуникации в целом.
Ср.:

1. Поясните следующие английские соматические ФЕ носителю русского языка, используя дословный и эквивалентный перевод, например: *tread on smb's toes* «наступит на чьи-л. пальцы ног»; «задеть чьи-л. чувства» «наступит на чью-л. любимую мозоль».

Ср. также: *cut one's own throat, to carry one's head high, to keep one's fingers crossed, etc.*

2. Объясните значение следующих соматических ФЕ русского языка воображаемому носителю английского языка, используя дословный и эквивалентный перевод, например: *до кончиков ногтей; у него (у нее и т.д.) руки чешутся; влюбиться по уши; проскользнуть сквозь пальцы; уплыть из рук* и т.д.

3. Уточните значение соматических ФЕ русского языка носителю английского языка в форме диалога, используя дословный и эквивалентный перевод, например:

a) A. *What does «безымянный палец» mean in Russian?*

Б. «Безымянный палец» *means* «a nameless finger», *it is the fourth finger on the hand.*

A. *In English we call it «the medical finger» when it is the right hand and «the ring finger» when it is the left hand.*

4. Поясните значение соматических ФЕ дагестанских языков носителям русского языка, используя дословный и эквивалентный перевод:

Например: лезг. *чин гун* (букв. «лицо дать», «повернуться лицом») «везти в чем-либо».

Ср. также: дарг. *урклили уркли бергун*; лак. *маз бавхлуну личлан*; таб. *члал бисуб*; лезг. *сив чукурун*; авар. *бетлер унтизабизе* и т.д.

Попробуйте таким же образом объяснить их носителям английского языка. **Например:** дарг. *уркли ухъес* (букв. «heart to run») «to get frightened». Ср. также: лак. *мазрал хъхъури дакъасса*; авар. *бер бухъине*; дарг. *канилизи дамра бяхъли сайра*; лезг. *сивиз килигун*; таб. *клураб адру мелз* и т. д.

5. Расскажите воображаемому англоязычному интернет-другу какой-нибудь случай из своей жизни, используя соматические ФЕ.

Сопоставление результатов проведенного, вслед за обучающим, контрольного этапа эксперимента и данных констатирующего этапа показало, что в экспериментальной группе имело место повы-

шение показателей уровня сформированности по каждому компоненту межкультурной компетенции. Испытуемые этой группы уже практически не затруднялись при выполнении заданий повторного тестирования. В контрольной группе, где предварительно не были даны теоретические сведения об исследуемом объекте и не было проведено экспериментальное обучение, прирост показателей был несущественным. Старшеклассники этой группы испытывали затруднения при выполнении заданий и затрачивали на них больше времени.

В итоге проведенной работы по внедрению соматических ФЕ в учебный процесс формирования межкультурной компетенции в условиях полиэтнического региона представляется возможным сделать вывод, что знание своеобразия фразеологии английского языка в сравнении с русским и родным языками может способствовать успешности межкультурного общения.

Литература

Гасанова С.Н. Сравнительный анализ соматических фразеологических единиц восточно-лезгинских языков. – Махачкала: ДНЦРАН, 2000. – 115 с.

Ильясов И.О. Методика обучения английскому языку учащихся многонациональных школ. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1996. – 150 с.

Исмаилова З.И. Структурно-семантическая характеристика фразеологии современного арабского литературного языка в сопоставлении с аварским и русским языками: на материале фразеологизмов с компонентами, обозначающими части тела: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. [Место защиты: Дагестан. гос. пед. ун-т]. – Махачкала, 2011. – 26 с.

Леонтович О.А. Россия и США. Введение в межкультурную коммуникацию: Учеб. пособие / О. А. Леонтович; М-во образования Рос. Федерации. Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград : Перемена, 2003. – 398 с.

Павловская Л.Г. Русская фразеология как фрагмент языковой картины мира при обучении латышских учащихся: автореферат дис. ... доктора педагогических наук: 13.00.02 / Гос. ин-т русского языка им. А.С. Пушкина. – Москва, 2000. – 43 с.

Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: соматические термины. – Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1986. – 173 с.

Сагидова М.П. Сравнительный структурно-семантический анализ соматических фразеологических единиц дагестанских языков: на материале аварского, даргинского, лакского, лезгинского и табасаранского языков: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Сагидова Марьян Пастаминовна; [Место защиты:

Дагестан. гос. пед. ун-т]. – Махачкала, 2013. – 30 с.

Цзан Вэньцянь. Лингводидактическая система формирования фразеологической компетенции китайских русистов: на материале русских соматических фразеологизмов: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.02 / Цзан Вэньцянь; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. – Москва, 2009. – 22 с.

Чуднов В.В. Соматическая лексика в аспекте преподавания русского языка как иностранного: на материале тематической группы «Наименования внутренних органов человека»: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук : 13.00.02 / Чуднов Владимир Васильевич; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. – Москва, 2007. – 23 с.

Яралиева Э.М. Семантическое пространство соматизмов *rukl/heart* в лезгинском и английском языках: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. [Место защиты: Дагестан. гос. пед. ун-т]. – Махачкала, 2010. – 22 с.

УДК 811.512

Лингвокультурологический анализ этнонима адыгэ

Linguoculturological approach in the analysis of the ethnonym of Adyge

З.К. Беданоква, доктор филологических наук, зав.кафедрой русского языка Адыгейского государственного университета. г. Майкоп, Российская Федерация. E-mail: bedan23@mail.ru

В.Ю. Шалагина, студентка 4 курса филологического факультета Адыгейского государственного университета. г. Майкоп, Российская Федерация. E-mail: v-shalagina2017@mail.ru

Z.K. Bedanokova, Doctor of Philology, Head of the Department of the Russian Language of the Adygea State University. Maykop, Russian Federation. E-mail: bedan23@mail.ru

V.Y. Shalagina, Student of the Philological Faculty of the Adygea State University. Maykop, Russian Federation. E-mail: v-shalagina2017@mail.r

Аннотация. Лингвокультурологический анализ этнонима адыгэ и топонима Адыгея позволил показать основные направления концептуализации этих слов. В рамках исследования рассмотрена общеноминативная характеристика и изучены различные структуры интернет-коммуникации, содержащие номинации, соотносимые с концептуальным полем адыгэ / Адыгея.

Ключевые слова: этноним, топоним, Адыгея, концептуализация, лингвокультурология.

Abstract. The linguoculturological analysis of the ethnonym Adyge and the toponym Adygea allowed us to show the main directions of conceptualization of these words. Within the framework of the study, the general nominative characteristic is considered and various structures of Internet communication containing nominations correlated with the conceptual field of Adyge / Adygea are studied.

Keywords: ethnonym, toponym, Adygea, conceptualization, linguoculturology

Лингвокультурологический анализ этнонима (название этноса) предполагает рассмотрение языковой единицы в ракурсе культурного контекста и языковой характеристики. Полагаем, что общеноминативные характеристики и прагма-лингвистический потенциал этнонима в фокусе восприятия языковой единицы в реальной действительности, в социокультурном окружении порождают интерпретацию, которая и является по сути концептуальным портретом слова.

Название топонима Адыгея восходит к этнику адыгэ – самоназванию адыгов, черкесов и кабардинцев, проживающих на Северо-Западном Кавказе на территории Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Шачсутии. Самоназвание адыгэ имеет несколько этимологических версий, одна из которых представляется верной, потому что соотносится со значением слов «союз, единение, единство особей, лиц, субъектов» [Иваноков 2004; 100], что логично, поскольку этнос адыгов представляют собой совокупность субэтносов. Этнос в современной языковой действительности объединяет общий для нескольких коренных кавказских народностей адыгский язык, который основан на диалектах: абадзехском, бжедугском, темиргоевском, шапсугском и кабардинском, и представлен в двух литературных вариантах: адыгейском и кабардино-черкесском языках. Самоназвание адыгэ стало производящим для этнонимом Адыгея, который стал и названием республики.

Этноним Адыгея как объект изучения в лингвокультурологическом аспекте предполагает описание языковых способов и средств объективации или актуализации концепта Адыгея, а также выявление структуры исследуемого концепта.

В первую очередь, Адыгея ассоциируется в сознании простого человека с конкретным регионом, и это понимание отражено в значениях соответствующих лексем в толковых словарях русского языка.

В «Большом толковом словаре русского языка» [Кузнецов] лексема *Адыгея* определяется следующим образом:

1. Республика Адыгея в составе Российской Федерации. Называется по самоназванию коренного населения адыге (русс. адыгейцы). Официальное название Республика Адыгея принято в 1992 г.

2. Адыгея – (Адыгейская Республика) в Российской Федерации. Образована 27.7.1992 как Черкесская (Адыгейская) авт. обл., с 24.8.1922 по 13.8.1928 — Адыгейская (Черкесская) авт. обл., до 3.7.1991 Адыгейская авт. обл. в составе Краснодарского кр., с 3 июля 1991 — Адыгейская Республика в составе Российской Федерации [Ожегов 2009: 5].

Адыги (черкесы) – один из древнейших коренных народов Кавказа, предки которых были выходцами из Малой Азии и по происхождению связаны с хатами / хеттами. Начальный этап в истории черкесов на территории Западного Кавказа – это 4-е тысячелетия до н.э. Языковая и культурная общность объединяла в эту эпоху обширные районы северо-восточного и южного Причерноморья.

Признаки, характеризующие концепт Адыгея, могут выражаться с помощью атрибутива. В «Толковом словаре Ожегова» отражены два основных значения прилагательного *адыгейский*:

1. Относящийся к адыгам (адыгейцам), к их языку, национальному характеру, образу жизни, культуре, а также к Адыгее, ее территории, внутреннему устройству, истории; такой, как у адыгов (а также адыгейцев), как в Адыгее.

2. Свойственный, характерный адыгейцам и для Адыгеи [Ожегов 2009: 5].

Номинативная характеристика топонима Адыгея является основанием для актуализации концепта Адыгея в дискурсе интернет-коммуникации предположительно в двух позициях:

1) номинации адыгских реалий и объективация через словосочетания и однокоренные слова;

2) номинации, входящие в концептуальное поле адыгэ / Адыгея.

Материалом для систематизации послужили языковые факты интернет-пространства: социальных сетей (на платформе Яндекс *Адыгейский*, *Адыгея* – 4 тыс. результатов), в частности, названия аккаунтов ВКонтакте, Инстаграм (запрещена на территории России), Телеграмм, на сайтах республиканских газет, Кавказский узел и др.

1) Номинации с корневым морфем адыг- нашли отражение в названии 39 аккаунтов в Инстаграм: *adigawune*, *adygvoice*, *adyga_s*, *adigagup*, *adige_fashe*, *adygekuae*, *adyge_hase01*, *adyge_teatr*, *adyge_dance_01*, *adyge_planeta*, *europa_adige*, *nasha_adyga_russia*, *adyge_khase*, */artur_adyga_07*, *adiga.itv*. Также в Инстаграм опубликован пост к 32 годовщине образования Республики Адыгея, в котором актуализируются категории и признаки, являющиеся основой для формирования первичных фреймов и метафорических моделей, формирующих структуру концепта: *Адыгея – дружба народов; трудолюбивые люди; уникальная природа; богатая культура; вкусная кухня; древняя история; талантливая молодёжь; множество чемпионов;*

адыгейский сыр.

Аккаунт Кавказского узла в 22 выпусках за 2023 в словосочетаниях с существительными *Адыгея*, *адыг*, прилагательным *адыгский* обнаруживаются основные темы публикаций:

Зоозащитница из Адыгеи, жительницы Адыгеи, Верховный суд Адыгеи, уроженец Адыгеи, представители муфтиятов Северной Осетии и Адыгеи, туристка из Новороссийска погибла в горах Адыгеи. В Адыгее в память жертв Кавказской войны, адыгские народы на грань исчезновения, после войны и массовой депортации адыгов.

Канал Телеграмм представлен аккаунтами: *Типичная Адыгея, Нетипичная Адыгея, Адыгея, Чесночная соль, Адыгейша.*

2) Номинации, входящие также в концептуальное поле *адыгэ / Адыгея*, представлены ключевыми словами: *Северный Кавказ, Черкесия, черкес*. Широко известно, что *адыгэ* – это самоназвание (на родном языке), а *черкес* название народа в мировом сообществе, но процессы интерференции заставляют нас рассматривать оба названия одновременно. Более 60 аккаунтов в Телеграмм и Инстаграм каналах имеют в названии лексему *черкес, черкесский* в латинской графике: *circassian_renaissance, circassian_geneology, circassian_nation – (5ед.), cherkesfm, cherkes_maikop, cherkes_tv – (58ед.)*.

Концептуальное поле *адыгэ / Адыгея* состоит из явлений, характеризующих предпочтения и интересы современных жителей республики, объективация которых возможна по самым значимым направлениям: **культура**: *сае* (женский адыгский национальный костюм), *черкеска, джегу*, адыгские танцы (названия танцев: *Зафак, Исламей, Удж* и др.), *адыгейский театр, адыгейская музыка, адыгейский рок, адыгейская гармонь, шичепцин* и т.п.; **уникальная природа**: природные географические объекты, топонимы, имеющие древние адыгские названия: название горных вершин (*Оштен, Фишт, Ассара, Ачежбок* и др.), ущелий, пещер (*Азишская* и др.), хребтов (*Пастбищный, Скалистый, Азиш-Тау Уна-Коз, Дедеркой*) и перевалов (около 200 названий); гидронимическая лексика – реки (*Фарс, Гузерипль, Лаба, Шхагуаша, Пиши, Пшеха* – более 700 названий), ручьи (*Чехрак, Кужора*), колодцы (*Беденок*), озёра, водопады (*Руфабго*); **древняя история**: курганы (*Майкопский, Ошад, Уляпский, всего 156 единиц*), *дольмены, хатты, меоты*.

Как видим, концептуализация этнонима *адыгэ* и топонима *Адыгея* осуществляется больше всего в реалиях, связанных с ономастическим пространством. Добавим, что пространство *Адыгеи* имеет, в том числе, населенные пункты: города, станицы, аулы, поселения, хутора. «Главный фактор формирования топонимии *Адыгеи* – исторический и социально-экономический. С точки зрения истории, коренное населе-

ние, пережившее проблему формирования зон оседлости в конце XIX столетия нарекло места постоянного жительства по названию своего субэтноса: *Адамий (от племени адамийцев), Бжедугхабль (бжедуги), Хатукай – (хатукайцы), Абадзехская (абадзехи), Мамхег (мамхегу), Натухай (натухайцы), Шенджий (синды – Шинджив, Шинджир)*» [Емтыль 2016: 84]. После переселения основной части черкесского народа в Турцию кавказские территории активно осваивались представителями различных этнических групп: *татары, армяне (Шаумян), украинцы (Шевченко), греки, чехи (Мамацев, Дукмасов), позже курды.* События XIX – XX века, социально-экономические условия существования людей, их трудовая жизнь отразились в названиях населенных пунктов (поселки: *Цветочный, Табачный, Хомуты, Лесной, Безводная* и др.).

При описании Адыгеи носителями русского языка актуализируются те или иные области/фрагменты пространства Адыгеи, в частности, топонимические реалии: гидронимы, ойконимы и оронимы. Концепт Адыгея в русской языковой картине мира имеет сегментную структуру, которая формируется при помощи различных фреймов (культура, искусство, природа, история, кухня), что позволяет говорить о специфике актуализации концепта Адыгея в интернет-коммуникации.

Литература

Большой толковый словарь русского языка Кузнецова // режим доступа: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/адыги>

Емтыль Р.Х. Особенности формирования топонимии Республики Адыгея // Культурная жизнь региона. № 2 (61), 2016. – С. 81-85

Иванов Н.Р. Этноним адыгэ и версии его происхождения // Проблемы региональной ономастики: Материалы 4-ой всероссийской научной конференции. Майкоп, 2004. – С. 99-101

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под ред. Л. И. Скворцова. – 26-е изд., испр. и доп. – М.: Оникс [и др.], 2009

УДК 81'373.2 (410.1):291

Языческое и христианское видение мира в ономастиконе произведения Р. Киплинга «Пак с Волшебных холмов» (R. Kipling "Puck from the Pook's hills")

Pagan and Christian vision of the world in the onomasticon of R. Kipling's "Puck from the Magic Hills"

М. Ю. Беляева, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной филологии Кубанского государственного университета, филиал в г. Славянске-на-Кубани, Российская Федерация. E-mail: fliny@mail.ru

M.Yu. Belyaeva, doctor of Philological sciences, professor of Kuban State University (Slavyansk-on-Kuban branch), Russian and Foreign Filology stuff c. Slavyansk-on-Kuban. Russian Federation. E-mail:

fliny@mail.ru.

В. И. Арланова, студентка Кубанского государственного университета, филиал в г. Славянске-на-Кубани, Российская Федерация. E-mail: vladislava.arlanova@mail.ru.

V.I. Arlanova, student of the branch of the "Kuban State University" in Slavyansk-on-Kuban. E-mail: vladislava.arlanova@mail.ru.

Аннотация. Рассмотрены собственные имена разных видов, отражающие языческие и христианские представления о мире в тексте произведения Р. Киплинга "Puck from the Pook's Hills" («Пак с волшебных холмов»). Выявлено 78 реалий, в названиях которых воспроизводятся языческие верования англичан, и 45 – христианские. В тексте обнаружены онимы разных видов – мифонимы, этнонимы, топонимы, идеонимы. Собственные имена-религионимы фиксируют объекты религиозного поклонения, догматы религии, религиозные тексты, последователей религиозных учений, культовые сооружения, религиозные праздники. Широкое употребление имён языческих реалий сочетается в повести Р. Киплинга с высокой оценкой системообразующей роли христианской церкви в обществе.

Ключевые слова: религия, язычество, христианство, антропонимы, этнонимы, топонимы, идеонимы, эргонимы.

Abstract. The proper names of different types reflecting pagan and Christian ideas about the world in the text of R. Kipling's work "Puck from the Pook's Hills" are considered. 78 realities have been identified, in the names of which pagan beliefs of the English are reproduced, and 45 – Christian ones. The text contains onyms of various types – mythonyms, ethnonyms, toponyms, ideonyms. Proper names-religious names record objects of religious worship, dogmas of religion, religious texts, followers of religions, places of worship, religious holidays. The widespread use of the names of pagan realities is combined in R. Kipling's story with a high assessment of the system-forming role of the Christian church in society.

Keywords: religion, paganism, Christianity, anthroponyms, ethnonyms, toponyms, ideonyms.

В статье рассматриваются собственные имена в тексте Редьярда Киплинга "Puck from the Pook's Hills" [Kipling. Puck from the Pook's Hills] // Puck of Pook's Hills" («Пак с Волшебных холмов») [Kipling. Puck of Pook's Hills], отражающие языческие и христианские представления англичан. Цитаты из повести в тексте данной статьи приводятся в круглых скобках с указанием страницы по изданию [Kipling. Puck of Pook's Hills].

Конфессиональные термины затрагивают самые разные аспекты религиозной жизни: обряды, наименования объектов и предметов, наименования отправителей культа, философские и мировоззренческие феномены и т. д. В денотативную сферу «Религия» входят 11 де-

нотативно-идеографических групп. Они отражают главные аспекты макроситуации, которая связана с репрезентацией религиозной картины мира, в том числе объекты религиозного поклонения (*Бог, мессия, Богоматерь*), религиозные убеждения и учения (*баптизм, лютеранство, неверие*), религиозные догматы (*бессмертие, предопределение, Троица*) и проч. [Большой толковый словарь... 2004].

Языческие верования относятся к далёкому прошлому Англии [Шапошникова 2022]. От V в. до н.э. до времени правления Цезаря различные кельтские племена сознавали свою общность, обожествляя явления природы, отдавая предпочтение не упорядоченному, но безграничному изображению действительности [Хайнц 2006: 8]. Лишь в конце VI века англосаксы приняли христианство, и папе римскому стала подчиняться новая церковь.

В произведении Р. Киплинга происходит соприкосновение мира людей с потусторонним, что составляет основу всего сюжета повести. Центральный персонаж произведения – Пук (Пак) – сам является частью языческой картины мира. Дух леса, он олицетворяет высшие силы, существенно отличаясь от людей: "I'm Puck, the oldest Old Thing in England, very much at your service if – if you care to have anything to do with me" (с. 24-25). Пак вызван магией трёхкратного представления пьесы В. Шекспира «Сон в летнюю ночь» двумя маленькими англичанами – Уной и Дэном. Пак и сам способен производить магию. При этом герой не вызывает у детей и читателей чувства страха, он скорее играет роль шутника и трикстера. По сути, у Р. Киплинга он является духом-хранителем прошлого, главное желание которого состоит в том, чтобы показать детям, как изменилась Англия, посетовать на то, что языческие традиции, верования забыты людьми, ушли безвозвратно.

Согласно нашим подсчётам, языческие реалии, в названиях которых в повести Р. Киплинга воспроизводятся языческие верования жителей Великобритании, составляют 62 % от общего числа конфессиональных компонентов в тексте (78 реалий), включая именованные нарицательными именами).

В тексте повести обнаружены различные виды онимов.

1. СИ-мифонимы, обозначающие объекты религиозного поклонения: *the Gods, Thor, Weland, Merlin* (мифоантропонимы); *Oak, Ash, Thorn* (мифофитонимы).

В словосочетании *Smith of the Gods* слово *Gods* употребляется во множественном числе, маркируя противопоставление монотеистического христианского верования и политеистической языческой системы верований.

Знание о культе солнца, луны, деревьев считалось сакральным. Объекты поклонения наделялись божественной силой, вокруг свя-

щенных деревьев совершались ритуалы. Значимость леса для языческой картины мира подчеркивается использованием прилагательного *Great* ("to the corner of the Great Woods", с. 41). Поклонение Ясеню, Тёрну и Дубу ("By Oak, Ash, and Thorn!" cried Puck, taking off his blue cap", с. 25) отражает стихотворение Р. Киплинга "A Tree Song" («Гимн деревьям»), включённое в текст повести.

Из забытых ныне богов Пак вспоминает азиатского *Mithras* (Митру), кельтскую *Belisama*: "one Goddess called Belisama. She became a common wet water-spirit somewhere in Lancashire" (с. 32). Среди представителей древнегерманского (скандинавского) языческого пантеона в тексте названы *Thor* (Тор), *Weland* (Вёлунд). Тор знаком девочке по прочитанной книге: "Thor of the Scandinavians 'Heroes of Asgard Thor?' said Una" (с. 32). Мифическому кузнецу Вёлунду, именем которого изначально назван местный брод, ныне утративший прежнее название, отводится целая глава повести. "It was Weland's Ford then, dear", "The next time I came to Andover, a few hundred years later, Weland and his temple were gone, and there was a Christian bishop in a church there" (с. 35).

В устах Пака постоянно повторяется имя чародея Мерлина, известного по циклу легенд о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. Для лесного духа он могучий тёмный волшебник ("It was Magic Magic as black as Merlin could make it", с. 30) которым можно восхищаться ("If Merlin himself had helped you, you couldn't have managed better!", с. 24).

2. СИ-этнонимы, обозначающие племена язычников: *Picts*, *Painted People*.

"The Picts were well fed that winter". Перифраз используется для обозначения племени пиктов: "The great war with the Painted People broke out in the very year the temples of our Gods were destroyed". Термин *пикты* 'разрисованные' введён римлянами, для которых пикты были варварами, раскрашивающими самих себя с целью выглядеть более дикими в бою.

3. СИ-библионимы, обозначающие религиозные тексты: *Rune-carved sword*, *the Runic letters*.

Руны были важным компонентом языческой письменности, язычники верили в знаки, которые способны помочь человеку и повлиять на исход дела: "He had found the wonderful Rune-carved sword ...".

4. СИ-геортонимы, обозначающие религиозные праздники: *Midsummer Night*.

Солнце играло важнейшую роль в системе верований язычников. *Midsummer*, праздник летнего солнцестояния, соотносится с праздником бога Лита, который обозначал середину лета, т. е. самую

короткую ночь в году: "Then what on Human Earth made you act Midsummer Night's Dream three times over, on Midsummer Eve, in the middle of a Ring, and under – right under one of my oldest hills in Old England?" (с. 23).

6. СИ-топонимы, обозначающие культовые места и сооружения: *Stonehenge, Hy-Brasil*.

"Not old – fairly long-lived, as folk say hereabouts. Let me see – my friends used to set my dish of cream for me o' nights when Stonehenge was new". Предполагают, что *Стоунхендж* – древнее капище или алтарь язычников, возможно, обсерватория. Тот факт, что в тексте использовано словосочетание *when Stonehenge was new*, указывает на его создание во времена язычества. *Hy-Brasil* – Ги-Бразиль, Стекланный остров кельтов – считался загробным царством, где правил злой карлик Билис и откуда меч короля Артура попал в Британию.

7. СИ-идеонимы, обозначающие догматы религии: *Prophecy*.

Для дохристианского мира на первый план выходят *Prophecy* 'пророчества' как способ узнать будущее: "He cooled that sword in running water twice, and the third time he cooled it in the evening dew, and he laid it out in the moonlight and said Runes (that's charms) over it, and he carved Runes of Prophecy on the blade" (с. 40).

Как видим, языческий компонент видения мира представлен в повести Р. Киплинга достаточно разнообразно. Поступательное развитие истории получает в целом объективную оценку. В то же время устами Пака отчётливо выражена тоска по утраченным языческим ценностям, в том числе собственным именам – мифонимам (бывшим теонимам), топонимам:

"Trackway and Camp and City lost,
Salt Marsh where now is corn;
Old Wars, old Peace, old Arts that cease,
And so was England born!" (с. 16).

Более того, сама Англия сравнивается с волшебным островом Мерлина ("*Merlin's Isle of Gramarye*", с. 38).

Собственные имена, относящиеся к христианским элементам, были распределены нами по денотативно-идеографическим группам конфессиональных терминов.

1. СИ-эргонимы, обозначающие религиозные организации, объединения: *Mother Church*.

"Whatever the Smith of the Gods may have been, in the old days, we know that he worked honestly for his living and made gifts to Mother Church" (с. 41).

2 СИ-антропонимы, обозначающие последователей религиозного учения: *Good Christian, Brother Hugh*.

Антропонимы многочисленны и разнообразны. Применяются

для служителя Господа (*Brother Hugh*) или того, кто неукоснительно следует христианской морали (*Good Christian*). У иудеев, как противников христианства, даже запах крепости вызывает раздражение (*Christian-smelling fortress*). На базе мифонимов возникают перифрастические обозначения человека вообще (*son of Adam daughter of Eve*).

Противниками христианства традиционно названы *Jews (уудеу)*, *Moors (мавры)*.

3. СИ-теонимы и мифонимы, обозначающие объекты религиозного поклонения: *God, Saint Barnabas, Our Lady of the Assumption, Moses, the Saints*.

СИ отражают принципы христианской веры, ее ключевые и значимые объекты для вознесения молитв. Святыми клянутся: "By the Saints,' he said, rubbing his nose," I never thought England would be so easy won" (с. 57).

4. СИ-библионимы, обозначающие религиозные тексты: *Bible, Domesday Book*.

"like the Moses in the picture-Bible?" (с. 291); *Domesday Book* 'Книга Страшного суда': "She has ground her corn and paid her tax Ever since Domesday Book" (о мельнице) (с. 15).

5. СИ-геортонимы, обозначающие религиозные праздники: *Christmas*.

Рождество Иисуса Христа – один из ключевых христианских праздников, сохранивший следы языческих верований: "He wore a pointy-cloth cap for Puck, and a paper donkey's head out of a Christmas cracker" ().

6. СИ-идеонимы, обозначающие догматы религии: *Devil, Satan*.

" 'A Devil!' said Dan, delightfully horrified"; Then by your reasoning I ought to say 'Thank you' to Satan if he helped me?' " (с. 39). Использование догмата о Боге и Дьяволе как о символах добра и зла, рая и ада привычно даже для детей, однако дьявол вызывает у маленьких христиан ужас и смятение.

Как видим, религиозные реалии играют ключевую роль в реализации авторского замысла при описании мировоззрения и верований носителей англоязычной картины мира. Из 11-и денотативно-идеографических групп сферы «Религия» с репрезентацией религиозной картины мира язычества в повести Р. Киплинга связаны 7 видов СИ, христианства – 6. Большинство денотативных групп совпадает: объекты религиозного поклонения, последователей религиозного учения, догматы, религиозные тексты, религиозные праздники. В тексте присутствуют онимы разных видов – мифонимы, антропонимы, этнонимы, топонимы, идеонимы, эргонимы. Наиболее разнообразно и широко представлена группа мифонимов, обозначающих объекты религиозного поклонения и языческого пантеона, и христианского веро-

учения.

Несмотря на широкое употребление автором повести «Пак с Волшебных холмов» языческих реалий, христианской церкви и её учению отводится почётная роль начала, организующего общественную жизнь.

Литература

Большой толковый словарь русских существительных: идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. – 864 с.

Хайнц С. Символы кельтов / Пер. с нем. – СПб.: «ДИЛЯ», 2006. – 304 с.

Шапошникова И. В. История английского языка: учебное пособие. – М.: ФЛИНТА, 2022. – 508 с. URL: <https://e.lanbook.com/book/232616> (дата обращения: 15.04.2023).

Kipling R. Puck from the Pook's Hills [электронный ресурс]. URL: <https://www.gutenberg.org/ebooks/557> (дата обращения: 20.04.2023).

Kipling R. Puck of Pook's Hill [электронный ресурс]. URL: <https://www.archive.org/details/puckofpookrshill00kipl> (дата обращения: 20.03.2021).

УДК 811.351

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДАГЕСТАНСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию современного состояния дагестанской лексикографии, определению ее особенностей и перспектив развития. Дальнейшее развитие данного направления приобретает в настоящее время особую актуальность, так как все больше возникает потребность в фиксации многочисленных изменений, происходящих в наших языках, особенно в наиболее проницаемой его части – лексической системе языка. Эти изменения должны быть отражены в лексикографических исследованиях.

Ключевые слова: *дагестанская лексикография, переводные словари, толковые словари, двуязычные словари.*

THE STATE AND PROSPECTS OF DAGESTAN LEXICOGRAPHY DEVELOPMENT

Annotation. The article is devoted to the study of the current state of Dagestan lexicography, the definition of its features and prospects of development. The further development of this direction is currently becoming particularly rele-

vant, as there is an increasing need to fix the numerous changes taking place in our languages, especially in the most permeable part of it – the lexical system of the language. These changes should be reflected in lexicographic studies.

Keywords: *Dagestan lexicography, translation dictionaries, explanatory dictionaries, bilingual dictionaries.*

Гаджихмедов Н.Э., *Дагестанский государственный университет, г. Махачкала*

Gadjiakhmedov N.E., *Dagestan State University, Makhachkala*

Одним из фундаментальных явлений современной цивилизации является подготовка и издание словарей на языках малочисленных народов. Именно словари являются носителями духовной культуры народов, хранителями народного сознания, содержащими не только долговременную память о народе носителя данного языка, но и о его менталитете. Академик И. И. Срезневский писал, что «каждое слово есть Представитель понятия бывшего в народе: что было выражено словом, то было и в жизни; чего не было в жизни, для того и не было слова» [2, с.103].

В такой полилингвокультурной среде как Дагестан в период глобализации для реализации задач, намеченных в области реализации языковой политики и языкового строительства большое место необходимо отводить теоретическим и прикладным аспектам лексикографической работы: изучению теоретических основ национальной лексикографии и разработкам прикладного характера – составлению и изданию словарей различных типов. Развитие данного направления приобретает в настоящее время особую актуальность, так как все больше возникает потребность в фиксации многочисленных изменений, происходящих в наших языках, особенно в наиболее проницаемой его части – лексической системе языка.

Сегодня перед дагестанскими лексикографами стоит новая задача – создание больших двуязычных переводных словарей, отвечающих современному уровню развития лексикографии. Потребность в создании таких словарей заметно возрастает сейчас, в период усиления интереса и внимания к сохранению и развитию национальных языков и культур народов Дагестана. Эти словари должны включать значительное количество новых слов, словосочетаний и значений.

При разработке вокабулы новых словарей, а также при установлении семантического объема лексем очень важно воспользоваться принципом частотности употребления той или иной включаемой в словарь лексемы. Чтобы оградить себя от субъективизма, лексикограф должен включать в словарь только те

слова и их значения, которые имеют реальное употребление в современном языке. Этому требованию отнюдь не полностью удовлетворяют многие современные дагестанские словари.

Представляется целесообразным в дальнейшем выделять в качестве заглавных единиц некоторые морфемы, элементы слов (в частности интернациональные), например, *авиа-*, *авто-*, *теле-* и т. п. Это позволит, не увеличивая объема словаря, а нередко даже уменьшая его, представить материалы, касающиеся значительной группы слов, таких как *автобаза*, *автовокзал*, *автозавод*, *автоколонна*, *автомагистраль* и т.д.

В полных академических переводных словарях объектом лексикографирования должна быть вся специальная терминология, устоявшаяся в общенародном употреблении. Если будет учтена общественная актуальность того или иного термина в коммуникации, ее частотность использования в языке и речи, то практическая ценность словаря только повысится.

Почти все дагестанские языки не имеют толковых словарей, отражающих широкую палитру лексического, фразеологического и паремиологического богатства дагестанских языков с развёрнутыми толкованиями значений лексических, фразеологических и паремиологических единиц, большим количеством иллюстративного эмпирического материала. Создание многотомных толковых словарей является одной из главных задач современной дагестанской лексикографии.

Большая работа проделана дагестанской филологической лингвистике в области изучения отраслевой лексики дагестанских языков. На сегодняшний день в монографическом плане исследованы разные аспекты отраслевой лексики дагестанских языков – названия животного и растительного мира, бытовая, общественно-политическая, лингвистическая, литературоведческая и др. терминология. Можно с уверенностью сказать, что проведена большая работа, направленная на изучение структурно-семантической организации данной лексики, фиксации в новых отраслевых словарях терминов, представленных в лексических системах дагестанских языков. В последние десятилетия в рамках диссертационных исследований, выполняемых соискателями, продолжается дальнейшее изучение отраслевой и терминологической лексики. Богатый оригинальный лексический материал частично нашел отражение в новых переводных словарях. Однако считаем целесообразным подготовку и создание двуязычных толковых отраслевых словарей фитонимической, зоонимической, орнитонимической, гастрономической, этнографической, общественно-политической, религиозной лексики, лексики традиционной одежды и т.д. Эти словари будут содержать

национально-культурные особенности дагестанских народов, тесно связанных с их историей, духовной и материальной культурой.

В условиях возрождения, развития национальных культур и религии, важнейшей составляющей частью которой является мусульманская терминология, которая в основе своей имеет арабско-персидское происхождение, актуализируются древние заимствования из этих языков, претендующие утвердиться в современных дагестанских языках. Поскольку значительная часть такой лексики будет в большинстве дагестанских языков совпадать, считаем целесообразным подготовку и издание многоязычного словаря религиозной лексики дагестанских языков. В перспективе создание многоязычных словарей станет одним из наиболее актуальных и востребованных направлений лексикографии в многоязычном социуме.

Этнографические словари станут источниками, отражающими этнокультурные и этноментальные особенности народов Дагестана, носителями богатой лингвокультурологической информации, тесно связанной с историей и материальной культурой наших народов. Подобные словари будут и носителями когда то важной, но теперь устаревшей информации, выражаемой архаическими единицами языка.

Достоинны внимания составление объемных мультязыковых словарей совместными усилиями дагестанских ученых, сосредоточив тот объем богатого эмпирического материала, который отражает общность наших исторических корней и отвечает современному уровню развития наших народов.

Слишком медленно, но предпринимаются первые попытки в создании национальных корпусов и интерактивных словарей дагестанских языков. В этом направлении первые шаги связаны с созданием национальных корпусов аварского и лезгинского языков. Однако такая работа должна вестись по всем письменным языкам. Возникает необходимость в электронных словарях, сопровождающихся аудиофайлами с правильным произношением и видеофайлами с данными о культуре, традициях народов Дагестана.

Необходимо создание школьных словарей дагестанских языков, которые будут удовлетворять потребностям школьного читателя в практических лексикографических пособиях справочно-информационного характера при изучении родных языков, фиксируя и отражая тем самым ту часть лексико-фразеологического фонда дагестанских языков, который находит широкое применение в объеме изучаемых дисциплин в рамках учебной программы общеобразовательной школы. Охват основной части лексики дагестанских языков, хороший уровень лексикографического

описания будут, на наш взгляд, способствовать широкому использованию словарей в учебном процессе в дагестанских школах. Материалы таких словарей позволят эффективно использовать их при изучении только дагестанских языков, но и русского языка как языка межнационального общения.

Должно получить полноценное развитие зародившаяся на рубеже XIX–XX веков писательская лексикография. Одной из вершин в этом жанре должны стать толковые, алфавитные словари классиков дагестанской литературы, которые охватывают словарный состав различных текстов писателей (поэзии, прозы, драматургии, литературно-критических статей, писем и др.).

В настоящее время во всех дагестанских языках наблюдается стремительный рост издания антропонимических словарей и справочников. Однако пора приступить к созданию и топонимических словарей языков народов Дагестана.

Одно из главных мест в дагестанской лексикографии должны занимать сравнительно-исторические и историко-этимологические словари.

Составление словаря — сложный процесс, и, как справедливо указывал крупный специалист в этой области И.И. Срезневский, «ни в одной книге пропуски и неверности, вольные и невольные, не столько возможны и простительны, как в словаре» [2, с. 112]. Однако недочеты, выявленные в предшествующих изданиях словарей, должны быть полностью устранены в их последующих изданиях.

Высокий уровень лексикографической (то есть словарной) работы является верным показателем общего развития национальной культуры» [1, с. 77]. С большой горечью необходимо признать, что значительная часть этого несметного словарного богатства народов Дагестана еще не освоена лексикографией. Виноваты в этом прежде всего ученые-лингвисты, которые не занимаются разработкой и созданием новых словарей дагестанских языков. Поэтому говорить о том, что дагестанская лексикография достигла каких-то существенных результатов в этой области трудно. Только коллективные усилия дагестанских ученых и лексикографов в этом направлении, на наш взгляд, могут привести к весьма важным и существенным практическим результатам.

Литература

1. Горбачевич К.С. На основных направлениях науки // Современная нормативная лексикография <https://www.ras.ru/FStorage/download.aspx?Id=51911>.
3. Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. Изд. 2-е,

стер. – Москва: URSS : КомКнига, 2006. – 133 с.

УДК 811.512.375

Использование национального корпуса языка в лексикографическом описании: сочетаемость и модели управления глагола (на примере лезгинского языка)
Using a national corpus in dictionary work: verbal argument selection and valency, an example from Lezgian

Д.С. Ганенков, кандидат филологических наук, научный сотрудник Центра общей лингвистики, г. Берлин, ФРГ. Email: d.ganenkov@gmail.com

D. S. Ganenkov, PhD, research fellow at the Centre for General Linguistics, Berlin, Germany.

Аннотация: На примере глагола *акун* ‘видеть’ в лезгинском языке показано, как морфологически аннотированный корпус языка может быть использован для уточнения семантической и синтаксической характеристики глагольных лексем (семантические роли и падежное маркирование актантов).

Ключевые слова: корпусная лингвистика, лексикография, синтаксис, сочетаемость, модель управления

Abstract: Looking at the verb *akun* ‘see’ in Lezgian, this submission demonstrates how a morphologically annotated corpus can be used in the semantic and syntactic study of the verbal lexicon (semantic roles and case marking of verbal arguments).

Keywords: corpus linguistics, lexicography, syntax, argument selection, verbal valency.

Морфологически аннотированный корпус языка — это мощный инструмент, позволяющий лингвисту исследовать различные аспекты как грамматической структуры, так и лексической семантики. В таком корпусе для каждой словоформы содержится информация о лексеме, к которой относится эта словоформа, ее переводных аналогах на других языках, ее словоизменительных (морфологических) категориях, а также в некоторых случаях о ее словообразовательном составе (регулярно образуемые префиксальные и суффиксальные дериваты). В ряде случаев корпус может также включать семантическую информацию, в частности, онтологическую классификацию значений.

Корпус лезгинского литературного языка включает художественные тексты, прозаический фольклор и публицистические тексты (общий объем около 5 млн. словоупотреблений). Доля словоформ,

снабженных морфологическим анализом, составляет 85%. Для всех словоформ с анализом указывается частеречная характеристика, лексема и словоизменительная информация. Для глаголов это наклонение, полярность и видо-временная характеристика; для именных частей это число, падеж, локализация, ориентация. Кроме того, значительное число лексем в корпусе снабжено переводом на русский и английский язык. Ниже приводятся примеры морфологического анализа глагольной и именной формы.

Запись `<w><ana lex="чил" gr="N.sg.ad.ess" transl_ru="земля, почва" transl_en="ground"></ana>чилив</w>` означает, что словоформа *чилив* представляет собой форму единственного числа местного падежа I-й серии (ад-эссива) имени существительного *чил* со значением 'земля' ('ground').

Запись `<w><ana lex="хьун" gr="V.paff.pft.aneg.ind" transl_ru="стать" transl_en="become"></ana>хьанач</w>` означает, что словоформа *хьанач* представляет собой отрицательную форму простого прошедшего времени изъявительного наклонения (аориста) глагола *хьун* со значением 'стать' ('become').

Подобная информация может значительно облегчить работу по исследованию лексической семантики, семантики грамматических категорий и синтаксиса. Для словарной работы наиболее ценной оказывается информация о лексеме. Задавая поисковый запрос по лексеме, исследователь может в течение нескольких секунд получить множество, от десятков до тысяч в зависимости от употребительности лексемы, реальных примеров использования данной лексемы в лезгинских прозаических текстах различных жанров. В центре внимания настоящей статьи находится исследование сочетаемости и моделей управления глагола. В существующих лезгинско-русских словарях [Талибов, Гаджиев 1966; Бабаханов 2023] эта информация не приводится эксплицитно: информацию о моделях управления и о том, какие лексемы могут заполнять ту или иную валентность глагола, можно получить только из примеров (при том, что далеко не все глаголы и их значения иллюстрируются фразовыми примерами, содержащими полный набор актантов). Лезгинский толковый словарь А.Г. Гюльмагомедова [Гюльмегамедов 2007] стоит в этом отношении на порядок выше, давая для большинства глаголов и их значений модель управления и иллюстрируя значения примерами из прозы и поэзии, однако и там можно обнаружить лакуны. Именно для словаря такого типа, будь это переводной или толковый одноязычный словарь, может быть полезен такой исследовательский инструмент, как морфологически аннотированный корпус языка.

Рассмотрим в качестве примера глагол *акун* 'видеть'. Лезгинско-русский словарь Б. Талибова и М. Гаджиева [Талибов, Гаджиев 1966]

дает три значения: 1) «видеть (кого-что-л. и без доп.)» с примерами, иллюстрирующими только падежное маркирование прямого дополнения (номинатив), но не показывающими оформление подлежащего; 2) «доставать, находить (кого-что-л.)» без примеров, и 3) «выглядеть» с фразовым примером, полностью иллюстрирующим это значение в отношении оформления актантов. Словарь М.Б. Бабаханова [Бабаханов 2023] повторяет эту структуру значений, добавляя пример, иллюстрирующий падежное оформление (номинатив) прямого дополнения во втором значении («доставать, находить»); оформление подлежащего по-прежнему остается неясным.

Наконец, словарь А.Г. Гюльмагомедова [Гюльмегамедов 2007] также, с некоторыми уточнениями, повторяет эту структуру значений. В отличие от других словарей, однако, здесь специально указывается падежная характеристика подлежащего и прямого дополнения (в виде вопросительных местоимений в соответствующих падежных формах. В частности, для первого значения («увидеть») указано *низ вуж-вуч* (кто.ДАТ кто-что.НОМ), таким образом демонстрируя важнейшее синтаксическое свойство этого глагола: оформление подлежащего дательным падежом. Для второго значения («доставать, находить») также приводится информация о падеже актантов: *ни вуж-вуч* (кто.ЭРГ кто-что.НОМ), показывая, что глагол *акун* может также сочетаться и с субъектом в эргативе. Если дативное оформление субъекта при глаголе *акун* является широко известным фактом [Гайдаров и др. 2009, Haspelmath 1993], то возможность эргативного маркирования оставалась в тени, не будучи доступной исследователям, которые не владеют лезгинским языком, и не отмечалась специально в литературе. К сожалению, полных фразовых примеров, иллюстрирующих оформление актантов этого глагола во втором значении, по-прежнему не приводится. Кроме того, ни в одном из словарей не рассматриваются случаи синтаксических дополнений.

На основании текстовых примеров, обнаруженных в корпусе, можно дать следующую уточненную семантическую и морфологическую характеристику актантов глагола *акун* в лезгинском языке.

1) Значение: ‘видеть’

№	семантическая роль	синтаксическая функция	оформление
1	экспериенцер	подлежащее	ДАТ
2	стимул	прямое дополнение	НОМ
3	инструмент	косвенное дополнение	СУПЕР-ЛАТ

Роль первого актанта (экспериенцера) занимают обычно одушевленные имена. Существенных ограничений на роль прямого дополнения не зафиксировано. В качестве инструмента может быть ис-

пользовано только существительное *вил* ‘глаз’.

1. За-з ана мад са кас=ни аку-на-ч.
я-ДАТ там частица один человек(НОМ)=АДД видеть-АОР-НЕГ
‘Я никого там не видел.’ (Межид Гъажиев)
2. А-бур-у-з Исмаил аку-на-ч.
он-МН-КОСВ-ДАТ Исмаил(НОМ) видеть-АОР-НЕГ
‘Они не увидели Исмаила.’ (Гъаким Къурбан)
4. А-бур вири ва-з жув-а-н вил-ер-ал-ди
он-МН(НОМ) все ты-ДАТ сам-ОБЛ-ГЕН глаз-МН-СУПЕР-ЛАТ
аква-да.
видеть-БУД
‘Ты увидишь их всех своими глазами.’ (Буба Гъажиккулиев)

Зафиксирована также модель управления, где позицию подлежащего в дательном падеже занимает инструмент.

2) Значение: ‘видеть’

№	семантическая роль	синтаксическая функция	оформление
1	инструмент	подлежащее	ДАТ
2	стимул	прямое дополнение	НОМ

Как и в предыдущем случае, в роли инструмента здесь может выступать только существительное *вил* ‘глаз’.

5. [...] ад-а-н вил-ер-и-з санайни са кас=ни
он-ОБЛ-ГЕН глаз-МН-ОБЛ-ДАТ ниоткуда один чело-
век(НОМ)=и
аку-на-ч.
видеть-АОР-НЕГ
‘Его глаза нигде никого не увидели.’ (Буба Гъажиккулиев)
6. [...] амма лацу кьун [...] ад-а-н вил-ер-и-з=ни
но белый козел(НОМ) он-ОБЛ-ГЕН глаз-МН-ОБЛ-
ДАТ=и
аку-на-ч.
видеть-АОР-НЕГ
‘Однако белого козла и его глаза [...] не увидели.’ (Къяс Межидов)

Глагол *акун* в значении ‘видеть’ также может принимать в роли дополнения косвенный вопрос, выраженный подчиненным условным предложением.

3) Значение: ‘видеть’

№	семантическая роль	синтаксическая функция	оформление
1	экспериенцер	подлежащее	ДАТ
2	стимул	дополнение	ПРЕДЛ {УСЛ}

Зависимое предложение может в соответствии со своей видо-временной характеристикой содержать глагол в условной форме разных времен. Примеры ниже показывают косвенные вопросы в настоящем и прошедшем времени совершенного вида.

7. ...ва-з кІвал-е вуж ава-тІа аку-на-ч-ни?
ты-ДАТ дом-ИН кто(НОМ) быть.НАСТ-УСЛ видеть-АОР-НЕГ-ВОПР

‘... ты не видел, кто дома?’ (Гъаким Къурбан)

8. ... за-з ад-а-н гъил гъикІ зурзу-на-тІа
я-ДАТ он-ОБЛ-ГЕН рука(НОМ) как трястись-АОР-УСЛ
аку-на.

видеть-АОР

‘Я увидел, как затряслась его рука.’ (Абдул Ражабов)

Вариант с инструментальной именной группой в позиции подлежащего также засвидетельствован в корпусе.

4) Значение: ‘видеть’

№	семантическая роль	синтаксическая функция	оформление
1	инструмент	подлежащее	ДАТ
2	стимул	дополнение	ПРЕДЛ {УСЛ}

9. ...амма экрѣб-р-и гъи вахт къалур-зава-тІа,
но стрелка-МН-ЭРГ какой время(НОМ) показать-НАСТ-УСЛ

вил-ер-и-з аку-на-ч
глаз-МН-ОБЛ-ДАТ видеть-АОР-НЕГ

‘... но глаза не увидели, какое время показывают стрелки.’ (Агъед Агъаев)

Наконец, глагол *акун* способен принимать сентенциальное дополнение в форме деепричастной клаузы, выражая таким образом визуальное восприятие процесса или состояния.

5) Значение: ‘видеть’

№	семантическая роль	синтаксическая функция	оформление
1	экспериенцер	подлежащее	ДАТ
2	стимул	дополнение	ПРЕДЛ {ДЕЕПР}

Как и в предыдущем случае, в зависимости от своей видо-временной характеристики подчиненное предложение может содержать различные формы деепричастий: немаркированное деепричастие, прогрессивное деепричастие и результативное деепричастие, как демонстрируют следующие примеры.

10. За-з вун аниз фи-з аку-на эхир.
 я-ДАТ ты(НОМ) вниз уходить-ДЕЕПР видеть-АОР ЧАСТ
 ‘Я же видел, как ты идешь вниз.’ (Абдулбари Магьмудов)
11. А-бур-у багъ-лар тараш-зава-з Агьмед-а-з
 он-МН-ЭРГ сад-МН(НОМ) грабить-НАСТ-ДЕЕПР Ахмед-
 ОБЛ-ДАТ
 вич-и-з аку-на-ч эхир!
 сам-ОБЛ-ДАТ видеть-АОР-НЕГ ЧАСТ
 ‘Ахмед ведь сам не видел, как они грабят сады.’ (Якьуб Яралиев)
12. Абид-а-з рекъ-и-н къерех-да-л са
 Абид-ОБЛ-ДАТ дорога-ОБЛ-ГЕН край-ОБЛ-СУПЕР один
 къекъвераг ацукъ-нава-з аку-на.
 нищий(НОМ) садиться-РЕЗ-ДЕЕПР видеть-АОР
 ‘Абид увидел, что/как на краю дороги сидит один нищий.’
 (Гьаким Къурбан)

В значении ‘разыскивать, находить’ глагол *акун* требует подлежащего в эргативном падеже.

б) Значение: ‘разыскивать, находить’

№	семантическая роль	синтаксическая функция	оформление
1	агенс	подлежащее	ЭРГ
2	пациенс	прямое дополнение	НОМ
3	бенефактор	косвенное дополнение	ДАТ

Инструментальных именных групп при глаголе *акун* в этом значении в корпусе не зафиксировано.

13. Куьн-е кве-з са маса нехирбан ак-у!
 вы-ЭРГ вы-ДАТ один другой пастух(НОМ) видеть-ИМП
 ‘Вы ищите себе другого пастуха!’ (Лезгийрин фольклор)
14. Цуд агъзур хеб за ва-з гьинай акв-ан?!
 10 десять овца(НОМ) я(ЭРГ) ты-ДАТ откуда видеть-
 ГОРТ
 ‘Откуда мне взять (найти) для тебя 10 тысяч овец?!’ (Абдулфетягь Фатахов)
15. Квал чна ва-з аква-да.

дом(НОМ) мы(ЭРГ) ты-ДАТ видеть-БУД

‘Дом мы для тебя найдем.’ (Назир Агъмедов)

Также вариант с подлежащим в эргативе допускает наличие косвенного вопроса в форме подчиненного условного предложения. В этом случае глагол *акун* имеет значение, близкое к ‘узнать’.

7) Значение: ‘(раз)узнать’

№	семантическая роль	синтаксическая функция	оформление
1	агенс	подлежащее	ЭРГ
2	пациенс	дополнение	ПРЕДЛ {УСЛ}

16. Акв-ан чна а-да ахпа вуч лугъу-да-тIа.
видеть-ГОРТ мы(ЭРГ) он-ЭРГ потом что(НОМ) говорить-БУД-УСЛ

‘Мы посмотрим, что он потом скажет.’ (Зияудин Эфендиев)

17. Садра за хуьр-е вуч хабар ава-тIа
ЧАСТ я(ЭРГ) село-ИН что новость(НОМ) быть.НАСТ-УСЛ
акв-ан.

видеть-ГОРТ

‘Давай я узнаю, что известно в селе.’ (Абдулбари Магъмудов)

Наконец, глагол *акун* имеет и непереходное употребление ‘быть видимым, выглядеть’, отмеченное и иллюстрированное ранее в [Талибов, Гаджиев 1966].

8) Значение: ‘быть видимым, выглядеть’

№	семантическая роль	синтаксическая функция	оформление
1	тема	подлежащее	НОМ

18. Зун акван иер аква-да хьи.
я(НОМ) так красивый видеть-БУД ЧАСТ
‘Я так хорошо выгляжу.’ (Агъед Агъаев)

19. Рапрап гу-зва-й Шагъ дагъ-ди-н кIукI
блеск дать-НАСТ-ПРИЧ Шах гора-ОБЛ-ГЕН вершина(НОМ)

гъикI аква-да?

как видеть-БУД

‘Как выглядит сверкающая вершина Шахдага?’ (Расим Гъажиев)

Подводя итоги, можно сказать, что морфологически аннотированный корпус языка представляет собой удобный инструмент лексикографического исследования. Он позволяет на реальных примерах увидеть особенности употребления той или иной лексемы, как в отношении собственно лексической семантики, так и смежных семанти-

ко-синтаксических характеристик. Несомненно, реальные примеры могут быть получены и другими способами (например, сплошным просмотром и выписыванием подходящих предложений), однако аннотированный корпус в сочетании с программной поисковой платформой значительно ускоряет этот процесс. В настоящей статье рассматривается один из самых частотных глаголов лезгинского языка *акун* ‘видеть’ с точки зрения аргументной структуры и морфологического оформления аргументов. На основе поиска в корпусе было выделено 8 моделей управления. Часть из них ранее не отмечалась в литературе, например, модели управления с дополнением, выраженным подчиненным предложением, а также вариант с ингерентным инструментом, занимающим позицию подлежащего. Уточнены другие, ранее описанные модели управления: возможность выражения ингерентного инструмента при глаголе *акун* в значении ‘видеть’, наличие косвенного дополнения с ролью бенефактора при этом глаголе в значении ‘разыскивать, находить’. Наконец, все выделенные модели управления снабжены иллюстративными фразовыми примерами, показывающими полный набор актантов.

Литература

Бабаханов М.Б. Лезгинско-русский словарь. Электронное издание, 2023.

Гайдаров Р.И., Гюльмагомедов А.Г., Мейланова У.А., Талибов Б.Б. Современный лезгинский язык. Махачкала, ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2009. – 482 с.

Гуьлмегьамедов А.Г. Лезги чІалан словарь. 1 ктаб, А-КІ. Махачкала, ДГУ, 2003. – 420.

Талибов Б.Б., Гаджиев М. Лезгинско-русский словарь. М., Советская энциклопедия, 1966. – 604 с.

Haspelmath M. A Grammar of Lezgian. Berlin, Mouton de Gruyter, 1993. – 568 с.

УДК 811.351

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ЛЕКСИКА, СВЯЗАННАЯ С КАЙТАГСКОЙ ВЫШИВКОЙ

Гасанова У.У., доктор филологических наук, профессор кафедры дагестанских языков ДГУ, г. Махачкала.

Аннотация. Статья посвящена национально-культурной лексике,

связанной с кайтагской вышивкой. Она составляет довольно большой пласт словарного фонда языка. Ряд наименований представляют собой описательные наименования, образованные посредством определительных слов, отглагольные образования, а также заимствования из восточных языков. Национально-культурная лексика, связанная с кайтагской вышивкой, включает в себя названия нитей, узоров, тканей, инструментов, приспособлений для вышивки, названия одежды, предметов быта, украшений и названия процессов работы над вышивкой.

Ключевые слова: кайтагская вышивка, национально-культурная лексика, тематические группы, описательные названия, отглагольные образования, заимствования.

С давних времен мир знал Кайтаг по таким знаменитым понятиям, как кайтагский уцмий и кайтагская вышивка.

Древнее искусство кайтагской вышивки, оказавшееся в советский период отодвинутым на второй план, в наше время вновь заиграло своими яркими разноцветными красками, своими шелковыми переливами и широко шагает по миру. [2]

Кайтагская вышивка представляет собою панно с необычным и оригинальным узором. Являющаяся уникальным видом дагестанского искусства – шёлковая вышивка, получила название «кайтагской» по месту ее первоначальной фиксации [1,с.14].

О древности культуры кайтагской вышивки свидетельствуют памятники старины – полотна, хранящиеся в музеях, художественных фондах в частных коллекциях по всему миру, а также записи историков, географов, путешественников и искусствоведов. Кайтагская вышивка широко вошла в жизнь и быт людей.

Как известно, особенности развития того или иного вида народного промысла обусловлены различными факторами, начиная от природно-климатических и заканчивая особенностями национального характера народа, специфики его быта, историческими и культурными связями.

В последние годы, в условиях деидеологизации общественных отношений, возрождения национального самосознания и культуры малых народов, особую актуальность приобретает исследование национально-культурной лексики, связанной с различными ремеслами.

Национально-культурная лексика, связанная с кайтагской вышивкой, даёт возможность глубже и шире узнать, а также ярче показать духовную жизнь кайтагского народа и социально-экономические условия в историческом прошлом и на современном этапе. Она ценна тем, что в ней заключен обобщенный многовековой опыт кайтагского этноса.

Данную лексику нельзя обойти, поскольку она составляет

довольно большой пласт словарного фонда языка. Мы разделили ее на следующие тематические группы:

а) названия нитей: *муџI* «нить», *ирхIялла муџI* «шелковая нить», *бамбагла муџI* «хлопковая нить», *гарусла муџI* «нити под названием Гарус», *буи муџI* «тонкая нить», *буришу муџI* «толстая нить», *кIазла муџI* «нить шелкопряда» (кIаз «шелкопряд»).

б) названия узоров: *къвяччи* «узор, рисунок», *някъиши* «узор» (заимст.из перс.), *жужелла къвяччи* «рисунок с цветами», *хвала къвяччи* «центральный узор», *къвакъ* «общий рисунок», *къирагъ* «бордюр, окантовка», *ккалка* «дерево», *жууже* «цветок», *чIябар* «дно, полотно», *къакъбунди* «куропатки», *къикъимайти* «спирали, зигзаги, лабиринты», *мялутIни* «круги», *къунби* «квадраты», *гIямузи* «треугольники», *ккилкакни* «деревья», *къалип* «шаблон», *гIялутIни* «розетки, кружочки», *кIипри* «листочки», *илби* «глаза», *мейданти* «люди», *ябни* «лошади», *къимгъадживти* «лабиринты» (букв. *къикъим* «зигзаг» + *гъадживти* «ставшие, сделанные» причастие во мн.ч.), *ширкми* «рога», *жиргама* «папоротник», *гIявкIанIри* «клевер, трехлистник», *някъби* «руки», *хъилби* «дома» и т.д.

в) названия предметов, тканей, инструментов и приспособлений для вышивки: *гъяни* «строчка», *даргъи* «стежок», *ппереппа* «иголка», *буи ппереппа* «тонкая игла», *даргъила ппереппа* «швейная игла», *даргъила тIуптукIал* «наперсток», *бамбагла чIянкIи* «хлопчатобумажная ткань», *ласттикI* «сатиновая ткань», *душелла чIянкIи* «хабцалдик, льняная ткань», *иргъялла чIянкIи* «шелковая ткань», *дарайла чIянкIи* «муаровая ткань», *гутанна бягI* «лицевая сторона подушки», *къассей гъирхъван* «подзор для полки».

г) названия одежды, предметов быта и украшений: *курттинна хъар* «подол платья», *вачагла хъар* «нижняя кромка штанины», *бяъсар* «лоскут ткани» (букв. *бяъ* «лицо» + *сар* «перед»), *хъявцIар* «воротник» (букв. *хъяв* «шея» + *цIар* «суффикс»), *дурканна баъ* «манжета» (букв. *дуркка* «рукав» + *нна* «суффикс» + *баъ* «край»), *кучIми* «манжеты» (букв. *квачIа* «кисть руки» + *а* «суффикс»), *ашмагла баъ* «кромка шали», *кIана* «платок», *гутанна бягI* «наволочка», *сири бяъкурган* «покрывало для люльки», *чухттанна дум* «кромка головного убора, чухты», *ликканжи чикирхъван* «покрывало для покойника» (букв. покрывающее тело), *сиранна гута* «подушка /матрас для люльки», *къассей билзан* «накидка для полки», *цIекуруила чикирхъван* «покрывала для невесты или для ее вещей».

д) названия процессов работы над вышивкой: *чибекIара /бижбекIара* «вдеть нитку в иглу», *чибекIала* «отрезок нитки на одну иглу», *чикабивцIара* «прикреп» (букв. пришивать сверху), *чикабалтIана* «простегать», *гъяни цакара* «провести строчку».

Ряд наименований представляют собой описательные

наименования, образованные посредством определительных слов.

Встречаются отглагольные образования: *къимгъадиживти* «лабиринты» (букв. *къим* /*къикъим* «зигзаг»+*гъадиживти* «причастие»).

Часть названий получен путем семантического развития. Например, *ккалка* «дерево» означает центральный орнамент, *члябар* «пол» получило дополнительное значение «дно, полотно».

Среди терминов, связанных с кайтагской вышивкой, встречаются и заимствованные из арабского, тюркских и персидского языков: *хайдакъ някъишла уста* «вышивальщица» (букв. *хайдакъ* + *някъиши* (перс.) «узор, рисунок» + *ла* (аффикс) + *уста* «мастерица» (перс.), *къалип* «шаблон, образец» (тюрк.), *мейдан* «человек» (араб.), *дарай* «шелк, тафта» (перс.), *ранг* «цвет» (перс.).

Таким образом, в национально-культурной лексике, связанной с кайтагской вышивкой, представлены описательные названия, отглагольные образования, названия, полученные посредством семантического развития, заимствования. Большая часть данной лексики собственно кайтагская, что свидетельствует о самобытности кайтагской вышивки.

Литература

1. *Гасанова З.И., Гаджалова Ф.А.* Кайтагская вышивка: от истоков в будущее. Дербент, 2022.-155с.

2. *Гасанова У.У.* Кайтагская вышивка – национальное достояние и душа Кайтага// Материалы международной научно-практической конференции «Новые взгляды на историю Ширвана: факты, гипотезы». Баку, 2018. <https://drive.google.com/file/d/111bwCXpeaTphPX1FM1Z3FguXUlrTxm7p/view?usp=drivesdk>

Г.-Р.А.-К. Гусейнов, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Дагестанского государственного университета, г. Махачкала.

О статусе эвиденциального перфекта в терском диалекте кумыкского языка

(Из рецензии на одноименную статью, направленную редакцией журнала «Урало-алтайское языкознание» ИЯЗ РАН)

В кумыкском языке по мнению Д.М. Хангишиева [1989:2], выделяется два наречия: южное (кайтагский и подгорный диалекты) и северное – буйнакский, хасавюртовский и терский. Как считал Н.Х. Ольмесов [1997:17], речь должна идти о трех наречиях – южном, северном и среднем, в состав последнего из которых он включал

буйнакский, северного – хасавюртовский и терский, южного – кайтагский и подгорный диалекты.

Автор полагает, имея в виду тот факт, что в формировании кумыкского языка участвовали огузские элементы [СИГТЯ 2002:217], что южное наречие с присовокуплением к нему буйнакского диалекта можно также назвать огузизованным, северное – буйнакский, хасавюртовский и терский диалекты – собственно кыпчакским.

Предметом рассмотрения в рецензируемой статье стал кизлярский (с. Кизляр Моздокского района РСО Алания, в который была направлена экспедицией студентов МГУ) говор терского (кыпчакского) диалекта кумыкского языка. В отношении данного говора в ареальном и сравнительно-историческом контексте его взаимоотношений с другими кумыкскими диалектами и иными древними (булгарский) и новыми тюркскими языками. было установлено раннее субстратное происхождение некоторых его фонетических особенностей. Они в купе с некоторыми иными кумыкскими диалектами и отчасти карачаево-балкарскими говорами могут восходить к древним булгарским диалектам Северного Кавказа и Дагестана [Гусейнов 2021:18]. Областью их первоначального распространения (с последних веков до н.э.) был Северный Кавказ, в северо-западную и центральную часть которого в XII в. проникают кыпчаки, и еще до прихода Золотой Орды в XIII веке происходит окончательная победа кыпчакского элемента над булгарским [Гусейнов 2010:18, 61].

Объектом рассмотрения рецензируемой статьи является эвиденциальность (перфекта), «выражающая (лексич. и грамматич. средствами) указание говорящего на свою роль в описываемой им ситуации (видел ли он то, о чём сообщает, своими глазами, или передаёт информацию с чужих слов, или сообщаемое результат сделанных им умозаключений, выводов, его догадок, реконструкции по к.-л. косвенным признакам). Для обозначения этого понятия также используются термины «пересказывательность», «заглазность» и «засвидетельствованность» [Большая росс. энци.]

Вывод анонимного автора – «видо-временная форма перфекта в терском диалекте кумыкского языка не обладает ограничениями на дистрибуцию эвиденциального характера», так как «...показатель перфекта в терском не несёт дополнительных эвиденциальных значений, в отличие от ряда других тюркских языков». Основание (!)– «полевые данные [полученные в результате дескриптивного описания экспедицией студентов МГУ, работавшей в с. Кизляр Моздокского района РСО Алания, ее руководитель не был специалистом по урало-алтайским языкам] не соответствуют существующим работам о литературном кумыкском, характеризующим перфект в кумыкском как обладающий модальными и «заглазными» (ср. выше) интерпретация-

ми со ссылкой на академическую грамматику кумыкского языка [Гаджихамедов и др. 2014].

Анализ показал, что, во-первых, автор рецензируемой статьи, во-первых, не принял во внимание известные мнения других лингвистов, которые уже отмечали, что эвиденциальность называется разными терминами, в число которых входит и заглазность ([Кобрин 2005:1/13]). В том числе на материале тюркских языков Н. А. Козинцева 1994:92-93, 93] указала, что термин эвидиальность «относится как к случаям очевидности, так и к неочевидности» (ср. выше о том, видел ли он своими глазами). Таким образом, все вышеупомянутые термины являются, в принципе, синонимичными.

Во-вторых, он не имел, по всей видимости, возможности ознакомиться с содержанием недавно изданной монографии ней Н.Э. Гаджихамедова [Гаджихамедов 2022], в которой автор, не используя традиционный для прежней кумыкской научной традиции термин «заглазность» действия, иначе характеризует прошедшее перфективное время на *-гъан*. Он указывает в соответствии со своей теоретической установкой, что в подобных конструкциях «модально-временная конструкция *гъан экен* выражает действие, в достоверности которого говорящий некоторое время сомневался и лишь незадолго до момента речи убедился в его достоверности.

Кроме того, на наш взгляд, последняя собственно диалектная часть рецензируемой работы должна быть также поддержана дополнительным иллюстративным материалом, так как уровень развития кумыкской, пока еще и описательной, диалектологии позволяет это сделать. В этом отношении не мешало бы обратить внимание на соответствующие разделы специального исследования И.А. Керимова, посвященные терскому [см.: Керимов 1967:112] и родственному ему хасавюртовскому диалекту [Керимов 1957:219], а также некоторым особенностям бораганского (локализуемого в нынешней Чечне) говора терского диалекта, получившим отражение в исследовании Н.Х. Ольмесова [Ольмесов 1997:252]

Литература

Большая росс. энц.//<https://old.bigenc.ru/linguistics/text/4939118>
(датабращения – 20.2023.

Гаджихамедов и др. 2014–Гаджихамедов Н.Э., Абдуллаева А.З., Кадыраджиев К.С., Керимов И.А., Ольмесов Н.Х., Хангишиев Д.М. Современный кумыкский язык. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2014. 547 с

Гаджихамедов 2022– Гаджихамедов Н.Э. «Кумыкский глагол: функционально-семантическое исследование». Махачкала: Алеф, 2022–399 с.

Гусейнов 2010– Гусейнов Г.-Р.А.-К. История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком. Махачкала: Алеф, 2010. 214 с.

Гусейнов 2021–Гусейнов Г.-Р.А.-К. Фонетические особенности кизлярского говора терского диалекта кумыкского языка в сравнительно-историческом и ареальном контексте//Вестник Чебоксарского государственного педагогического университета. Чебоксары, 2021. С.18-24

Керимов 1957 – Керимов И.А. Хасавюртовский диалект кумыкского языка//Ученые записки Дагестанского женского педагогического института им. Г. Цадасы. Махачкала,1957. Т.1. С.207-232.

Керимов 1967–Керимов И .А. Терский диалект// Керимов И. А. Очерки кумыкской диалектологии. Махачкала: Дагучпедгиз, 1967. С.104-134.

Кобринина 2005–Кобринина О.А. Категория эвиденциальности: ее статус и формы выражения в разных языках//Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. №1(004). С.86-98.

Козинцева 1994 – Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. Москва, 1994. № 3. С. 92–104.

Ольмесов 1997–Ольмесов Н.Х. Сравнительно-историческое исследование диалектной системы кумыкского языка. Махачкала, 1997.

СИГТЯ 2002–Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. Москва: Наука, 2002. 767 с.

Хангишиев 1989 –Хангишиев Д.М. Къумукъ диалектологиясы. Махачкала, 1989. – 81 с.

УДК 811.351.2

Топонимия Буркун-Дарга: село Кунки с его хуторами

Гусейнова Н.Х., Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

Аннотация: В статье представлены названия кварталов, ущелий, гор, рек села Кунки, его происхождение, и особенность языка (диалекта). Всё это в свою очередь преследует цель описать, исследовать язык, диалект, который на самом деле является уникальным, интересным, ценным вкладом в науку, ещё неисследованным по сей день. С другой стороны остро стоит проблема исчезновения малых языков, в том числе дагестанских, которые считаются ещё неизученными. Диалект села Кунки, как мы видим, является древним, оригинальным, т. к. село Кунки появилось тысячелетия назад, как

говорят. Этот диалект является ценным материалом (вкладом) для основательного исследования даргинского языка, который включает в себя более тридцати диалектов. Нами собран ценный лексический и фольклорный материал, который ещё изучается, чтобы представить публике через наши научные труды: тезисы, статьи, диссертацию.

Ключевые слова: Буркун-Даргва, Кунки, язык, диалект, древний, лексика, квартал, ущелье, гора, река, крепостная башня.

Guseynova N. Kh., Daghestan State University, Makhachkala.
The name of Burcun-Dargwa: the village Kunkya with its farmsteads

Abstract. The article studies the names of blocks, canyons, mountains, rivers of the village Kunkya, its origin and peculiarity of the language (dialect). All this pursues an object to describe, investigate the language, dialect of Kunkya, which is really unique, very interesting, valuable contribution to science and not investigated yet. On the other hand the problem of disappearing of small languages, including Dagestan languages, they are not investigated yet. The dialect of the village Kunkya as we know is origin, ancient as the village Kunkya appeared thousands years ago, as they say. The dialect is valuable material (contribution) for thorough investigation of Dargin language, including more than thirty dialects. There is a valuable lexical, folklore material that is in study yet, in future it would be represented through the scientific researches: thesis, articles and dissertation.

Keywords: Burcun-Dargwa, Kunkya, language, dialect. ancient, vocabulary. block, canyon, mountain, river, fortress tower.

Село Кунки *Кьункьи* (самоназвание *Кьинкье*) – это высокогорное село, расположенное в долине *Бёркьни-Къатта* (Буркни) верховье реки *Уллучай* «Большая река», в живописном месте, на стыке Агульского, Акушинского, Дахадаевского и Кулинского районов, т. е. на стыке трёх разных народностей: лакцев, даргинцев и агулов. Возможно, поэтому не доходили руки учёных-историков до этого села. Название села «*Кьункьи*» само говорит о семантике, что означает «союзы», «группы» или «кучки», оно претерпело незначительные фонетические изменения: *Кьукьни* = *Кьункьи* (метатеза), что в целом не влияет на смысл. Это уникальный ойконим, который имеет свою многолетнюю интересную предысторию. *Кьункьи* (Кунки) – очень древнее поселение, старожилы приравнивали его к древнему городу *Чулли* (Дербент), т. е. оно существует несколько тысячелетий. До появления села, по рассказам предков, существовало несколько хуторов, которые переселялись и меняли свои названия в соответствии с местностью, где располагались. В народе сохранился фольклорный материал, исторические легенды и предания, подтверждающие эти факты.

Сравнительно давно, до XVIII века кункинцы жили привольно в

хуторах тухумов, т. е. в родственных хуторах. Было шесть хуторов, и располагались они на вершинах гор на одинаковом уровне высоты. Хутора: *Гермайли, КурягІяцце, Гилилигьира, Барца, Къяккри, Хъаная* находились на высоте более чем тысячи метров над уровнем реки Уллучай. Значение некоторых названий затемнено. Некоторые названия соответствуют своему расположению: *Барца (баъци)* «окраина или начало аула». *Хъаная* образовалось от слова «хъар» – «верх», *Гилилигьира* – от слова «гили» – «седло лошади» (имеется сходство по форме). В дальнейшем люди вынуждены были спуститься с вершин ближе к реке для облегчения условий жизни, когда соседи устраивали набеги на них и грабили. Руины сохранились до сих пор. Жители первыми поселились в квартал *Гъинкка*, в дальнейшем на этом месте обосновалось село Кунки. Таким образом, вместо этих хуторов появились новые, с другими названиями: *Хурчле, ВяляхІдурчче, Такъа, Гъинкка, Муккурёххя (Бажа), Мирклалабачле*. Все семь хуторов расположились по обеим сторонам реки *Уллучай*. Здесь уже возник новый седьмой хутор из пленников, рабов, воров, нападавших извне, особенно из *Нахччи*. Седьмой хутор называли *Нихталла ци – нахччи + лигъре (лигъралла ци)* – «поселение рабов». На сегодняшний день этот хутор сохранился целым и невредимым. Уйти оттуда трудно, т. к. он находится в земле. Нападавших разбойников брали в плен, поселяли в *Нихталла ци* и заставляли работать. Когда там копают вглубь, находят могилы, оружия, ценности, каталки каменные. Когда на хуторе *Такка* пахали, открывались могилы. Эти сведения также подтверждаются историческим фольклором, который сохранился и дошёл до наших дней.

В народе остались легенды о молодых девушках и парнях: люди рассказывают, когда тухумы переселились с гор к реке, из *КурягІяцце* в *ВяляхІдурчче*, оставлен молодой чабан с отарой на зиму в *КурягІяцце*. На хуторе *Такъкъа* жила его невеста ПатІи. Она была приучена различать игру-мелодию своего жениха-чабана на свирели, Играть эту мелодию он должен был в самую трудную минуту, когда ему грозит опасность. Невеста слушала мелодии днём и ночью. Вдруг среди ночи она слышит условленную мелодию, она испугалась, подняла весь хутор. Мужчины на лошадях отправились в обход, а невеста ПатІи одна по тропам побежала к жениху и освободила его. Мужчины вернули отару овец и взяли в плен бандита. На горном плато *Къяккри* все встретились. Жених рассказал, как его связали четверо бандитов и как он просил их развязать ему руки. Они удовлетворили его просьбу. Он сумел вовремя подать условный музыкальный знак своей невесте. Эта мелодия до сих пор живёт в народе.

Свирели делали из стеблей ржи, они были парные. Также изготавливали из дерева (липы), и бамбука. Растёт бамбук в одном только

месте, которое называется *Члѣх1ная* – «за бамбуком» от слова *члѣх1я* – «бамбук» (диал.).

Набеги на хутора стали частыми. Тяжело было одолеть грабителей скота, имущества и т. д. В каждом хуторе жили тухумы: *Иммайхъали*, *Ссунт1хъали*, *Кичихъали*, *Хъиссихъали*, *Шалданхъали*, *Ххялчихъали*, *Хъяихъярте*. Жители всех хуторов собрались вместе решить этот тревожный вопрос там, в том самом месте, где сейчас расположено село Кунки. Как объединились все тухумы, все группы *къѣкъне*, образовалось одно село под названием *Къукъни*, для лёгкого выговаривания [н] перенесли в середину слова. Об этом фонетическом явлении сказано в самом начале статьи.

Намного позже присоединились к названным выше тухумам и *Г1яммузгала*. Этот тухум пошёл от одного наёмного кузнеца *Уста* (Рабадан)

На вершинах трёх гор вокруг села Кунки построили после объединения сигнально-сторожевые и крепостные башни: одна – на восточной горе *Ургая*, другая – на западной горе *Хъирссаце*, третья, наиболее крупная из них – на вершине *Гъияцли*, на склоне которой расположено село. На сегодня от них остался один след. Внутри одной башни, стоявшей на верху села был родник чистой холодной воды. Люди удивлялись и восхищались, как может оказаться на вершине горы родничок. Жилища строили так, что по крышам можно было перейти из одной сакли в другую. Дома строили с узкими проходами, тёмными переулками. Эти проходы на ночь закрывались. По ним можно было передвигаться только по одному.

В начале XVIII века общество Буркун-Дарго попадает под гнѣт Сурхай-хана Казикумухского, но каким образом и почему это произошло, нет достоверных данных. Сурхай-хан обложил жителей села Кунки данью: каждый год из стада быков (бывало в стаде более ста голов) его нукеры отбирали самого лучшего быка, а хозяина быка хан одаривал землёй. Так стали видимо, появляться хозяева земель. Это подтверждается рассказами, воспоминаниями предков, стариков аула. Хан и его нукеры надоели кункинцам, привыкшим жить свободно. В народе сохранились фольклорные произведения о столкновении кункинцев с Сурхай-ханом (баллада «Проклятие Сурхай-хану»).

Около аула Кунки стоит и сейчас камень высотой более трёх метров. На нём была надпись, высеченная мастером арабской вязью. Надпись та по рассказам стариков гласила о том, что жители села должны ежегодно платить хану дань. Кункинцам надоело каждый год платить хану дань. Сельчане решили стереть надпись с этого камня. Рукой слепого человека надпись была сбита с плиты. Хан послал своих нукеров в очередной раз, но сельчане отказались платить дань. Затем явился сам хан с нукерами. Хан потребовал с каждого сельчанина,

чтобы тот дал клятву на Коране о том, что непричастен к этому. Никто не признался в этом. В селе остался один слепой, который не поклялся. Хан решил, что слепой это не сделает.

После этого хан стал злее, бездушнее. Он стал требовать, чтобы к нему приводили из села девушек-красавиц. Это подтверждается тем фактом, что из аула ушли три красавицы-девушки, и спрятались они недалеко от аула под скалой. Ночью пошёл ливень и следом огромный оползень накрыл этих девушек. Они умерли не сразу, долго слышался стон из-под земли. Сельчане назвали это место *Гляницле*, от слова *глянци*, что в переводе означает «мучительный стон» (от предсмертных мук). Место гибели девушек и сейчас называется *Гляницле*, и там стоят три плиты. Этот случай вызвал у сельчан негодование. Недалеко от села произошло сражение: семь братьев из села Кунки вступили в бой с ханом и его нукерами. Один из братьев погиб, но они смогли убить двух нукеров и ранить в руку Сурхая. После этого Сурхай-хана стали называть *Чулакь-хан*, где *чулакь* – «калека». Об этом факте говорят, стоящие по сей день придорожные каменные плиты от села Кунки в сторону лакцев. Около дороги по старинному обычаю, где останавливали труп человека, ставили могильные плиты (*ттата-ттиттирбе* – кунк. диалект, *дякъялттата*, от лакского *дякъкъи* – *дякъкъял* – значение затемнено). И сейчас эти плиты сохранились.

Кункинцы испытывали двойной гнёт со стороны хана и царя. Царские солдаты строили по горам почтовую запасную дорогу. До настоящего времени сохранились под землёй помещения для солдат и конюшня. На территории Кунки есть местность, лесной массив, который называют кункинцы *Глёрусскьякья* (в переводе – «русское ущелье»). На этом месте и сейчас берёзовый лес и сохранилось название *Глёрусскьякья*. Кункинцы по приказу царского правителя должны были работать в этом лесу: мужчины – заготавливать лес, а женщины – таскать на своих спинах эти брёвна (*ттанне*) на расстояние более десяти километров. Впоследствии у женщин этих дети рождались мёртвыми. Несомненно, это насилие губило людей, женщины теряли детей, теряли способность, здоровье иметь детей. Поэтому кункинцы назвали эту местность *Глёрусс-кьякья* «Русское ущелье», как вечное проклятие в знак вечной ненависти к насилию и издевательствам.

Село Кунки расположено так, что, начиная с села, речки и ручейки текут в большую реку. Тысячелетиями эти ручьи углубили свою течь и как результат, образовались глубокие ущелья (*къаттурбе*). Названия их уникальны, также как и сама местность. Самое главное и объединяющее их *Хвала къатта* «Большое ущелье» с протекающей по нему *Хвала эрклв* «Большая река». Перпендикулярно к нему расположены другие более узкие ущелья со своими ручейками, впадающими в Большую реку: *Магыра-къатта*, *Гляницле-кьякья* (где

къакъа – «узкий»), место, где заживо погребены оползнем три красавицы; *Глянише-къатта*, *Амкъалла-къатта*, *Щиркъа-къатта*, *Къяцалла-къатта*, *Багъмилла-къатта*, *Верал Щиркъа*, *Къинкъи-къатта*, *Къяртта-къатта*, *Чухъла-къатта*, *Хъаная-къатта*, *Ламусла-къатта*, *Миркъала-бачле*, *Бажса-къатта*. У подножья горы, где расположено село, соединяются две реки: *Хвала эркъ* соединяется с *Къёлла эркъ* (вода в этой реке всегда чистая и в ней водится ценная рыба *ххабиц* – «форель»). Туда в свою очередь впадают ещё другие ручейки из ущелий: *Бакая-къатта*, *Къёртлагъира-къатта*, *Вяляхъдурче-къатта*, *Имцидиркъа-къакъа*, *Глёрусс-къакъа*, где мучили русские вместе с кумухским ханом женщин села Кунки, как рассказывают старожилы: они заставляли мужчин валить лес, а женщин таскать балки и т. д. *Хурчлеб-къатта*. Далее, после соединения двух крупных рек, туда ещё впадают ручейки из этих ущелий: *Ургадурче-къакъа*, *Иреххилла къатта*, *Амхагъираб къакъа*, *Мутишинна къакъа*, *Хваласаналла къатта*, *Къямкъядурче-къатта*. По этим ущельям текли, текут и будут течь ручьи в большую реку *Уллу-чай*. Для справки: *Мутишинна къакъа* расположено по дороге в соседнее село *Ашты* и называли так аштинцы, что в переводе означает «ущелье золотой воды», так как там пересохло и вода появляется изредка, как бы «вода на вес золота».

Помимо этих многочисленных ущелий село Кунки окружают семь высокогорных вершин: *Хъирссала муза*, там была в прошлом сигнально-сторожевая башня. От этой башни к дороге Магъира, ведущей в аул была построена крепостная стена, остатки её фундамента кое-где сохранились до сих пор, *Гъияцлила муза*, у подножья которой расположено село: его старая часть, там же находилась раньше оборонительно-крепостная башня Къала. И от этой башни шли крепостные стены в двух направлениях: одна – к дороге *Магъира*, образуя ворота, а другая – в противоположном направлении к перешейку *Къямхъвяб*, перекрывая вторую дорогу, ведущую в аул), *Ахъшерилла муза*, *Гъанишела муза*, *Этлахъулалла муза*, *Урцлемилла муза*, *Ургаяла дубура* (там когда-то находилась сигнально-сторожевая башня, сохранились едва заметные следы от неё).

В целях безопасности из-за набегов хутора решили объединиться в одно село и люди выбрали то место, где был хутор *Гъинкка*. Далее село стало делиться на несколько кварталов: *Гъинкка*, *Хъалгу*, *Хъарца* «нижнее село», *Хъарца* «верхнее село», *Ккуккумай*, *Къямхъвяб* «разбойный перешеек», *Ахъайла хъу* «поле Акая», и что удивительно, что центр аула называют *Думица* – «край села». Видимо, после объединения это место было окраиной, этот квартал так и называется, по сей день, хотя аул вырос в несколько раз. На сегодняшний день село Кунки разветвилось по всей долине: появились новые квар-

талы: *Хьалмая, Къямкъядурчче, Къямкъягыра, Гъияцли, Магыра, Абая, Хьирссагу, Бирдиссе, Кассигыра, Никлаххирбая, Хьхьана, Къаркъичче*, т. е. двенадцать новых разветвлений, поселений. Это ещё раз говорит о правильности названия села Кунки.

За последние 25 – 30 лет по разным причинам идёт миграция населения в города. Новое поколение, выросшее в городе, не говорит на своём языке, о родине предков, т. е. об ауле Кунки у них очень скудные сведения (если они есть), следовательно, нависает угроза исчезновения не только самобытного языка (диалекта), но и истории и культуры вместе с ним (ещё неисследованные), ибо они взаимосвязаны.

История села ещё не изучена, учёные достоверно не пишут, либо касаются бегло и косвенно. Археологических памятников, источников очень мало. Очень много ещё предстоит сделать нам, чтобы исследовать язык, культуру, историю села Кунки, И надо спешить собрать возможный материал, обобщить его, издать, чтобы сохранить и передать потомкам, особенно, языковой и краеведческий материал, ибо понятия «народ» и «язык» неразделимы. Собранные в полевых условиях и описанные в научных статьях самобытные легенды, баллады и предания исторического значения свидетельствуют о происшедших в данной местности тех или иных событиях. Они дополняют имеющиеся в лингвистической и историко- краеведческой науке сведения.

Литература

1. Информаторы: Гусейнов Х. Б., Ахмедова Х. К., Рабаданов Р.
2. Газета «Сельская жизнь» (на даргинском языке) за 16 июля 2004.
3. Журнал «Народы Дагестана» №1 2001, с.22 -24
4. И.А. Алиев Из исторического прошлого даргинцев. Учёные записки т.4
5. Р.М. Магомедов Даргинцы в дагестанском историческом процессе. – Махачкала, 1999 г.
6. С.Н. Абдуллаев Грамматика даргинского языка – Махачкала: 1954.
7. М.Р. Багомедов Топонимия Дарга: структурно-семантический аспект – Махачкала, изд. ДГУ, 2013.

Джамбинова Н. С.

Фразеологические единицы с компонентом «хөн» (овца) в лексикографическом источнике калмыцкого языка.

Phraseological units of the Kalmyk language in a lexicographic source

Статья подготовлена по результатам реализации проекта РНФ № 23-28-00790 «Аксиологический аспект картины мира калмыков».

Н.С. Джамбинова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы Калмыцкого государственного университета. г. Элиста, Российская Федерация. E-mail: sawh@mail.ru

Аннотация: В данной статье исследуются проблемные вопросы лексикографического описания фразеологических единиц. Калмыцкий язык всегда вызывал и вызывает интерес как лингвистический феномен с уникальным собственно общемонгольским происхождением. Научных работ, касающихся лексикографического описания фразеологизмов с точки зрения лингвокультурного аспекта, в калмыцкой фразеологии нет, рассмотрение ФЕ с зоокомпонентом как ценностного явления в калмыцкой лингвокультуре не было предметом изучения калмыцких ученых. В связи с этим попытка решения теоретических и практических вопросов лексикографического описания фразеологических единиц с зоокомпонентом «хөн» (овца) позволит пополнить некоторую лагуну в изучении фразеологических единиц.

Ключевые слова: фразеологическая единица, лексикографическое описание, лингвокультурологический аспект, калмыцкий язык.

Abstract: This article examines the problematic issues of lexicographic description of phraseological units. The Kalmyk language has always aroused and is of interest as a linguistic phenomenon with a unique, all-Mongol origin. There are no scientific works concerning the lexicographic description of phraseological units from the point of view of the linguocultural aspect in Kalmyk phraseography, the consideration of FE with a zoo component as a value phenomenon in Kalmyk linguoculture has not been the subject of study of Kalmyk scientists. In this regard, an attempt to solve theoretical and practical issues of lexicographic description of phraseological units with the zoo component "khon" (sheep) will fill in some lacuna in the study of phraseological units.

Keywords: phraseological unit, lexicographic description, linguoculturological aspect, Kalmyk language

Конец XX – начало XXI в. ознаменовались поворотом калмыцкой лингвистики к описанию его лексического фонда на фоне русского языка. Появились разные типы словарей, на основе сравнения лексики разных языков. Собственно ФЕ и его проблемы привлекали внимание калмыцких ученых Э.Ч. Бардаева, Т.С. Есинову, Б.Д. Муниева, В.Н. Мушаева, Л.Б. Олядыкову, Г.Ц. Пюрбеева, Голубеву Е.В., фразеологизмы были рассмотрены с разных точек зрения, самый прогрессивный взгляд, по-нашему мнению, – исследования в русле лингвокультурологии.

Среди словарей, посвященных лексике, можно назвать Толковый калмыцко-русский словарь Б.Д. Муниева [далее – КРТС 1977]. О нем необходимо сказать подробнее, так как его появление сыграло огромную роль в развитии лексикологии и лексикографии калмыцкой науки. Данный словарь до сих пор является огромным подспорьем ученых Калмыкии тем, что, во-первых, он описывает живой язык калмыцкого народа, который находится на грани исчезновения. Можно сожалеть о том, что живая разговорная речь калмыцкого народа активно функционирует в научной, педагогической сфере, но не используется – в деловой речи, а «красивая», спонтанная бытовая речь в настоящее время – редко встречающийся факт. Во-вторых, в словарных статьях КРТС 1977 дается лексический материал, отражающий быт, традиции и богатую культуру калмыцкого этноса. Причем к каждому слову дается как семантическая, так и грамматическая информация.

Несмотря на то, что лексикографическая работа в Калмыкии велась достаточно давно, однако в изучении лексического фонда, по замечанию профессора В.И. Рассадина, отсутствовало обращение к «живым монгольским языкам» [Рассадин, 2017: 98]. Специфической чертой рассматриваемого словаря является обращение к фольклору и к художественным текстам. Объем словаря охватывает более 26 тыс. лексем, и в будущем, в связи с «непрерывным ростом, пополнением новыми словами и терминами, отображающими коренные преобразования в экономике и культуре калмыцкого народа», «использования заимствования из русского языка» и «через него ... международных терминов» [КРТС 1977: 6], авторы предполагали расширить и переиздать свой труд, однако их планы до сегодняшнего дня не осуществились.

Рассмотрим словарную статью словаря на примере дефиниции к слову «хон» (овца). Выбор этот не случаен. Среди домашнего скота дөрвн зүсн мал (4-ре вида скота) у калмыков хон (овца) занимает важное место в ценностной системе калмыцкой культуры. В культуре калмыков, а также других народов: тюркских, кавказских, славянских, африканских, это животное высоко ценилось за его небольшой раз-

мер, простой уход и содержание. Небольшая по величине она использовалась в хозяйстве практически полностью, давая полезные для человека овчину, шерсть, мясо, сало, молоко. Для содержания овцы необходимы небольшие затраты, она могла найти себе пропитание на самых скудных и непригодных для земледелия территориях.

По количеству овец во дворе калмыка можно было судить о его богатстве, так как овца для калмыка – символ материального благосостояния, семейного достатка. Недаром в калмыцкой поговорке молвится: *мал асрхла амн тоста*, то есть, когда в хозяйстве удержишь скотину, всегда будешь сыт.

В словарной статье, посвященной хөн (овца/баран) мы наблюдаем следующее: Хөн – овца; хө алх (harhx) – резать (колоть) овцу; хө өскх – выращивать овец, заниматься овцеводством; хө саах – доить овец; хө хөөчлх – стричь овец. Данная лексема рассматривается в фольклорных текстах: хөөднь хар, хашань цаһан – (загадка) овцы черные, ограда белая (отгадка: цааснд бичсн бичг – текст на бумаге); хөөһөр мал кедго, хөөрмгэр хот кедго – (погов.) овец не считают за скотину, хөрмг (бозо) не считают за еду; хүүрэ һолын көвэд хөн хурһд мөөлдж – (загадка) на берегу безводной реки блеют овцы (отгадка: меклә – лягушки);

К фразеологическим единицам относятся устойчивые словосочетания хумсна хөн – белые пятна на ногтях, хөн нүдн – карие глаза, хөн шүдн – мелкие зубы; терминалогия растений и насекомых: хөн бөөлжрһн – малина, хөн уласн – осина, хөн царцаха (зоол.) – кобылка сибирская; название месяца: хөн сар – май. Слово хөн (овца) послужило основой образования прилагательных: хөөнэ род.п. от хөн – 1) бараний, овечий; хөөнэ арсар кесн эркэ беелэ – рукавицы из овчины; хөөнэ толһа – баранья голова (баранью голову приподносят почетному гостю); 2) (перен.) смирный, безобидный, тихий хөөнлэ; существительного хөөч – чабан, пастух овец; хөөчин – овцевода, чабана.

По справедливому замечанию исследователя Е.В. Голубевой, «в калмыцком языкознании на данный момент существует только один словарь, посвященный собственно фразеологизмам» [Голубева 2011 <https://sci-article.ru/stat.php>], автором которого является коллектив ученых Э.Ч. Бардаев, Г.Ц. Пюрбеев, Б.Д. Муниев [далее – ФСКЯ 1990]. В указанном словаре отобранные фразеологизмы (представленные в алфавитном порядке) переведены на русский язык, раскрыто их значение, даны примеры употребления в калмыцких художественных произведениях.

Ю.А. Ермолаева, говоря о дефиниции языка, писала, что она «отражает сигнификативно-денотативный аспект значения фразеологической единицы, то есть определяет ее предметно-логическое содержание» [Ермолаева 1990: 21]. В словарной статье Фразеологиче-

ского словаря Б.Д. Бардаева и др. об овце упоминается всего одна поговорка: Хөөнэ арс өмссн чон (волк в овечьей шкуре, что значит «лицемер, кажущийся добрым человеком»), и его использование в художественном тексте: Одахн таньлдс күүнд бичэ иткэд бээтн. Седкл угаһар келсн үгнь, худл инэднь, хуурсмг йовдльнь – сергг бээтн гижэнэ. Бэн-бээж медхт, энтн – хөөнэ арс өмссн чон [Бардаев 2018: 241].

На наш взгляд, для полной характеристики ФЕ этого недостаточно, необходимо расширить дефиницию любой ФЕ лингвокультурологической информацией (далее – ЛКИ), позволяющей понять значение и смысл фразеологизма. ЛКИ отражает национальную специфику ФЕ, способствует ее образному описанию, позволяет выявить ассоциативные представления, связанные с ней, отражает историю развития этноса, самобытную духовную культуру, быт.

В ФЕ отражается особенность мышления представителя того или иного этнического языка. ФЕ с рассматриваемым компонентом может служить для наименования характера людей, что указывает на связь человека с домашней скотиной: Хуцин өвр мет мошкх – свернуть в бараний рог: Тиигхлэ би ирж нөкд болнав. Терүнэс болхинь хуцин өвр мет улсиг мошкад, хартан орулж, авч болдмн – гиж Темнин өрг – мжтэхэр келв (Бадмин А.).

Образ хөн (овцы) у калмыков ассоциировался с чем-то покорным, безобидным, что делало ее легкой добычей для окружающих. Это подтверждается множеством ФЕ и фольклорных паремических текстов: Нанцхн хөнчонын хотнь болдг (Одна овца – удачная охота для волка) [Тодаева 2007: 56]. Это послушное животное, чьи качества ассоциируются с бесконфликтностью, способствующей мирному сосуществованию с другими: Хойр иньг ни болхла, нег иргин арснд деер багтдг, хойр иньг ни уга болхла, долан иргин арснд багтдг уга (Если двое дружны, то поместятся на шкуре одной овцы, если двое не дружны, то и семи шкурах овец не поместятся) [Тодаева 2007: 56]. Для нее характерна жертвенность: Хөн сүүлин төлэ, күн үрнәннь төлэ (овца ради курдюка, а человек ради детей) [Тодаева 2007: 56].

Фразеологическая единица Көгшн хөн ургмтхэ (старая овца пуглива); показывает, что овцы — безропотные животные, склонные к подчинению. В калмыцких поговорках часто проводится параллель между овцой и волком. Например, Хөн бээсн хөөн чон олдх — «Если есть овцы, волки найдутся»; Хөөг чонд иткх — «Доверять овец волку». Данная фразеологическая единица означает совершать ошибку, допускать кого-либо нечестного туда, куда он стремился из-за корыстных целей. Калмыцкие поговорки с компонентом «овца» обладают положительной коннотацией: Өлссн цагт ямана толһа керггдг, күнд цагд хөөнэ толһа керггдг (В голодное время и голова козы бу-

дет нужна, в тяжелое время и голова барана пригодится). Образ овцы в калмыцких пословицах используется для оценочно-нейтральных коннотаций. Например, Хойр иньг ни болхла, нег иргин арснд багтдг, хойр иньн ни уга болхла, долан иргин арснд багтдг уга — «Если двое дружны, то устроятся на шкуре одного барана, если двое не дружны, то не поместятся на шкуре семи баранов»².

Хөн сүүлин төлэ, күн үрнәннь төлэ — «Овца рождена ради курдюка, а человек — ради детей». С данным животным связаны традиционный уклад жизни и калмыцкие обычаи. Например, овца – атрибут религиозных, свадебных и иных церемоний. Во время сватанья невесты в число подношений должны быть обязательно включены мясо овцы и «живой баран».

Кочевой образ жизни калмыков наложил отпечаток на характер их отношения к животным. Их не только используют в утилитарных целях, но использовали в религиозных обрядах. Так, вареная баранина выкладывалась на алтарь и служила жертвоприношением богам. Мясо баранины – любимое и привычное еда степного народа: «Күнд цагд хөөнэ толһа керглдг» (В трудные времена и голова барана пригодится); Малын түрүн бух, махна түрүн ууц (В главе стада – бык, во главе стола – мясо с крестца овцы) [Тодаева 2007: 56].

Овца в калмыцкой лингвокультуре имело сокральное значение. Во время религиозных праздников и обрядов изделия из теста в виде животных, в том числе и овцы, символизировали пожелание достатка и богатства. Голова жертвенного барана считалась священной во время свадебной трапезы [Чеджиева 2023:135].

Калмыки как народ, который занимается животноводческой деятельностью, прекрасно знали строение овцы, могли разделять ее тушу без использования острых инструментов (топора, ножа), так как это накладывалось табу. Свидетельством того, что овца была распространенным домашним животным во дворе хозяина – калмыка, и потому хорошо изучена им, служит множество слов, называющих ее части: лопатка (дал), тазобедренная кость (таша), бедренная кость (дунд чимгн), поясничная часть (ууц), ребро (хавсн), брюшина (ханчр), лучевая кость (чимгн), голень (шилв).

Поражает детальность знаний каждой косточки, каждой части овцы. Так, нога передней части значилась как *ха көл*, в состав которой входили лопатка (дал), плечевая кость (зала чимгн), передняя часть плечевой кости (атхм чимгн), а нога задней части овечьей туши называлась *хуй көл*, состоящая из малой берцовой кости (шаһа чимгн), средней бедренной кости (дунд чимгн), подвздошной кости (таша), коленной чашечки (төңг). Нурһна ясн, то есть позвоночник, был соединением двух ног овцы. Вся задняя часть туши овцы носила название *хөөнэ ууц*, компонентом которой являются кость крестца – ууцин

ясн и нижняя комчиковая часть – *охр сул*. Т.И. Шараева, описавшая виды пищевых предпочтений калмыков, заметила, что «баранина всегда была любимым блюдом калмыков, и до сих пор очень ценятся ими [Шараева 2015: 74-84].

В культуре калмыков существовала особая традиция разделки овечьей туши и ее распределения между гостями. Так, большой знаток калмыцких обычаев и традиций, автор этнического труда «Золотой родник» К. Эрендженев знакомит читателей с процессом обработки желудка овцы и состава потрохов. При этом он дает калмыцкие названия всего, что находится в нем: брюшной жир (семжн), селезенка (делүн), пищевод (улан хол), рубец (гүзэн) и т.д. [Эрендженев 1985]. Так, например, толһа «голова» подавалась старейшине рода или самому почитаемому гостю, предварительно от головы, отделив нижнюю челюсть, морда головы овцы, как правило, должна быть обращена к тому, кому она подается.

Значимым также является дал (лопатка овцы). Традиционно она подается пожилым мужчинам. При этом, по словам У.Э. Эрдниева, «гость должен был разбить лопатку щелчком указательного и среднего пальца правой руки, прижимая его между пальцами левой руки» [Эрдниев 1970: 167]. До сегодняшнего дня этот обычай, связанный с овцой, сохраняется. Он носит название *кемялгһн* (гаданье на бараньей лопатке). Об этом в 1988 г. показано в художественном фильме с одноименным названием А. Неретниеве и калмыцкого сценариста О. Манджиева. Дала (баранья лопатка) была испокон веков средством гадания для калмыков, по ней можно было узнать: какой будет будущая зима (снежной, холодной или мягкой, теплой), что ожидает семью хозяина овцы, будет ли убыток или процветание в их доме. Гаданью служили несколько примет лопатки: «головка лопатки»; «гордость хозяина»; «овечий баз», «веблюжья дорога», «накипь на котле хозяина». Так, основание лопатки в виде углубления ассоциировалась с чашкой, «котлом хозяина». Осадок на ней («накипь») означал, что семью ждет хорошая еда на столе. Широкая, с ровными краями чашка свидетельствовала о богатстве и хорошем характере хозяина овцы; толстая – о веселом нраве и красноречии; глубина и объем чашки говорили о ходе его дел. Плоская часть лопатки прозрачна и тонка – подсказка о холодной и многоснежной зиме, а серое поле вокруг нее – свидетельство о мягком холодном периоде, значит и широкий двор хозяина будет полон пережившего его скота.

Таким образом, изучение калмыцких словарей, свидетельствует о лексикографических проблемах словарных статей фразеологических словарей. На наш взгляд, при дефиниционных характеристиках ФЕ в подобных словарях недостаточно описание только лексической и грамматической информации, возможно, нужно добавить к ним и

лингвокультурологическую составляющую. Без таких сведений, по нашему мнению, фразеологизм, который часто носит образный характер, будет непонятен. Необходимо, хотя бы минимальное, толкование «внутреннего образа» заложенного в ФЕ. Например, фразеологизмы с зоокомпонентом отражают картину мира, культурные ценности, бытовые традиции, историческое прошлое любого народа, в том числе калмыцкого, однако об этом обычно не говорится в словарных статьях фразеологических словарях. Возможно, это будет новый тип такого словаря.

Литература

1. Аюпова Р.А. Проблемы лексикографического описания фразеологических единиц (на материале английского, русского и татарского языков) – Казань, 2009.
2. Бардаев Э.Ч., Пюрбеев Г.Ц., Муниев Б.Д. Фразеологический словарь калмыцкого языка / под ред. Г.Ц. Пюрбеева. – Элиста: АУ РК «РИА Калмыкия», 2018. – 286 с.
3. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М.: Сов. писатель, 1988. 441 с.
4. Голубева Е.В. Лексикографическое изучение словарного состава калмыцкого языка, <https://sci-article.ru/stat.php?i=1484927505&ysclid=lnaobow351577435898>
5. Ермолаева Ю.А. Принципы лексикографического описания русской фразеологии (на материале словарных статей общих и учебных словарей): дис. ... канд. филол. наук / Ю.А. Ермолаева. –Л., 1990. – 232 с.
6. Исаев М.-Ш.А. Структурная организация и семантика фразеологических единиц даргинского языка. – Махачкала: ДГУ, 1995. – 208 с.
7. Калмыцко-русский словарь / под ред. Муниева Б. Д. – М.: Рус. яз., 1977. – 768 с.
8. Олядыкова Л.Б. Калмыцкая безэквивалентная лексика и фразеология в русских переводах произведений Давида Кугультинова. Дис. д.ф.н. – Москва – 2009
9. Рассадин В.И. Общемонгольская лексика по разделу интерьер, домашняя утварь и посуда в халха-монгольском, бурятском и калмыцком языках // Вестник Калмыцкого государственного университета. – Элиста, 2017. – №33(1). – 97- 101.
10. Тодаева Б.Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. – Элиста: АПП «Джангар», 2007. – 839 с.
11. Чеджиева, Ж. Д. Домашние животные в калмыцкой и английской лингвокультурах (на материале фразеологических и паремнологических единиц) / Ж. Д. Чеджиева, В. Н. Мушаев, Е. Б.-Б. Дертынова // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2023. — Т. 14. — № 1. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/15FLSK123.pdf>
12. Шараева Т.И. Субпродукты в обрядовой культуре калмыков

// Актуальные проблемы современного монголоведения. ФГБУН «КИГИ РАН». – Элиста, 2015. – С. 74-84.

13. Эрдниев У.Э. Калмыки (конец XIX–начало XX вв.). Историко-этнографические очерки. – Элиста: Калм. книж. изд-во, 1970. – 282 с.

14. Эрендженев К.Э. Золотой родник: О калм. нар. творчестве, ремеслах и быте / Авториз. пер. с калм. А. Аквилева. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. – 127 с.

УДК 811.351.2

Топонимические единицы сирхинского диалекта даргинского языка, отражающие фауну
Toponymic Units of the Sirkhin Dialect of the Dargin Language, Reflecting the Fauna

П.К. Курбанова, аспирант кафедры дагестанских языков Дагестанского государственного университета; учитель даргинского языка МБОУ «Лицей № 5 им. А.С. Пушкина» г. Махачкала. E-mail: patyakurbanova86@gmail.com

P.K. Kurbanova, postgraduate student of the Department of Dagestan Languages, Dagestan State University; Dargah language teacher at Lyceum No. 5 named after A.S. Pushkin, Makhachkala.

Аннотация. В статье рассматривается проблема функционирования одной из интересных семантических групп топонимической системы полиэтнического Дагестана, в частности – топонимических единиц, отражающих фауну, в одном из уникальных диалектных единиц даргинского языка – в урганинском говоре сирхинского диалекта. Анализ проводится на материале микротопонимов селения Ургани.

Ключевые слова: Дагестан, ономастика, даргинский язык, сирхинский диалект, топонимические единицы, фауна.

Annotation. The article discusses the problem of functioning of one of the interesting semantic groups of the toponymic system of polyethnic Dagestan, in particular, toponymic units reflecting the fauna in one of the unique dialectal units of the Dargin language – in the Urgani dialect of the Sirkhinsky dialect. The analysis is carried out on the basis of microtoponyms of the village of Urgani.

Keywords: Dagestan, onomastics, Dargin language, Sirkhinsky dialect, toponymic units, fauna.

В исследовании анализу подвергается одна из интересных семантических групп топонимической системы сирхинского диалекта

даргинского языка – названий животных. Проблема рассматривается на полевом материале – топонимиконе даргинского селения Ургани Акушинского района Республики Дагестан. Село входит в Цугнинскую администрацию. До центра расстояние составляет 7 км, а до районного центра Акушинского района с. Акуша – 25 км. Ургани является горным селением. Гора *Лес* «Скала», высота которой составляет 2788 метров от уровня моря, является самой высокой точкой территории села.

Сегодня семантика собственных имён вызывает большой интерес исследователей. Проблема значения остается центральной в общей теории онимов. Ономатологи [Суперанская 1973: 257; Никонов 1964: 95] отмечают, что семантический анализ имен собственных не должен сводиться к анализу значения основы, тем более нельзя отождествлять со значением апеллятива. Значение имени собственного определяется общественно-историческим фактором [Суперанская 1973: 280-281].

Как и в топонимии любого другого региона, в даргинской топонимической системе сложился круг специально данных названий, отражающих уклад жизни, общественно-политические преобразования и т.д. [Багомедов 2019: 20]. Это ярко отражается и в рассматриваемом нами урганинском топонимиконе.

Об этимологии названия селения *Ургани* наличествуют две версии. Согласно первой версии, название села образовалось от даргинского слова *урги* «лук». В народе говорят, что сельчане раньше занимались изготовлением лук и стрел. На наш взгляд, вторая точка зрения выглядит более верной. *Ургани* образовалось от слова *урга*, что в переводе с даргинского языка означает «середина». В самом деле, населённый пункт расположился в середине *СирхIя* «Сирха» и *Ахъуша-Дарга* «Акуша-Дарга». Современное село образовалось в результате объединения трех хуторов *Гянжи хъяб* «Земляной (глиняный) перевал», *Букурме* «Букурме» (этимология затемнена), *Хъарша* «Верхнее село». Развалины этих хуторов свидетельствуют об этом.

Отсюда берет свое начало река *Буган* «Буган», впадающая в *Хула хIеркI*, где *хула* «большой», *хIеркI* «река», т.е. «Большая река». Река имеет официальное название «Уллучай», что в переводе с тюркского означает «Большая река».

Селение раньше располагалось в четырех кварталах – къатI: *Хъарша* «Верхнее село», *Зимала къякъ* «Бугор зима (этимология затемнена)», *НикIа дурчче* «Маленький дурчче (этимология затемнена)», *Хваладурчче* «Большой дурчче (этимология затемнена). В последующем село разрослось и раскинулось на другие территории: *Эредурчче* (этимология затемнена), *Шилгул* «Под селом», *Хвала хъу*

«Большая пашня», *Букурме* (этимология затемнена), *Барта хъу* «Пашня топор (?)».

Наличие в топонимии названий растений и животных относится к языкам народов, проживающих в самых различных физико-географических условиях [Багомедов 2013: 172]. Таковым является и Дарга – территория распространения даргинского языка.

В своей основной массе слова, называющие животных, в топонимической системе сирхинского диалекта даргинского языка указывают на представителей фауны данной территории.

В исследуемом топонимиконе зафиксированы следующие названия данного класса:

Амха ряхрахбилсан хъяб «Перевал, где кувыркается осел»

Амхала дубура «Ослиная гора»

БецI кайгъан гIямза «Угол, куда сажают (загоняют)

волка»

БецIлихъунпалла вацIа «Волчий лес»

Жятаринна къаттабс хIеркI «Река ущелья ласточек»

Зимизлар майдан «Муравьиная поляна»

КъакъбацIел майдан «Поляна куропаток»

Къянала ганцIа «Вороний северный склон»

Къвяладиркъа «Коровья равнина»

Къяцала къатта «Ущелье козла»

Къяцалухан «Место, где режут козла»

Мацца кайгъане някъи «Пещера загона овец»

Маццалла сакка «Овечье пастбище»

НикIа дурччебс мусса «Маленький загон для

телят»

Синкала дубура «Гора медведя»

Унц лухан диркъа «Равнина, где режут быка»

Унца букре «Загон для быков»

Унца букребс къуш «Шалаш рядом с загонем

для быков»

Урче кадиркан бя «Склон, откуда падают

лошади»

Чакала дурази «Ток (гумно) орла»

Названия данного класса отмечены и в других диалектах даргинского языка: *БецIла гIями* "Волчье отверстие", *ЧичIлукъ санила бяхI* "Южный склон змей", *УмхIалла къатти* "Ослиное ущелье" – усишинский говор цудахарского диалекта; *Чякабилз дубура* "Птичья гора", *Гежбала къада* "Ущелье козленка" – губденский диалект; *Къакъбала тIаж* "Тропинка куропатки" – иракинский говор муиринского диалекта; *ТIужела гIямри* "Отверстия барсука", *Чакала*

лис "Орлиная скала" – меусишинский говор муиринского диалекта; *Гиччала бяхI* "Козлиный склон" – гуллинский говор муиринского диалекта; *Сика бечлиб къатта* "Ущелье, где скончался медведь", *Кятала гьинна къулла* "Родник кошачьей воды", *Кьяцналла некъи* "Козлиная пещера" – санжинский говор ицаринского диалекта; *Бухълухъунала шурай* «Пруд пиявок» – мургукский говор урахинского диалекта и др.

В рассматриваемой топонимической системе отдельные топонимические единицы, упоминающие животных, имеют окказиональный характер. Например, микротопоним *Урче кадиркан бя* «Склон, откуда падают лошади» порождено определённым случаем.

Литература

Багомедов М.Р. Топонимия Дарга: структурно-семантический аспект. Монография. – Махачкала: Издательство ДГУ, 2013. – 347 с.

Багомедов М.Р. Семантика топонимов Дарга. – Махачкала: АЛЕФ, 2013. – 134 с.

Никонов В.А. Пути топонимического исследования // Принципы топонимики. – М., 1964.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М., 1973. – 364 с.

Г.Б. Есенова

Калмыцкий государственный университет
им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста

ПОНЯТИЙНОЕ СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТА «ТЕГ/СТЕПЬ» В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ¹

Аннотация. Статья посвящена анализу понятийного компонента концепта «тег/степь» в калмыцком языке. В качестве материала использовались словарные дефиниции лексем, входящих в лексико-семантическое поле концепта «тег/степь». Методы исследования: приемы дефиниционного и сравнительного анализа. Делается вывод о том, что понятийное содержание концепта «тег/степь» в калмыцком языке сводится к 'безлесному', 'ровному', 'необжитому пространству'. Номинантом концепта является имя существительное тег, нейтральное с точ-

¹ Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Аксиологический аспект картины мира калмыков» (№ 23-28-0790).

ки зрения стилистической окраски, обладающее высокой частотностью неограниченного употребления в разножанровых фольклорных и современных публицистических, художественных, разговорно-бытовых, научных текстах. Лексико-семантическое поле концепта, помимо существительного тег, включает лексемы көдә, кеер.

Ключевые слова: калмыцкий язык, концепт «тег/степь», понятийное содержание, лексико-семантическое поле концепта.

Annotation. *The article is devoted to the analysis of the conceptual component of the concept "teg/steppe" in the Kalmyk language. Dictionary definitions of lexemes included in the lexico-semantic field of the concept "teg/steppe" were used as the material. Research methods: methods of definitional and comparative analysis. It is concluded that the conceptual content of the concept "teg/steppe" is reduced to "treeless", "flat", "uninhabited space". The nominee of the concept is the noun teg, neutral from the point of view of stylistic use, having a high frequency of unlimited use in multi-genre folklore and modern texts. The lexical and semantic field of the concept, in addition to the noun teg, includes the lexemes ködä, keer. Derivatives of the concept designations form its near periphery, its far periphery is formed by cultural texts associated with the steppe.*

Keywords: Kalmyk language, the concept of "teg/steppe", conceptual content, lexico-semantic field of the concept.

Введение

В пространстве калмыцкой концептосферы центральное место принадлежит концепту «тег/степь», поскольку он тесно связан с базовыми смыслами картины мира калмыков. Данный концепт относится к пространственным концептам, содержащим информацию о месте проживания калмыцкого народа, играющим значительную роль в формировании его характера и миропонимания, в создании системы ценностей этноса. Этим мотивируется наше обращение к анализу концепта «тег/степь» в лингвокультуре калмыцкого народа. Предметом статьи является пространственный концепт «тег/степь», объектом – его понятийные характеристики. Материал исследования – словарные дефиниции лексем, входящих в лексико-семантическое поле концепта «тег/степь». Методы исследования – приемы сравнительного и дефиниционного анализа.

Анализ понятийного компонента концепта «тег/степь»

Для описания лексико-семантического поля анализируемого концепта нами были рассмотрены языковые единицы, обозначающие ментальную область «тег/степь», что позволило обратить внимание на распределение выделенных единиц относительно ядра концепта. С этой целью из лексикографических источников калмыцкого языка [ТСКЯ 2002; ССКЯ 2001; КРС 1977; ТСКЯ 2020; ТСКЯ 2021; ТСКЯ 2022] методом сплошной выборки нами были отобраны все средства обозначения

ния данного концепта, которые далее анализировались для описания его смыслового содержания. В связи с важностью в концептологических изысканиях этимологического и сравнительного анализа в необходимых случаях изучались дефиниции репрезентантов концепта, содержащиеся в Этимологическом словаре монгольских языков [ЭСМЯ 2015; 2016; 2018], Словаре языка ойратов Синьцзяна [СЯОС 2001], толковых словарях бурятского [БРС 1973; 2008; 2010] и монгольского [БАМРС 2001] языков. В ходе анализа выделенных из лексикографических источников словарных статей были определены репрезентанты рассматриваемого концепта. К ним мы относим имена существительные *тег* ‘степь’, ‘поле’; *көдә* ‘пустынная местность’, ‘степь’, *кеер* 1) ‘необжитые, девственные места’, 2) ‘степь’, ‘поле’. У обозначений концепта *тег* и *кеер*, помимо значения ‘степь’, выделяется значение ‘поле’, общей семой является ‘безлесное ровное пространство’. Понятийное содержание концепта «тег/степь» сводится к ‘безлесному’, ‘ровному’, ‘пустынному’, ‘необжитому пространству’. Все приведенные выше обозначения находят отражение в Этимологическом словаре монгольских языков, что указывает на их принадлежность к базисной лексике.

Ниже рассмотрим все репрезентанты концепта «тег/степь», основываясь на данных лексикографических источников.

Тег

Согласно Калмыцко-русскому словарю под редакцией Б.Д. Муниева, основным значением слова *тег* является ‘степь’. Именно данное значение чаще всего реализуется в контекстах, связанных с традиционной жизнью калмыков, например: *тегт мал хэрүлх* ‘пасти скот в степи’, *тегт аң аңнх* ‘охотиться в степи’, *тегт хонх* ‘ночевать в степи’ [КРС, с. 489]. Именно существительное *тег* участвует в создании устойчивых оборотов речи, называющих среду обитания калмыков: *хальмг өргн у тег* ‘широкая, просторная калмыцкая степь’, в том числе в произведениях устного народного творчества (*эжго эрм цаһан тег* ‘безлюдная просторная седая степь’; *эзн уга эрм цаһан тегт* ‘в безлюдной белой степи’) [КРС, с. 489]. Оно встречается в словосочетаниях, обозначающих отличительные характеристики региона: *хальмг тег* ‘калмыцкая степь’, *теегин ноһан* ‘степная трава’, *теегин цевр аһар* ‘чистый степной воздух’ [ТСКЯ 2022, 2 том, с. 162]. Показательно и то, что на базе данного обозначения образованы пословицы, например: *теегин герэснд эзн уга, геесн үрнд нерн уга* ‘у степного сайгака нет хозяина, у плода в утробе матери нет имени’. Будучи номинантом среды обитания калмыков, *тег* часто употребляется в современной публицистике: *Эң зах уга хальмг тег, буурлдан каңкнн үнр мартгдиго* – Хальмг үнн ‘бескрайняя калмыцкая степь, незабываемый благоухающий запах полыни’, а также в художественной литературе: *Кеер, теегт хадх биш, хармж иддг өвсн уга* – Тачин А. ‘в степи не только для косьбы, но даже для животных нет

травы, чтобы есть’. Существительное *тег* в калмыцком языке имеет производные слова: *теегин* ‘степной; полевой’, *теегч* ‘степной житель, степняк’, свидетельствующие об активном употреблении слова в речевой практике для обозначения значений ‘имеющий отношение к степи по признаку и лицу’.

Этимологический словарь монгольских языков не дает соответствия слова *тег* в других монгольских языках, приводит лишь калмыцкое имя существительное, которое гипотетически возводится к «*otegege2* (**tege3-g*) калм. *теег* ‘степь’; ‘травы под снегом’» [ЭСМЯ 2018, 3 том, с. 159]. Большой академический монгольско-русский словарь данное слово объясняет следующим образом: *тээг* ‘ровная местность’, ‘степь’, ‘пустынное место’ [БАМРС 2001, с. 1357]. Бурятско-русский словарь под редакцией К.М. Черемисина информацию о данном слове не дает.

Основываясь на проведенном анализе, можно заключить, что только в калмыцком языке номинантом концепта «тег/степь» является имя существительное *тег*, нейтральное с точки зрения стилистической окраски, не имеющее ограничений в сфере употребления, относящееся к базисной лексике.

Көдә

В современном калмыцком языке имя существительное *көдә* имеет значения ‘пустынная местность’, ‘степь’, ‘поле’. Слово часто употребляется в фольклорных текстах, в частности, пословицах (*эжго эрм цаһан көдә* ‘кругом безлюдная, выгоревшая добела степь’), загадках (*көдәһин көк һалзн ажрһ инцхәхлә йиртмэжин йирн йисн миңһн гүн дегц уһлжэ* ‘когда заржал жеребец пустыни, то сразу ожеребились девяносто девять тысяч кобылиц природы – *оһтрһун дун, үүлн, хур* ‘гром, тучи, дождь’), поговорках (*залу күүнә үкл эжго эрм цаһан көдәд* ‘смерть мужчины-богатыря – в необъятной степи’), эпическом тексте (*эжго эрм цаһан көдәд гихәд зер-зевән агсад мордв* ‘приготовив свое оружие, он выехал, чтобы встретиться в необжитой седой степи’), что косвенно свидетельствует о его некоторой архаизации. Слово обладает системой дериватов, среди которых *көдәһин* ‘полевой, степной’, *көдәлх* ‘обходить, объезжать степь’, *көдәч* ‘житель степи’ [КРС, с. 311]. Вместе с тем данный словарь сопровождает пометой ‘редко’ слово *көдәч*. В современной речевой практике слово употребляется как парное с номинантом концепта: *көдә теегт, шуурһнд тергнә дор хондг биләвидн* – Илюмжинов ‘в необжитой степи во время бурана мы ночевали под телегой’.

Имя существительное *көдә* в Этимологическом словаре монгольских языков возводится к *ködege* [**köde-ge?*]. В словаре приводятся следующие его соответствия в монгольских языках: «халх. *хөдөө(н)*, бур. *хүдөө*, калм. *көдә*, даг. *хүдә* ‘сельская местность’, ‘периферия’, ‘провинция (не столичная местность)’; ‘сельский’; (первоначально лишь места поблизости от населённых пунктов) ‘степь’, ‘поле’, ‘лес’ (место позади

или около стоящих или, например, в юрте, сидящих людей), ‘сторонка’; халх. *хөдөө аж ахуй* (см. *аји ақи*) ‘сельское хозяйство’» [ЭСМЯ 2016, 2 том, с. 134]. В языке ойратов Синыцзяна *көдээ* имеет значения ‘степь’, ‘поле’, ‘открытая местность’: *өргөн көдээдени дүүрсен өндеген цаһаан гермүүд* ‘белые, словно яйцо, юрты, заполнившие широкую степь’ [СЯОС 2001, с. 204]. Данный словарь, как и Калмыцко-русский словарь, приводит его дериваты: *көдалх/көдээлехе* ‘обходить, объезжать степь (поле)’; *көдээсег* ‘любящий степь, жизнь в степи, в поле’» [КРС 1977, с. 311; СЯОС 2001, с. 204], *көдэһин* ‘полевой, степной’, *көдэч* ‘житель степи’ [КРС 1977, с. 311], что указывает на важное место понятия «тег/степь» в калмыцком этносознании.

На основании сказанного можно заключить, что слово *көдэ*, входящее в ядро лексико-семантического поля анализируемого концепта, характеризуется некоторой степенью архаизации, на что указывает имеющаяся в авторитетном словаре калмыцкого языка помета, а также использование его как парная единица в сочетании с номинантом концепта (*көдэ тег*), где оно реализует значение ‘отдаленный, периферийный’.

Кеер

Семантическая структура имени существительного *кеер* представляется следующим образом: 1) ‘необжитые, девственные места’, 2) ‘степь’, ‘поле’. Участие слова *кеер* в значении ‘степь’ в устойчивых выражениях, связанных с традиционным образом жизни калмыков, указывает на принадлежность его к ядру лексико-семантического поля концепта «тег/степь»: *кеер мал хэрүлх* ‘пастись скот в степи’, *кеер аң аңнх* ‘охотиться в степи’, *кеер хонх* ‘ночевать в степи’. О важном месте слова в концептосфере «тег/степь» свидетельствует употребление лексемы в фольклорных текстах. Например, поговорок: *кеер хонад, кең дерлад* ‘терпеть мучения, букв. ночевать в степи, облокотясь на склон’, *кеерин хөөч, герин дууч* ‘в степи – чабан, а дома – певец’, *кеерин күүнд нөкд, кетин һалд цэкур* ‘как для огнива нужно кресало, так для человека в степи – товарищ’. Отметим участие слова *кеер* в эвфемистических выражениях, например, *кеер одлһн* ‘испражнение, букв. хождение в степь’. Слово располагает системой дериватов: *кеерәһәр* ‘по степи; по полю’, *кеерин* ‘степной; полевой’, *кеерк* ‘находящийся в степи’, *кеерлх* ‘удаляться в степь’ [КРС 1977, с. 289].

В языке ойратов Синыцзяна слово *кеере* имеет значение ‘степь, открытое поле’, *кесег тенээд, кеере хонаад ирехе* ‘вернуться, долго проблуждав и заночевав в степи’. Оно образует парное слово *кеерекөдээ* ‘безлюдная степь’ [СЯОС 2001, с. 190]. В монгольском языке семантика слова *хээр* представлена следующим образом: ‘открытое поле’, ‘степь’; ‘пустырь’, ‘необжитые места’, ‘необитаемая местность’. Слово входит в состав словосочетаний: *ой хээр* ‘лесостепь’; *эзгүй хээр* ‘без-

людная степь’, ‘безлюдное место’; *хээр мал хариулах* ‘пасти скот в степи’; *хээр хонох* ‘проводить ночь в степи’, ‘ночевать в поле (под открытым небом)’. От существительного *хээр* образованы дериваты, частотные в речи: *хээрийн* ‘полевой’, ‘степной’; ‘дикий’; *хээрлэх* ‘гулять в степи’; *хээрлэн явах* ‘ехать по степи’ [БАМРС 2001, с. 1749]. Обратим внимание на парное сочетание репрезентантов концепта: *хээр тал / тал хээр* хорш. ‘степь’; *хээр талын* ‘степной’; *хээр талын гал түймэр* ‘степной пожар’ [БАМРС 2001, с. 1749].

Согласно Этимологическому словарю монгольских языков, *kegere* (**kege-r-e* — суффикс местного надежда) имеет следующие соответствия в монгольских языках: халх. *хээр*, бур. *хээрэ*, калм. *кеер* ‘место, удалённое от жилых мест (открытое поле, степь, лес)’. ◇ – Эвк. *кэвэр*, *кэр* ‘луг’; ‘степь’; ‘болото с травой и редкими деревьями’; ‘горная тундра’ [ЭСМЯ 2016, 2 том, с. 112]. Как нам кажется, данный словарь наиболее точно определяет значение слова *кеер* – ‘место, удалённое от жилых мест’.

Основываясь на данных из лексикографических источников, слово *кеер* можно считать одним из обозначений концепта «тег/степь», однако в калмыцком языке в его семантике преобладает значение ‘место, необжитое, удалённое от жилых мест’.

Тала

Имя существительное *тала* в калмыцком языке имеет значение ‘открытое пространство, поле’; ‘равнина’; *тала һазр* ‘равнина’ [КРС с. 473]. В языке ойратов Синьцзяна, наиболее близком калмыцкому языку, у существительного *тала* фиксируется значение ‘степь’: *тала нутаг түвшин биши* ‘степные кочевья не спокойны’ [СЯОС 2001, с. 310]. В бурятском [БРС 2010, с. 224] и монгольском [БАМРС 2001, с. 1234] языках существительное *тал* имеет значения ‘поле’, ‘степь’, ‘равнина’, ‘открытое пространство’. В монгольском языке существительное *тал* рассматривается как синоним *хээр* и определяется следующим образом: ‘поле’, ‘степь’, ‘равнина’, ‘открытое пространство’. БАМРС приводит следующие устойчивые словосочетания со словом *тал*: *говь тал* ‘гобийская равнина’; *илдэн тал* ‘открытое место’, ‘поле’, ‘пустошь’; *нүцгэн тал* ‘голая равнина’, ‘степь’; *ой тал* ‘леса и степи’; *уул тал* хорш. ‘горы и равнины’, ‘горы и степь’; *уул талгүй* ‘по горам и равнинам’; *цагаан тал* ‘открытая степь’; *цөл тал* ‘пустынные степи’; *элчим тал* ‘пустынная степь’; *ээрэм тал* ‘степь’, ‘пустыня’. Кроме того, данный словарь приводит парное слово с участием репрезентанта концепта: *хээр тал* хорш. ‘степь’, ‘открытое ненаселённое место’, ‘пустынное место’ [БАМРС 2001, с. 1234]. Лексикографические источники калмыцкого языка неоднозначно определяют семантику слова *тала*. В Словаре под редакцией Б.Д. Муниева не фиксируется значение ‘степь’, в то время как Толковые словари Г.Ц. Пюрбеева толкуют его значение через суще-

ствительное *тег*: ‘открытое ровное пространство’, ‘поле’ [ТСКЯ 2020, с. 284], ‘открытое пространство’, ‘поле’, ‘равнина’ [ТСКЯ 2020, том 2, с. 134]. Сравнение семантической структуры слова *тала* в монгольских языках свидетельствует о присутствии общих признаков (‘поле’, ‘равнина’, ‘открытое пространство’); различие заключается в том, что в калмыцком языке у данного слова значение ‘степь’ не фиксируется. Согласно Этимологическому словарю монгольских языков, *tala* имеет следующие рефлексy в монгольских языках: «халх., калм. *тал*, бур. *тала*, даг. *тал* (*тала*) ‘степь’, ‘равнина’; ‘сторона’, соотносится с \diamond – др.-тюрк. *tala* ‘степь’» [ЭСМЯ 2018, т.3, с.150].

Итак, этимологический анализ указывает на принадлежность имени *тала* к базисной лексике монгольских языков. Однако имеющиеся лексикографические источники калмыцкого языка не приводят иллюстраций репрезентации значений слова *тала* в разных контекстах, ограничиваясь дефинированием его семантики. Возможно, это связано с его редким употреблением в речевой практике.

Основываясь на низкочастотности использования в речи, отсутствии у слова *тала* значения ‘степь’, по данным авторитетных лексикографических источников калмыцкого языка [КРС 1977, ТСКЯ 2020; ТСКЯ 2022, 2 том], мы не относим имя существительное *тала* к средствам вербализации изучаемого концепта.

Заключение

Таким образом, можно заключить, что понятийное содержание концепта «тег/степь» в калмыцком языке сводится к ‘безлесному’, ‘ровному’, ‘необжитому пространству’. Номинантом концепта является имя существительное *тег*, нейтральное с точки зрения стилистического употребления, характеризующееся высокой частотностью употребления в разножанровых текстах, как фольклорных, так и современных, не имеющее ограничений в употреблении. Номинативное поле концепта, помимо существительного *тег*, включает имена существительные *көдә*, *кеер*. Дериваты обозначений концепта образуют ближнюю периферию концепта, его дальнюю периферию образуют тексты культуры, ассоциативно связанные со степью.

Сокращения

бур. – бурятский
даг. – дагурский
др.-тюрк. – древнетюркский
калм. – калмыцкий
халх. – халхаский
эвк. – эвенкийский

Словари

БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 тт. М.: «ACADEMIA», 2001.

БРС 1973 — Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1973. 804 с.

БРС 2008 — Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь: В двух тт. Том I. Улан-Удэ: Издательство ОАО «Республиканская типография», 2008. 708 с.

БРС 2010 — Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь: В двух тт. Том II. Улан-Удэ: Издательство ОАО «Республиканская типография», 2010. 636 с.

КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.

ССКЯ 2001 — Монраев М.У. Словарь синонимов калмыцкого языка. Элиста: Элиста: АПП «Джангар», 2002. 208 с.

СЯОС 2001 — Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 493 с.

ТСКЯ 2002. — Манджикова Б.Б. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 176 с.

ТСКЯ 2020 — Пюрбеев Г.Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2020. 444 с.

ТСКЯ 2021 — Пюрбеев Г.Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: В 2 тт. Т. 1. Элиста: АУ РК «РИА «Калмыкия», 2021. 574 с. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2020. 444 с.

ТСКЯ 2022 — Пюрбеев Г.Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: В 2 тт. Т.2. Элиста: АУ РК «РИА «Калмыкия», 2022. 590 с.

ЭСМЯ 2015 — Санжеев Г.Д., Орловская М.Н., Шевернина З.В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2015. Том II. 224 с. URL: [http:// sandzheev-i-dretimologicheskij-slovarmongolskihyazykovtom1-m2015%20\(1\).pdf](http://sandzheev-i-dretimologicheskij-slovarmongolskihyazykovtom1-m2015%20(1).pdf) (дата обращения 30 сентября 2023).

ЭСМЯ 2016 — Санжеев Г.Д., Орловская М.Н., Шевернина З.В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2016. Том II. 232 с. URL: [http:// book.ivran.ru/f/etimologicheskij-slovar-2-t.pdf](http://book.ivran.ru/f/etimologicheskij-slovar-2-t.pdf) (дата обращения 30 сентября 2023).

ЭСМЯ 2018 — Санжеев Г.Д., Орловская М.Н., Шевернина З.В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2018. Т. III. 238 с. URL: [http:// book.ivran.ru/f/--3-tom-s-korrek-szhatuj.pdf](http://book.ivran.ru/f/--3-tom-s-korrek-szhatuj.pdf) (дата обращения 30 сентября 2023).

НОМИНАТИВНОЕ ПОЛЕ «МӨРН/КОНЬ» В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ²

Галина Борисовна Есенова – специалист научного отдела ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»; г. Элиста, РФ; esenova_gb@gmail.com

Тамара Саранговна Есенова – д.ф.н., проф. ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»; г. Элиста, РФ; esenova_ts@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию номинативного поля «мөрн/конь» в калмыцком языковом сознании. Задачи исследования – выделение и описание всех обозначений концепта «мөрн/конь» в калмыцком языке. Материал исследования – данные из лексикографических источников калмыцкого языка. Методы исследования: лексико-семантический анализ языковых единиц для определения номинативного поля «мөрн/конь». Результаты: анализ показал, что в калмыцком языке существует обширное лексико-семантическое поле «мөрн/конь», которое включает разнообразную лексику, номилирующую разновидности лошади в зависимости от возраста, пола, аллюра, масти, нрава, внешнего вида, выносливости и т. д. При этом доминирует обозначения лошади по масти.

Annotation. The article is devoted to the description of the nominative field "mörn /horse" in the Kalmyk language consciousness. The objectives of the study are to identify and describe all the designations of the concept "mörn/horse" in the Kalmyk language. The research material is data from lexicographic sources of the Kalmyk language. Research methods: lexical and semantic analysis of language units to determine the nominative field "mörn/horse". Results: the analysis showed that in the Kalmyk language there is an extensive lexico-semantic field "mörn/horse", which includes a variety of vocabulary nominating horse varieties depending on age, gender, gait, suit, temper, endurance, etc. At the same time, the designation of the horse by suit dominates.

Ключевые слова: калмыцкий язык, номинативное поле, концепт «мөрн/конь», лексические средства

Keywords: Kalmyk language, nominative field, the concept of "mörn/horse", lexical means.

Введение

Овцы составляют основу экономики калмыков, обеспечивая людей мясом, шерстью, шкурами. Однако, несмотря на значимость

² *Статья подготовлена по результатам реализации проекта РНФ № 22-18-00060 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с традиционным скотоводством: сравнительно-исторический аспект».*

мелкого рогатого скота в обыденной жизни и экономике, все же истинным другом, верным спутником, объектом восхищения, предметом гордости калмыка является конь.

В прошлом конь – это средство передвижения на огромных степных пространствах, без него невозможны были военные походы номадов, а шкура, мясо, молоко лошадей, хотя не в таких количествах, как овец, все же использовались в хозяйственных нуждах. Исторически лошади составляли не основной, а дополнительный источник экономики калмыков, которые разводили этих животных не для утилитарных потребностей. Особенности климата засушливых степей со скудной растительностью препятствовали разведению лошадей в больших количествах. В связи с чем большие табуны могли держать лишь богатые, в среднем в калмыцкой семье было несколько лошадей, а в бедняцких могло и не быть вовсе.

Важное место лошади в картине мира калмыков нашло яркое отражение в фольклоре, в многочисленных выразительно-образительных, образных выражениях, в которых с достоинствами коня соотносились лучшие качества человека. Именно коню посвящают калмыки благопожелания, восхваления, это герой разных жанров устного народного творчества. Именно конь сопровождает всех богатырей героического эпоса калмыков «Джангар». О неразлучности калмыка и его верного коня свидетельствует любимая народом песня «*Сайг сээхн саарл*»: *сайг сээхн саарлын сээр деернь өслэв* ‘я вырос на крупе буланого красавца-иноходца’. Оседланный конь символизировал мобильность калмыка, готовность к быстрым перемещениям на длинные расстояния и на продолжительное время.

Все сказанное выше обуславливает актуальность предпринятого исследования. Предметом публикации является понятийный аспект концепта «мөрн/конь» в калмыцкой лингвокультуре. Цель исследования – описание номинативного поля концепта «мөрн/конь» в калмыцком языке. Задачи – выделение и описание обозначений концепта «мөрн/конь». Материал исследования – данные из лексикографических источников калмыцкого языка. Методы исследования: лексико-семантический анализ языковых единиц, входящих в номинативное поле «мөрн/конь».

Лексико-семантический анализ языковых обозначений концепта «мөрн/конь»

Для определения номинативного поля «мөрн/конь» из лексикографических источников калмыцкого языка [ТСКЯ 2002; ССКЯ 2002; КРС 1977; ТСКЯ 2020; 2021; 2022; ППЗКРОК 2007] методом сплошной выборки были отобраны все средства обозначения данного концепта, которые далее анализировались с целью описания его понятийного содержания. Следует отметить, что в целом в калмыцком языке

чрезвычайно разнообразна лексика скотоводства, что связано с тем, что животноводство является основным занятием калмыков. Занимаясь длительное время разведением четырех видов домашнего скота (лошадей, верблюдов, коров и овец), калмыки детально отмечали свойства, признаки животных, а также особенности, связанные с их разведением (пастбища, водопой, болезни и т.д.), что, безусловно, нашло отражение и в системе номинаций.

На основании лексико-семантического анализа выделенных единиц к средствам актуализации концепта «мөрн/конь» мы относим следующие номинации: *мөрн* ‘лошадь, конь’, *агт* ‘конь, рысак’, *күлг* ‘аргамак, рысак, боевой конь’, *агт күлг* ‘рысак, аргамак’, *дэңгл* ‘кляча’ и т.п. Среди приведенных единиц отметим наиболее часто встречающееся в текстах разной жанровой принадлежности, стилистически нейтральное обозначение, лишенное каких бы то ни было коннотаций – *мөрн*. Данное слово относится к базисной лексике монгольских языков. В Этимологическом словаре монгольских языков указывается происхождение слова MORIN от [*mo-rin] и приводятся его рефлексy в современных монгольских и тунгусо-маньчжурских языках: халх. *морь*, бур. *морин*, калм. *мөрн*, бао. *морэ*, даг. *мори* (*мор*’), дунс., мнгр. *морі* ‘конь’, ‘лошадь’; эвк. *морин*, *мурин*, маньчж. *morin* ‘лошадь’, ‘конь’ [ЭСМЯ 2016, с.175]. Основываясь на частотности употребления во всех видах и жанрах речи, стилистической нейтральности значения, принадлежности к базисной лексике, имя существительное *мөрн* можно считать номинантом рассматриваемого концепта. Остальные обозначения называют данное животное с учетом какого-то определенного свойства, например, выносливости. Следует отметить, что в фольклорных текстах калмыков выделяется особое обозначение коня: *агсг* ‘быстрый, резвый, норовистый беспокойный скакун’. Вероятно, именно такие признаки коня, как ‘быстрый’, ‘резвый’, ‘норовистый’, признаются значимыми в фольклорной картине мира калмыков.

Проведенный анализ языковой репрезентации концепта «мөрн/конь» показывает, что в калмыцком языке существуют детальные обозначения лошади, которые учитывают масть, возраст, пол, аллюр, внешний вид (грива, морда, хвост и т.д.), нрав, свойства выносливости и др. Остановимся на этом более подробно ниже.

Масть

Известный исследователь лингвокультуры монгольских народов Г.И. Рамстедт отмечает, что в монгольских языках особенно разнообразно и детально обозначается масть лошади. По его мнению, в этих языках существует более двухсот слов для номинации лошади по масти. То, что в восприятии европейца передается одним словом «черный», в монгольских языках обозначается в зависимости от оттенка этого цвета, сезона, времени суток, когда человек видит лошадь, и т.д.

Так, во время своих путешествий в места проживания монгольских этносов ученый был поражен тем, что даже ребенок только по названию масти лошади без ошибок определяет, о каком именно экземпляре идет речь. Из нескольких сот животных, находящихся в табуне, ребенок мог выделить и привести именно ту лошадь, о масти которой упоминается в разговоре [Ramstedt 1978].

Наш анализ словарных дефиниций показывает, что в калмыцком языке с точки зрения масти выделяются: *саарл* 'буланный', *саарал* 'мышастый, пепельно-серый', *зеерд* 'рыжий', *улан* 'рыжий', *улан-зеер* 'красно-рыжий', *шарһ* 'соловый', *бор* 'серый, сивый', *көк* 'серый, сивый', *буургч* 'чалый', *буурл* 'чалый, седой', *кер* 'гнедой'; *алг* 'пегий' и т.д.

Отметим, что существуют и такие обозначения, в которых учитываются признаки и масти, и биологического пола. Так, например, различают *буургч* 'чалая кобылица', *буургч гүн* 'чалая кобылица'.

Говоря о масти коня, следует отметить, что конь, являющийся объектом восхваления в разных жанрах фольклора калмыков, в текстах устного народного творчества весьма часто характеризуется с точки зрения окраски. Исследователь устного народного творчества калмыков Е.Э. Хабунова пишет о том, что существует определенная зависимость масти коня от жанра текста: «В рассмотренных нами образцах заздравных песен кони, как правило, светлой масти: *бор* 'серый', 'сивый', *көк делтә* 'с дымчатой гривой', *буурл* 'чалый', 'седой', *зеерд* 'рыжий', *кер* 'гнедой', *шарһ* 'соловый'» [Хабунова 1998: 28]. Светлый окрас животного в текстах фольклора исследователь объясняет ассоциацией светлых оттенков цвета со счастливым будущим, с олицетворением с вечным мирозданием и жизненной силой. Конечно, с этим нельзя не согласиться, ведь со светлыми цветами калмыки связывают свои пожелания благополучия, счастливой жизни без трудностей и болезней. Именно такая трактовка семантики белого цвета закреплена в культуре всех монгольских народов [Жуковская 1988].

В этой связи следует отметить, что в героическом эпосе калмыков «Джангар» конь является верным спутником всех богатырей. Анализ показывает, что масть коня богатырей чаще всего определяется как *кер* 'гнедой', хотя встречаются кони и других мастей, например, *улан* 'рыжий'.

Аллюр

Качества коня калмыки определяют по видам походки лошади. Калмыки иноходь лошади обозначают словом *жора*. Различают *номһн жора* 'тихая иноходь'; *хурдн жора* 'быстрая иноходь', соответственно иноходца называют словосочетанием *жора мөрн*. Словом *сайаг* обозначают 'мелкую иноходь', отсюда *сайг мөрн* – 'лошадь, идущая мелкой иноходью'. Плавный и ровный аллюр калмыки назы-

вают словом *дүүлң*.

Нрав

Большое значение калмыки придают нраву коня. Различают *бухдг* ‘неудержимый, рвущийся вперед’, *эмиг* ‘дикий, необъезженный, необузданный, не приученный к пряжке, седлу’. Для обозначения типов лошадей в зависимости от нрава используются разные языковые средства. Например: *эмиг мөрн* ‘конь-неук’; *дольгн мөрн* ‘ретивый конь’, *догшин мөрн* ‘неспокойная лошадь’, *аман медэд уга мөрн* ‘объезженная лошадь’, *гүүдлтэ мөрн* ‘резвая лошадь’, *агсг мөрн* ‘быстрый, резвый, норовистый, беспокойный конь’ и т.п.

Следует отметить, что калмыки выделяют особый вид коня – *андн мөрн* ‘прославленный конь, не превзойденный в беге, который в скачках уже не участвует’.

Возраст, пол

В калмыцком языке существуют специальные лексические обозначения животных, учитывающие пол: *ажрһ* ‘жеребец’, *гүн* ‘кобылица’. Есть номинации, учитывающие возраст: *унһн* ‘жеребенок-сосунок (до года)’, *дааһн* ‘двухгодовалый жеребенок’, ‘лончак’; *баасн* ‘трехлетняя кобыла’, *дөнжн гүн* ‘четырёхлетняя кобылица’, *дөнн* ‘четырёхгодовалый’ и т.п. Кроме того, существуют обозначения, в которых учитываются одновременно и пол, и возраст: *һунжн* ‘трехлетняя лошадь’, *ажрһ үрэ* ‘трехгодовалый жеребец’; *дөнжн* ‘четырёхлетняя самка’.

Отметим, что есть специальные номинации для обозначения чалой кобылицы (*буургч гүн*), кастрированного, холощенного жеребца, мерина (*агтлсн ажрһ*), бесплодной кобылицы (*баэрсн*), кобылицы, которая жеребилась только дважды (*баэрсн гун*), жеребой кобылы (*боос гүн*) и т.п.

Внешний вид

О большой наблюдательности калмыков свидетельствуют разнообразие обозначения, номинирующие лошадей в зависимости от внешнего вида. Калмыки придавали значение гриве, загривку, спине, хвосту, груди, морде, ногам лошади. Так, например, различали *чеежән авсн мөрн* ‘лошадь с большой грудью’, *делтэ* ‘гривастый, имеющий гриву конь’, *дэартэ мөрн* ‘лошадь с потертой спиной’, *далңта* ‘имеющий жир в загривке’, *давдрдг мөрн* ‘прихрамывающий конь’, *һалзн* ‘с лысиной, плешью’, ‘с белой полосой на лбу’, *булг* ‘белоногий’, *делгрхг* ‘гривастый, имеющий большую гриву’, *көк делтэ* ‘с дымчатой гривой’ и др.

Заключение

Таким образом, на основании анализа скотоводческой лексики можно сделать вывод о существовании в калмыцком языке обширного лексико-семантического поля «мөрн/конь», в которое входит лексика,

номинация виды лошадей в зависимости от возраста, пола, аллюра, масти, нрава, внешнего вида, выносливости и т.д. Среди всех обозначений доминируют номинации, основанные на масти.

Сокращения

бао. — баоаньский
бур. — бурятский
даг. — дагурский
дунс. — дунсянский
калм. — калмыцкий
мнгр. — монгорский
халх. — халхаский
эвк. — эвенкийский
маньчж. — маньчжурский

Литература

Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука, 1988. 195 с.

Хабунова Е. Э. Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 224 с.

Ramstedt G. J. Seven journeys eastward, 1898-1912. Bloomington, 1978, 277 p.

Словари

КРС, 1977. Калмыцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. 768 с. КРР, 1993. Калмыцко-русский разговорник. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1993. 238 с.

ППЗКРОК, 2007. Тодаева Б.Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. 839 с.

ССКЯ, 2002. Монраев М.У. Словарь синонимов калмыцкого языка. Элиста: Элиста: АПП «Джангар», 2002. 208 с.

ТСКЯ, 2002. Манджикова Б.Б. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 176 с.

ТСКЯ, 2020. Пюрбеев Г.Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2020. 444 с.

ТСКЯ, 2021-2022. Пюрбеев Г.Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: В 2 тт. Т. 1. Элиста: АУ РК «РИА «Калмыкия», 2021. 574 с. Т.2. Элиста: АУ РК «РИА «Калмыкия», 2022. 590 с.

ЭСМО, 2016. Санжеев Г.Д., Орловская М.Н., Шевернина З.В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. Т.2. М.: ИВ РАН, 2016. 232 с.

**Особенности фиксации религионимов в толковых словарях
русского языка**

Peculiarities of fixing religious names in explanatory dictionaries of the
Russian language

Е.А. Зюзина, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Дагестанского государственного университета, г. Махачкала, Российская Федерация. E-mail: silver2222@mail.ru

E.A. Zyuzina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department of Dagestan State University. Makhachkala, Russian Federation. E-mail: silver2222@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы, связанные со спецификой фиксации религиозной лексики в толковых словарях русского языка, разрабатываемые рядом отечественных лингвистов, а также излагаются некоторые наблюдения за особенностями лексикографического описания религиозной исламской лексики, которая фиксируется часто без специальных помет и указания на возможность переносного (нерелигиозного) употребления. Толкования некоторых религионимов отличаются неточностью и отсутствием иллюстративной базы.

Ключевые слова: религиозная лексика, исламские и христианские религионимы, толковые словари, лексикографическое описание, неточность толкования, отсутствие иллюстративной базы.

Abstract. This article discusses issues related to the specifics of fixing religious vocabulary in explanatory dictionaries of the Russian language, developed by a number of Russian linguists, and also presents some observations on the peculiarities of the lexicographic description of religious Islamic vocabulary, which is often fixed without special marks and indications of the possibility of figurative (non-religious) use. The interpretations of some religious names are characterized by inaccuracy and lack of an illustrative base.

Keywords: religious vocabulary, Islamic and Christian religious names, explanatory dictionaries, lexicographic description, inaccuracy of interpretation, lack of illustrative base.

В последние десятилетия 20 века произошли существенные изменения в лексическом составе русского языка. Одним из таких изменений считается перераспределение между активным и пассивным словарем русского языка, что привело, в частности, к актуализации конфессиональной лексики, связанной с общественно-политическими, экономическими, культурными преобразованиями в современной России и обращением к религии, к духовным истокам [Кузнецова, Кузнецов 2023: 249].

Конфессиональная лексика становится объектом исследования в ряде научных работ. Лингвисты рассматриваются религионимы в разных аспектах, в том числе в плане отражения данной лексики в толковых словарях русского языка.

Ряд исследований отечественных лингвистов Т.Ю. Богданчиковой, А.М. Ильиной, И.К. Матея, О.Н. Емельяновой, Е.Ю. Бульгиной, Т.А. Трипольской и др. посвящен анализу лексикографических источников на предмет фиксации религиозной лексики, ее семантизации в словарях, изданных в советский и постсоветский период.

Т.Ю. Богданчикова отмечает, что в советский период жизни нашей страны религиозная лексика подверглась серьезным идеологическим гонениям, так как считалась признаком отсталости, косности старого строя и верующих людей. Она отличалась негативной окраской, что объясняет ее малочисленность в словарях советской эпохи. Однако уже в тот период у данных единиц появились новые «светские» значения, которые должны были найти отражение в словарях [Богданчикова 2021: 95].

Данный исследователь сопоставил объем иллюстраций к отдельным религиозным словам в толковых словарях, изданных в советское и постсоветское время, и обнаружил, что прямые значения религиозной лексики в словарях советской эпохи не иллюстрируются примерами употребления. По мнению Т.Ю. Богданчиковой, это связано с идеологической установкой перевести религиозную лексику в пассивный фонд языка. В словаре постсоветского периода приводятся как прямые, так и переносные значения сакральной лексики, причем каждое из толкований сопровождается иллюстрациями [там же: 97].

Лингвист приходит к выводу о том, что в практике издания словарей в советское время религиозная лексика в основном не имела иллюстративной зоны в лексикографических изданиях, что связано со стремлением искоренить религию из сознания советского человека. Если же к сакральному слову давались какие-либо иллюстрации, то они выражали негативное отношение к религии или указывали на устаревший характер единицы [там же: 101].

А.М. Ильина, ссылаясь на И.К. Матея, соглашается с его утверждением о том, что религиозная православная лексика в толковых словарях отличается смысловой двуплановостью, проявляющейся в наличии у слова светского и религиозного значений. В первую очередь отражаются ее «светские» значения, а первичные сакральные значения приводятся гораздо реже. Причины такой особенности лексикографического описания данных единиц связаны с архаизацией некоторых слов, с их насильственным перемещением в советское время в пассивный запас [Ильина 2020: 95].

Вопросами квалификации рассматриваемой лексики в словарях

занималась и О.Н. Емельянова. Она отметила, что не все словари отражают религиозную лексику, так как многие из них были изданы в советскую эпоху и отразили господствующую в то время идеологию, согласно которой религия считалась пережитком прошлого. По этой причине в толковых словарях С.И. Ожегова, а также С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой религиозная лексика не выделялась. Только при переиздании словаря С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой в 2011 г. появились пометы «религиозное», «церковное», которые никак не были прокомментированы [Емельянова 2012: 317].

При анализе словарей автор выявил, что религиозная лексика является самым малочисленным пластом слов. При анализе Малого академического словаря О.Н. Емельяновой было собрано всего лишь 87 единиц, снабженных пометой «церк.». Такое малое количество слов натолкнуло автора на мысль, что слова данной сферы могут иметь и другие указания на их принадлежность к религиозной лексике. Так, в МАСе дается такой комментарий: «В православной церкви».

О.Н. Емельянова установила, что словарь непоследователен в описании религиозной лексики, так как не все слова снабжены пометами и имеют соответствующий комментарий. Многие религиозные слова могут скрываться за пометой «устаревшее» [там же: 318-319].

Данный исследователь утверждает, что в настоящее время некоторые словари меняют отношение к конфессиональной лексике. Например, в толковом словаре под редакцией Г.Н. Складневской, приводится характеристика помет «церк.» и «религ.», а автор словаря отмечает, что третий разряд лексики, представленный в издании, – это конфессиональные единицы. Они активно употребляются в современных СМИ в связи с возвращением к религии (в основном – к православию) и ее духовным истокам [Емельянова 2012: 321].

Анализируя особенности толкования лексики религиозной сферы в словарях, лингвисты обращают внимание на структуру словарной статьи, а именно на три важные ее части: пометы, само толкование единицы и иллюстрации к слову.

Если говорить о пометах, то авторы отмечают их избыточность на страницах словаря, идеологическую маркированность, проявляющуюся в указании на неактуальность слова, его чуждость советскому строю. Наиболее распространенными явились пометы «книжн.», «церк.-книжн.», «поэт.», «устар.», «церк», содержание которых словарь раскрывает с точки зрения идеологии той эпохи, что, вероятно, явилось условием включения лексики данной тематической группы в лексикографический источник [там же: 63-64].

Иллюстрации, демонстрирующие употребление религиозного слова, приводятся в контекстах, имеющих идеологическую направленность и оценивающих данное понятие отрицательно. Например,

слово *православие* в рассматриваемом словаре приводится в следующем контексте: «*Православие и самодержавие – основные устои мракобесов царской России*».

Толкования исследуемой лексики в словаре Д.Н. Ушакова в большинстве случаев нейтральны, похожи на энциклопедические. Прагматически отмеченными являются толкования понятий, не приемлемых для идеологии советского общества. Такая неприемлемость отражается в таких элементах толкования, как *якобы, культ, их бог, мистический, так называемый* и т.д. В качестве иллюстрации приводят следующий пример семантизации понятия «христианство»: *религия, в основе которой лежит культ мифического Иисуса Христа как богочеловека* [Булыгина, Трипольская 2015: 64].

При обращении к словарям, созданным с 60-х гг. 20 века и по настоящее время, лингвисты Е.Ю. Булыгина и Т.А. Трипольская обнаружили, что деидеологизация религиозной лексики может быть реализована так:

- 1) в результате замены иллюстративного материала, имеющего идеологическую нагрузку, на нейтральные примеры;
- 2) в результате отказа от каких-либо иллюстраций;
- 3) в результате идеологической переориентации.

Зачастую авторы словарей просто заменяют идеологически маркированные иллюстрации употребления религиозной лексики на нейтральные либо вовсе отказываются от иллюстративной части словарной статьи [Булыгина, Трипольская 2015: 65].

Вопросами фиксации исламской религиозной лексики в словарях русского языка занималась С. Рагасова, которая обратила внимание на неполноту лексикографического описания единиц данной тематической группы. Проанализировав словари иностранных слов и некоторые толковые словари русского языка, лингвист приходит к выводу о том, что большая часть исламской религиозной лексики не находит фиксации в источниках. В среднем в словарях фиксируется 30 единиц, а всего в разных словарях автором обнаружено 89 лексем исламской тематики [Рагасова 2017: 218].

Интересуясь вопросами прямого и переносного употребления слов-религионимов, мы также обратили внимание на фиксацию в толковых словарях религиозной лексики, акцентировав внимание на исламской лексике, весьма актуальной для людей, исповедующих ислам – второй по численности верующих религии в Российской Федерации.

Отметим, что в толковых словарях русского языка исламские религионимы часто не имеют специальных помет, не снабжаются иллюстративным материалом, фиксируются только в прямом (религиозном) значении, хотя в СМИ и социальных сетях употребляются и в переносном значении.

Так, например, в толковом словаре С.А. Кузнецова слово *джихад* толкуется как священная война против иноверцев, хотя Национальный корпус русского языка фиксирует контексты переносного употребления данной единицы, например:

Коронавирусу объявлен джихад [Коммерсант, 2020.02]; ... *правительство, которое наносит такой серьезный вред финансовой системе США, можно обвинить в финансовом джихаде...* [viktorlevanov.livejournal.com viktorlevanov (02.04.2013)].

Из приведенных контекстов следует, что слово *джихад* имеет переносное значение «борьба с чем-либо», «протест против чего-либо».

Слово *шахид* как единица религиозной сферы обозначает «мученик за веру». В толковом словаре С.А. Кузнецова, а также в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, как и в ряде других лексикографических источников, единица *шахид* не получила фиксации. В средствах массовой информации данное слово употребляется достаточно часто для обозначения террориста-смертника, т.е. теряет свой сакральный смысл и приобретает в публикациях журналистов отрицательные коннотации. Часто слова *шахид* и *террорист* в прессе используются как синонимичные понятия, например: ... «*Шахид*» (в арабском языке это слово означает не только мученика, погибшего за веру, или террориста-смертника ... но и человека, павшего при защите родины [Известия, 2016.08]).

В отдельных случаях можно обнаружить неточности в толковании религионима, в попытке объяснить понятие одной религии через понятие другой. Так, например, слово *дервиш* толкуется как «мусульманский нищенствующий монах» [Кузнецов 2000: 251], т.е. через христианское понятие, хотя известно, что институт монашества для ислама не характерен.

В результате наблюдения за фиксацией религиозной лексики, мы пришли к выводу, что данный пласт слов нуждается в фиксации и корректном толковании, поскольку в СМИ и социальных сетях исламские религионимы нередко приводятся в искаженном значении, могут иметь отрицательные коннотации.

Литература

Богданчикова Т.Ю. Проблема иллюстрирования церковной лексики в советских толковых словарях // СТУДЕНТ ГОДА 2021: сборник статей Международного учебно-исследовательского конкурса в 6-ти частях. – Петрозаводск, 2021. – С. 94-102.

Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл.ред. С.А. Кузнецов. –СПб: Норинт, 2000. – 1536 с.

Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Деидеологизация словарного описания религиозного слова в русской лексикографической традиции // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2015. – № 2. – С. 61-67.

Емельянова О.Н. Квалификация конфессиональной лексики в толковых словарях русского языка // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ). – 2012. – № 2. – С. 317-322.

Ильина А.М. К вопросу об изучении религиозной лексики: теоретический и практический аспекты // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. – 2020. – № 1 (6). – С. 92-100.

Кузнецова Ю.Н., Кузнецов Д.А. Причины актуализации и особенности функционирования конфессиональной и церковно-религиозной лексики // Актуальные вопросы современных научных исследований. – Пенза, 2023. – С. 248-251.

Национальный корпус русского языка [электронный ресурс]. – URL: <https://ruscorpora.ru/>

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: ООО «А Темп», 2014. – 874 с.

Рагасова С. Слова исламской тематики в словарях русского языка // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – Т. 23. – № 4. – С. 217-221.

УДК 81'373.2 (082)

Микротопонимы Брестчины в контексте кодов культуры Microtoponyms of Brest region in the context of cultural codes

И.Л. Ильичева, кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры речеведения и теории коммуникации Минского государственного лингвистического университета. г. Минск, Республика Беларусь. E-mail: ilitcheva@list.ru

I.L. Ilitcheva, Candidate of Philology, Assistant Professor, Postdoctoral Student of the Department of Speech Studies and Communication Theory of the Minsk State Linguistic University. Minsk, Republic of Belarus. E-mail: ilitcheva@list.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению фрагмента сельской микротопонимии Брестского региона с позиций лингвокультурологического подхода. В ходе анализа 510 ономастических единиц выявлены и описаны культурные коды, репрезентирующие культурно маркированную информацию. Автор статьи приходит к выводу о том, что микротопонимы несут в себе богатую культурную информацию, которая передается и воспринимается в процессе коммуникации.

Ключевые слова: топонимы, микротопонимы, коды культуры, ономастическое пространство

Abstract. The article is devoted to the study of a fragment of the rural microtoponymy of the Brest region from the standpoint of the linguistic and cultural approach. During the analysis of 510 onomastic units, cultural codes representing culturally marked information were identified and described. The author of the article comes to the conclusion that microtoponyms carry rich cultural information that is transmitted and perceived in the process of communication.

Keywords: toponyms, microtoponyms, cultural codes, onomastic space

Географические названия (топонимы), в которых, как в зеркале, отражено разнообразие природной среды, пестрота ландшафтов, служат ориентиром в пространстве и времени. Благодаря им человек наполняет окружающую его действительность особым смыслом. С течением времени топонимы «конденсируют в своём семантическом содержании культурную информацию» [Джаватова 2010: 10], становятся «надежным свидетельством исторического прошлого исследуемого региона, отражают смену этнических и культурно-религиозных пластов» [Багомедов 2013: 3 автореферат]. Как справедливо отмечает М. Р. Багомедов, «топонимия в целом, является лексическим отражением менталитета этноса, в силу чего в состоянии дать представление о его мировоззрении, психологии, эволюции языка и общества» [Багомедов 2013: 4].

Важную роль в формировании языковой картины региона играют микротопонимы, «нередко выступая символами культур, к которым они принадлежат» [Правдикова 2009: 4]. Кодирова картину сельского социума во всех ее составляющих, микротопонимы «создают единое информационное пространство, единый текст культуры диалектоносителей; они несут многослойную культурологическую информацию и выполняют разнообразные функции, свойственные культуре, информативную, регулятивную и нормативную» [Сьянова 2007: 5]. Как и различные виды топонимов, микротопонимы выступают «как универсальный язык культуры, в большинстве случаев отсылают нас к конкретным культурным реалиям, которые в свою очередь образуют специфические “языки” культуры – коды» [Мезенко 2011: 11].

Данная статья продолжает серию работ автора, посвященных исследованию ономастического пространства Брестского региона в рамках лингвокультурологического подхода³.

³ Ильичева И.Л. Реализация антропоморфного кода культуры в ономастическом пространстве Брестского региона // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 4 (12). С. 54–63.

Ильичева И. Л. Топонимы Берестье, Брест-Литовск, Брест-над-Бугом, Брест в ономастическом пространстве Брестчины // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 77–87.

В качестве объекта исследования выбран фрагмент сельской микротопонимии – названия лесных массивов и их частей (микродри-монимы) и водных объектов (микрогидронимы).

Цель данной статьи – выявление способов репрезентации кодов культуры в микротопонимии Брестчины.

Материалом исследования послужили примеры микротопонимов, полученные в процессе сплошной выборки из информационной справки УК Брестского областного краеведческого музея (сектор «Природа и экология») «Реки, каналы и озера Брестской области. Названия в легендах и мифах» за 2020 г.; словаря «Мікратапанімія Брэстчыны» (авторы: Л. В. Леванцэвіч, Н. Р. Якубук, Т. А. Кісель). Картотека автора составляет 510 ономастических единиц. В ходе анализа и статистической обработки материала использовался преимущественно дескриптивный метод, реализованный в таких приемах, как изучение, обобщение и интерпретация.

Прежде чем перейдем непосредственно к анализу микродри-монимов укажем несколько фактов. В настоящее время Брестская область располагается на юго-западе Беларуси, имеет площадь 32,8 тыс. квадратных километров, из которых около 10 % занимают водные объекты (реки, каналы, озера и болота). На долю Брестской области приходится седьмая часть всех лесов Беларуси. Растительный мир области богат и разнообразен, современная флора области насчитывает более 1400 видов растений. Наибольшую площадь занимают сосновые леса (60%). Распространены также берёзовые (16,8%), черноольховые (15,1%), дубовые (3,8%), еловые (3,2%) леса. В лесах Брестской области также растут ель белая, клен серебристый, орех маньчжурский, лимонник китайский, сосна веймутова, дуб красный, болотный кипарис. Поэтому занимая значительные площади, лесные массивы и водные ресурсы Брестской области неизбежно вовлекались и вовлекаются в процесс топонимизации.

Микротопонимы, как языковые знаки, являются репрезентантами смыслов региональной культуры и ярким воплощением кодов культуры. По мнению В.В. Красных, «коды культуры сопоставимы с древнейшими архетипическими представлениями человека, “образуют” систему координат, которая содержит и задает эталоны культуры» [Красных 2003: 298]. В.А. Маслова и М.В. Пименова рассматривают коды культуры как «специфический для каждой культуры набор способов социальной практики, свод ценностей и правил коллективного существования» [Маслова 2016: 3].

Исходя из имеющихся у нас материалов, мы выделили следующие

Ильичева И.Л. Лингвокультурологические аспекты в исследовании эргонимикона Брестского региона // Современная языковая политика в мире: теория и практика / отв. ред. М.Я. Каплунова, Чжао Жунхуэй. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 468–479.

щие коды культуры: *антропоморфный, флористический, фаунистический, эмоционально-характерологический, топоморфный.*

В ходе анализа установлено, что одним из приоритетных кодов культуры является антропоморфный. В сельской топонимии Брестчины данный код объективно представлен значительным количеством отантропонимны. Как видно из примеров, в основе номинации микро-топонимов находится в большинстве случаев имя, прозвище мужчины или фамилия семьи: *Зубкі* – лес на возвышенности, где находится дом семьи Зубков (г.п. Логишин), *Іванько* – лес, где раньше жил человек, по прозвищу *Іванько* (д. Ляховцы), *Кася* – лес, где жила семья, которая имела прозвище Кася. (д. Ляховцы), *Макарцев лес* – название леса, где жил человек, по имени Макар (д. Богданы), *Корсаковэ* – лес, который принадлежал пану Корсаку (д. Лыще), *Бурдуковэ* – часть озера, которое находится в конце деревни. Название происходит от прозвища Бурда (д. Ольшаны), *Бубнова яма* – водоём, возле которого жил человек, по прозвищу Бубен. (д. Молодово), *Бадайчын луг* – водоём, которому плавал дед Бадай на лодке и пел песню лодцы і спяваў. (д. Войтешин), *Мар'ін лес* – лес, где раньше жила одинокая женщина по имени Мар'я (в. Полонка). Достаточно редко фиксируются микро-топонимы, в основе которых лежат женские имена. Это можно объяснить главенствующей ролью мужчины в белорусской семье.

В нашем материале в достаточно большом количестве зафиксированы микро-топонимы, в которых вербально отражена растительность региона. По частоте использования в микро-топонимах на первой позиции находятся лексемы *береза* и *дуб*. Значимость данных лексем очевидна, поскольку эти два дерева в традиционной культуре славян считались священными. К дубу преимущественно относили наши предки предание о мировом дереве, его ассоциировали с мужским началом. Во многих обрядах и обрядовых песнях береза почиталась как женский символ.

Следующие позиции занимают номинации, мотивированные словами *ольха, осина, ель, сосна*, кроме того, нашли отражение также слова *липа, черемуха, ясень, мох, хмель* и др. В качестве иллюстративной наглядности приведем ряд примеров названий лесов или их частей: *Заольшынне* (д. Дребск), *Алес* (д. Чернавчицы), *Алешнік* (п. Ореховское), *Альшанік* (д. Кастары), *Альшын-ка* (д. Белоусовщина); *Берэзняк* (д. Ольшаны), *Берэзы* (д. Терабличы), *Елуўка* (д. Заборовцы), *Ёлуха* (д. Козики); водных объектов: *Бэрэзіна болото* – болото, возле которого росло много берез (д. Видибор), *Болото Лоза* (д. Рогозно), *Болото Мошково* (д. Митьки).

Выступая в качестве топоосновы, лексема *дуб* и ее производные широко представлены в микро-топонимии Брестчины: *Дубавец*

(д. Кривошин), *Дубавін* (д. Туховичи), *Дубкі* (д. Борщево), *Дубоваграда* (д. Жолкино), *Дубок* (д. Заполье), *Дубрава* (д. Медно), *Дуброво* (д. Гощево), В нашем материале можно наблюдать целый ряд производных как от слова *дуб*, так и от слов *дубрава*, *дуброва*.

Встречаются микродримонимы, образованные от названий грибов и ягод: *Зылыныця* – лес, в котором росло много зеленков (аг. Хотислов), *Золотая* – лес, в котором растет много лисичек (д. Бережное), *Козлоўка* – лес, в котором растут грибы козляки (г.п. Логишин), *Чэрніцко* – лес, где растет черника (д. Ольшаны), *Чэрняково* – лес, где много черники (д. Мосевичи).

Топоморфный код культуры «отражает представления человека о важности связей при концептуализации пространства; показываются отношения именуемого объекта с другими» [Королева, с. 45]: *Замлыночце* – лес, который находится за мельницей (д. Тевли), *Замост* – лес за мостом (д. Черск), *Замосте* – участок леса на месте бывшего хутора Замосце (д. Заборовцы), *Ліс* – лес, который расположен возле озера (д. Комаровка).

В отдельных случаях с целью повышения экспрессивности в качестве топоосновы номинатор избирает «чужой» объект, не принадлежащий территории региона: *Куба* – лес, который расположен очень далеко от деревни (д. Лососин).

Распространены на территории Брестской области и микротопонимы, актуализирующие фаунистический код культуры. В основах данных ономастических единиц содержится указание на представителей фауны Брестской области: *Журавель* – лес, возле которого можно всегда было встретить много журавлей (г. п. Шерешово), *Зайцов бір* – лес (в. Оса), *Зайцова гора* – возвышенность в сосновом лесу, где было много зайцев (в. Осовцы), *Оленёвка* – лес, говорят, водились олени (в. Пруска-Волгиново), *Буські* – болото, где было много лягушек и куда прилетали всегда аисты (д. Ляховичи), *возера Карасіно* – озеро, в котором водилось много карасей (д. Мохро), *Вужынік* – часть леса где водились ужи (д. Ляхчицы).

Эмоционально-характерологический код культуры эксплицируется при помощи микродримонимов, в основе которых лежит принцип номинации по присущим или приписываемым им свойствам и качествам: *Красня* – лес, в котором всегда было красиво (аг. Повитье), *Слаўнэ* – лес, который славился плодородной почвой (аг. Повитье), *Зэлены осторуў* – лес (д. Верхний Теребежов), *Зэленэц* – лес (д. Смоляница), *Белое возера* – озеро, которое находится посередине леса, вода в нем всегда прозрачная и чистая (д. Махро).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что микротопонимы являются важным источником информации о природно-

географических условиях, об истории заселения, об историческом прошлом жителей Брестского региона. Полученные данные позволяют говорить о том, что мвикротопонимы Брестчины не только выполняют преимущественно локативную функцию, но и обладают целым рядом культурных ассоциаций, закрепленных в языковом сознании жителей Брестского региона. Разнообразие и уникальность наименований объектов сельской местности служат индикатором ценности данных объектов для носителей региональной культуры.

Литература

Багомедов М. Р. Топонимия Дарга: структурно-семантический аспект : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.02 / М. Р. Багомедова ; Дагестанский гос. пед. ун -т. – Махачкала, 2013. – 46 с.

Джаватова Г. А. Топонимика селения Нижнее Казанище Буйнакского района республики Дагестан : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Г. А. Джаватова ; Дагестанский гос. пед. ун -т. – Махачкала, 2010. – 23 с.

Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.

Маслова В. А. Коды лингвокультуры / В. А. Маслова, М. В. Пименова. – М. : ФЛИНТА, 2016. – 180 с.

Мезенко, А. М. Урбанонимия как язык культуры / А. М. Мезенко // Учен. зап. Тавр. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. Филология. Соц. коммуникации. – 2011. – Т. 24 (63), № 2, ч. 1. – С. 388–392

Правдикова, А. В. Микротопонимия как отражение картины мира (на материале английской литературы XIX – XX вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. В. Правдикова ; Волгоград. гос. пед. ун -т. – Волгоград, 2009. – 22 с.

Сьянова, Е. И. Ономастический код в ментальном пространстве диалектоносителей (на материале говоров Воронежского Прихопёрья): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. И. Сьянова ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2007. – 24 с.

Ономастическое пространство в паремиях как отражение этнической картины мира русского народа

Onomastic Space in the Paremiias as a Reflection of the Ethnic Picture of the World of the Russian people

Л.В. Копоть, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Адыгейского государственного университета. Майкоп, РФ. E-mail: kopot79@mail.ru

L.V. Kopot, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language Department, Adyghe State University, Maikop, Russia.

А.К. Аннаэсенова, магистрант филологического факультета Адыгейского государственного университета. Майкоп, РФ.

A.K. Annaesenova, Master's student of the Philological Faculty, Adyghe State University, Maikop, Russia.

Аннотация. Исследована периферийная зона ономастического пространства в паремиях русского языка, представленная в сборнике «Пословицы и поговорки русского народа» В.И. Даля. Выявлены геортонимы, этнонимы, этнохоронимы. Проанализирована семантика данных имен. Отмечена этнокультурная специфика онимных единиц, свидетельствующая об уникальности русской лингвокультуры.

Abstract. Russian language's peripheral zone of onomastic space, presented in the collection «Proverbs and Sayings of the Russian People» by V.I. Dahl, has been studied. Georthonyms, ethnonyms, and ethnohoronyms have been identified. The semantics of these names is analyzed. The ethnocultural specificity of the onym units is noted, which testifies to the uniqueness of the Russian linguoculture.

Ключевые слова: ономастическое пространство, паремии, геортонимы, этнонимы, этнохоронимы, этническая картина мира.

Keywords: *onomastic space, paremiias, georthonyms, ethnonyms, ethnohoronyms, ethnic picture of the world.*

В XXI веке исследование пословиц и поговорок В.И. Даля – собирателя народной мудрости – неразрывно связано с пониманием этнической картины мира народа, его ценностей. Под этнической картиной мира понимаем «сконцентрированную в лингвистических единицах вербальную сублимацию видения народом действительности на том или ином этапе его развития» [Копоть 2020:183]. Это, по мнению В.И. Постоваловой, мир, представленный в своей цельности, неразрывности, некий итог аксиологических установок народа, возникающий в результате контактов человека с окружающей действительностью.

стью, совокупность знаний об этом мире. Этническая картина мира, представляя собой результат переработки сведений об окружающей действительности и социальной среде, месте человека в ней, консервирует общественный и исторический опыт развития социума [Постовалова 1988:19].

Народ в своих метких изречениях отразил преломление представлений о природе вещей, о человеке, об обществе, о морали, о культуре его личности. Соответственно понимание онима как единицы текста осуществляется непосредственно при антропоцентрическом подходе. Подобное исследование обусловлено тем, что в пословицах присутствуют реальные имена, популярные для российского общества 17-19 веков, имена исторических лиц, существующие в настоящем географические онимы, названия праздников, создающие уникальное онимное этнопространство определенной лингвокультуры.

Под ономастическим пространством понимаем «комплекс собственных имен всех разрядов, употребляемых данным народом в данный период» [Подольская 1988: 104]. Соответственно ономастикон – «словарь или список собственных имен, составленный обычно раздельно для разных категорий онимов», а также «совокупность всех онимов того или иного произведения» [Подольская 1988: 98]. Таким образом, ономастическое пространство (ономастикон) русских пословиц и поговорок в сборнике В.И. Даля – это комплекс всех онимов, встретившихся в пространстве данного произведения.

Ономастическое пространство любого текста изучают в русле полевого подхода, суть которого заключается в виде вертикальных и горизонтальных системных отношений между онимами в ономастическом поле, выступающем «как упорядоченная, иерархизированная совокупность имен собственных» [Супрун 2000:7]. Все онимы в рамках любого текста – это некая система со своей иерархией, в которой онимы структурно и семантически спаяны, образуя единое пространство. Ученые, изучая ономастическое пространство, системно представленное в тексте, рекомендуют следовать комплексному подходу. Сущность комплексного подхода – исследование всех представленных онимов во взаимодействии [Волкова 2010:8]. В.И. Супрун в своей диссертации обосновывает полевой подход при исследовании онимов. Он выделяет ядро ономастического пространства, околядерную зону и периферию. Ядро поэтонимологии, по мнению В.И. Супруна, антропонимия.

В периферийную зону, по мнению В.И. Супруна, входят: 1) гемеронимы – органы периодической печати; 2) фалеронимы-ордена и медали; 3) геортонимы-праздники; 5) документонимы; 6) прагмонимы; 7) эргонимы [Супрун 2000:6]. Онимы, входящие в периферийную зону, реализуют прямую связь с внутренней формой слова, послу-

жившего основой для образования онима. Кроме того, такие имена собственные включают нередко сведения, касающиеся непосредственно страны, в которой функционирует это имя.

К периферии ономастического пространства А.В. Суперанская относит собственные имена **неодушевленных предметов**: 1) хремотонимы (собственные имена неодушевленных предметов: оружия, посуды, драгоценностей, музыкальных инструментов и т.п.); 2) названия средств передвижения (пароходов, лодок, космических кораблей, самолетов); 3) торговые и фирменные названия (эта группа имён занимает промежуточное положение между нарицательными и собственными). Далее она выделяет **собственные имена комплексных объектов**: 1) предприятий, учреждений, объединений; 2) органов периодической печати; 3) определенных отрезков и точек времени; 4) праздников, юбилеев, торжеств (геортонимы); 5) мероприятий, кампаний, войн; 6) произведений литературы и искусства; 7) документов; 8) стихийных бедствий; 9) различных наград [Суперанская 2009: 190-207].

В ономастическом пространстве русских паремий нами выявлены следующие группы: геортонимы, этнонимы, этнохоронимы.

1. Названия праздников (геортонимов). Термин *геортонимы* (греч. «праздник» + оним), согласно Подольской, означает названия праздников [Подольская 1988: 16]. В сборнике В.И. Даля выявили следующие номинации: *Покров, Петровки, Крапивное заговенье, Сырная седмица, Масленица, Прощеное воскресенье, Благовещение, Рождество, Вербная неделя, Страстная неделя, Пост, Великий Пост, Радуница, Троица.*

Покров (33). На Руси был очень популярен православный праздник *Покрова Пресвятой Богородицы*, который восходит к 12 веку. Славяне его праздновали с середины до конца октября, период, который знаменовал окончание сельскохозяйственных работ. Это же время на Руси является традиционным для проведения свадебных торжеств. Покров – платок прочно ассоциировался у древнерусского человека с покрытой головой женщины, невесты. Паремии русского языка зафиксировали эту традицию, связанную с поиском жениха, а также мужа. *После покова не будет такова (будет бабой). Весело покров проведешь, дружка найдешь (время свадеб). Покров не лето, благовещенье не зима. Покров – первое зазимье. Покров не лето, а Сретенье не зима. На покров ветер с востока – зима холодная.*

Заговенье (мясопустье) (6). Заговенье – традиционный православный праздник, последний день перед длительным, изнуряющим постом. В заговенье в русский народ употреблял пищу животного происхождения, сытную, высококалорийную. Щи в этом случае как продукт перед постом не являются праздничным блюдом. В подобной

ситуации верующие рассчитывают на скоромную пищу. *Удобрялась мачеха до пасынка: велела в Заговенье все щи выхлепать.*

Крапивное заговенье, Петровки (5). В этот день, 11 июля, предки русских варили суп из крапивы, делали салаты, а также целебные настои из данного растения, поскольку это был христианский Пост, предполагающий потребление постной пищи, в честь апостолов Петра и Павла, который заканчивался в Крапивное заговенье. *В крапивно заговенье сват свата угощай (последнее воскресенье перед петровками).*

Масленица (11). Масленица – языческий праздник, связанный с поклонением Солнцу, возникший у древних славян задолго до христианства. Праздновался на Руси широко, богато, в течение семи дней. Русский народ старался в это время хорошо погулять, воспользоваться земными радостями: вкусно поесть, сладко попить, повеселиться. Ведь далее следовал Великий Пост – время молитв, пищевых ограничений, нравственного очищения. *Масленица – объедуха, деньги прибе-руха. Масленица семь дней гуляет. Масленица идёт, блин да мёд несёт.*

Сырная седмица (2) (Масленица). Масленица иногда называлась Сырной седмицей, или сыропустьем, так как это уже была последняя неделя перед Постом, и есть мясо не разрешалось, но молочные продукты можно было употреблять в пищу. *На Масленой повеселились, да блинком угостились. Отдадим почтенье на Сырной в воскресенье.*

Прощеное воскресенье (1) (Масленица). В последний день Масленицы – Прощеное воскресенье – принято просить друг у друга прощение за обидные слова и проступки, а также угощать гостей блинами из пшеничной, ржаной, гречневой муки с разными начинками. *В прощенный день зять у тещи гостит (последний день Масленицы). В Прощеный день, как на Пасху, все целуются.*

Благовещение (26). Согласно православному учению, этот день считается днем благой вести о грядущем рождении Спасителя. *Пять раз в году солнце играет: на Рождество, Богоявление, Благовещение, Светлое Воскресение, Иоанново рождение.*

Рождество (16). Данный геортоним встречается в поговорках 17 раз. Рождение Спасителя людей – значимое событие в картине мира православных жителей России. *В Рождество на крылечке, на Пасху у печки. С Рождества до Крещения грех охотиться в лесу. На Рождество два друга – мороз да вьюга. На Рождество и Солнце играет.*

Вербная неделя (2). Шестая неделя Великого Поста. Особо значимым является Вербное воскресенье. *Кому Масленица да сплошная, а нам Вербная да Страстная.*

Страстная неделя (2). Седьмая неделя Великого Поста. Особо строго соблюдались обряды в Страстную пятницу – день гибели Хри-

ста. *Кому Масленица да сплошная, а нам Вербная да Страстная.*

Пост (Великий Пост) (64). У верующих людей важный православный праздник, который длится 40 дней, его цель – покаяние за грехи, а также за смерть Иисуса Христа. Это некая подготовка к празднованию Пасхи. *Целуй в уста, теперь нет Поста. Не гуляла, не жаловала ни в Рождество, ни в Масленицу, а привёл бог в Великий пост. Не всё коту масленица, а будет и Великий Пост. Широка река Маслена – затопила и Великий Пост.*

Пасха (7). Этот религиозный православный праздник очень важен в системе ценностей любого верующего. Русский народ всегда отличался глубокой верой, которая считается одним из столпов русской идентичности. Это глубокий духовный праздник, связанный с гибелью и воскрешением Иисуса Христа, сына Бога. *Дорого яичко в Христов день. После масленицы великий пост, а за Страстную Пасха. Чужая ласка – сироте Пасха.*

Радуница (2). Радоница, Радуница – день поминовения усопших. На Руси его праздновали на второй неделе после Пасхи. Праздник известен с XIV века, он упоминается в древнерусских рукописях. В народе назывался день Фоминым воскресеньем. На Кубани называют этот день Проводами. *Выпили пиво на Масленицу, а с похмелья ломало после Радуницы.*

Троица (3). У верующих православных людей отмечают этот праздник на 50-й день после Пасхи. В этот день ученики Христа стали проповедовать массово христианскую веру, на них снизошел Святой Дух. На Руси хозяйки старались убирать дом как можно чище, пекли пироги, украшали помещение зеленью, цветами. Молодые люди высылали сватов в дом невесты, поскольку верили, что сватовство в эту дату дарует счастливую жизнь. *На Троицу дождь – много грибов. Если на Троицу посватаются, а на Покров поженятся, значит, жизнь у этих супругов будет долгой, счастливой, в любви и согласии. Бог любит Троицу. Троица три дня строится. Троица тремя праздниками богата – цветами, травами и румяным летом.*

Таким образом, данная группа онимов содержит уникальную этнокультурную информацию о традициях, обычаях, вере русских людей, ценностных установках, нравственных императивах, лежащих в основе идентичности русского народа.

Далее к периферии ономастического пространства относим этнонимы и их разновидность – этнохоронимы. Этнонимы – «номены для обозначения любого народа, этноса» [Подольская 1988:167]. Отметим тот факт, что ученые не пришли к единому мнению относительно языкового статуса этнонимов. Так, относят к именам собственным этнонимы В. А. Никонов, О. Н. Трубачев, в то время как А. В. Суперанская, Н. В. Подольская считают их апеллятивами. В дан-

ном исследовании придерживаемся точки зрения В.И. Супруна, который относит их к именам собственным с особым, промежуточным статусом, относящимся к периферии имен собственных. В.И. Супрун выделяет среди онимов чужих этносов следующие номинации: 1) этнонимы со значением «чужие»; 2) называющие этнос по какому-либо внешнему признаку его представителей; 3) ландшафтные этнонимы; 4) топонимические этнонимы; 5) заимствованные этнонимы [Ковалев 1991: 20].

2. Этнонимы: *Немец (8), француз, цыган, итальянец, жид, швед, грек, татарин, чуваш, мордва, зырянин, чудь, хохлы, ляхи.*

В русских паремиях присутствуют номинации других народов в составе ономастического пространства, что позволяет говорить о том, что паремии зафиксировали определенный исторический этап, демонстрирующий взаимоотношения русского народа с другими. Это, в свою очередь, расширяет представления об этнической картине мира русского народа [Буряковская 2000:12]. Показательно, что этноним *немцы* содержит глубокую этнокультурную информацию. Паремии отражают в аксиологическом контексте вековое отношение к поработителям, врагам, чужим. Поэтому в русских пословицах немец – это символ иностранца, «чужого» в сопоставлении с русским, «своим». Паремии отражают негативное отношение русских к немцам: *Что русскому здорово, то немцу смерть. Русский немцу задал перцу.* И даже в пословице *Позабыли немцы двенадцатый год* в рассматриваемом контексте этноним немцы через оппозицию «свой»-«чужой» указывает на отсутствие памяти, свидетельствуя, скорее всего, о намеке на агрессивные действия представителей другого этноса (Отечественная война 1812 года с французами) и предполагаемом итоге такого противостояния.

Находят отражение и исторические события 1612 года, когда Россия была освобождена от польского владычества. Сравни: *Пришли казаки с Дону да погнали ляхов до дому (освобождение Москвы от поляков 1612 г.)* Отсюда и экзоэтноним (прозвищное, уничижительное название поляков, данное им русскими): ляхи.

2.1. Этнохоронимы. Активно используется в пословицах разновидность этнонимов – этнохоронимы, или катойконимы. Катойконим обозначает жителей населенных пунктов или географического региона страны, России. Подобных наименований довольно много. Это *пензенцы, старорусцы, тверитяне, владимирцы, суздальцы, володимирцы, вологодские, угличане, рыбницы, нижегородцы, лысковцы, костромичи, ярославцы, архангельцы, петрозаводцы, вятски, вятчане, вятчки, курянин, брянцы, калужане, туляк, рязанцы, пензенцы, тамбовцы, смоляне, вязьмичи, витебцы.*

Наличие данных единиц дополняет этническую картину мира

русского народа, детализируя ее при помощи топонимических этнонимов.

Таким образом, исследование периферийного ономастического пространства свидетельствует об этнокультурной специфике онимных единиц, отражающих этнокультуру русского народа.

Литература

Буряковская В.А. Признаки этничности в семантике языка (на материале русского и английского языков): автореф. канд. дис. / В.А. Буряковская. – Волгоград, 2000. – 25 с.

Волкова С.Н. Проблемы классификации периферийных онимов в художественном тексте (на материале романа О. Ермакова «Знак зверя») / С.Н. Волкова // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2010. – №6. – С.8-15.

Ковалев Г.Ф. Этнонимия славянских языков / Г.Ф. Ковалев. – Воронеж, ВГУ, 1991. – 175 с.

Копоть Л.В. Репрезентация этногендерной картины мира в профессиях и должностях древнерусского языка / Л.В. Копоть // Волгоградский государственный социально-педагогический университет. 2020. – №1. – С.183-187.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1988. – 196 с.

Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С.8-69.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская // Отв. ред. А.А. Реформатский. Изд. 3-е, испр. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 368 с.

Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал / В.И. Супрун. – Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.

УДК 81'373.2(470.67)

Дагестанские прагматонимы, мотивированные именами собственными

Dagestan pragmatonyms motivated by proper names

П. А. Лекова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Дагестанского государственного университета. Город Махачкала, Российская Федерация. E-mail: Liekova65@mail.ru.

P. A. Lekova, Candidate of Philological Sciences, Associate Profes-

sor of the Russian Language Department of Dagestan State University. The city of Makhachkala, Russian Federation. E-mail: Liekova65@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу наименований продуктов, иллюстрирующих общий языковой портрет дагестанской сферы питания. В ней исследованы прагматонимы, мотивирующими основами которых выступают различные ономастические единицы. Для изучения были отобраны названия, закрепленные за продукцией, выпущенной дагестанскими производителями. Единицы исследованы с семантической точки зрения и подвергнуты классификации в соответствии с тем, какое именно имя собственное положено в основу нового онима. Выясняются возможные мотивы выбора того или иного коммерческого названия, а также определяется степень мотивированности исследуемых слов с опорой на экстралингвистический контекст.

Ключевые слова: прагматоним, коммерческое название, вторичная номинация, способы номинации.

Abstract. The article is devoted to the analysis of product names illustrating the general linguistic portrait of the Dagestan food sector. It examines pragmatonyms, the motivating foundations of which are various onomastic units. The names assigned to the products produced by Dagestani manufacturers were selected for study. The units are studied from a semantic point of view and classified according to which proper name is the basis of the new onym. The possible motives for choosing a particular commercial name are clarified, and the degree of motivation of the studied words is determined based on the extralinguistic context.

Keywords: pragmatonym, commercial name, secondary nomination, nomination methods.

В настоящее время наблюдается «ономастический бум», связанный с активным развитием пищевой промышленности, продукция которой должна иметь собственное название. Традиционно в этой сфере наименования даются в честь тех, кто начинал производство, городов, сел, поселков, чьи названия связаны с историей их появления. Кроме того, нередки случаи, когда имя дается с учетом ассоциаций, вызванных самим коммерческим продуктом. В ходе анализа языкового материала мы пришли к выводу, что названные традиции сохраняются и сегодня. Но при этом есть факты, свидетельствующие о том, что появились новые тенденции в этой области наименования. Современные прагматонимы должны отвечать одному из главных требований рынка – характеризовать продукт так, чтобы вызвать покупательский интерес. Немаловажным условием эффективности производства является и лаконичное, запоминающееся товарное имя, которое способно обеспечить положительное восприятия и хороший сбыт продукта.

Интернет изобилует многочисленными каталогами, в которых

рекламируются продукты питания многих регионов и в то же время ярко отражается словотворческая деятельность российских производителей. Иноязычная лексика, окказионализмы, регионализмы, этнографизмы, варваризмы и другие единицы, выступающие в качестве производящих основ для прагматонимов, требуют критического осмысления и внимательного изучения, так как в условиях современности имена собственные, в частности названия продуктов питания, являются важной составляющей повседневной речеповеденческой культуры. Они отражают национальный характер, традиции и обычаи, вкусовые предпочтения языковой личности и того этноса, к которому она принадлежит.

Дагестанцы знакомы с названиями традиционных продуктов, а также тех, что вошли в их быт на разных исторических этапах. Сегодня бурное развитие пищевой промышленности способствует активному появлению в речи новых наименований. Все они образуют пестрый в содержательном и этимологическом отношении ономастический региональный текст.

С точки зрения лингвистики создание оригинальных коммерческих названий представляет интерес прежде всего в связи с тем, что в этот процесс вовлекаются многообразные языковые ресурсы. Кроме того, важно знать, на какие именно фоновые знания опираются номинаторы данной сферы. Прагматонимы, во многом отражающие языковую картину мира, требуют исследования и с целью выявления региональных особенностей имятворчества.

В данной статье описаны лексико-грамматические разряды имен собственных, которые легли в основу названий пищевых продуктов, формирующих общedaгестанский речевой портрет.

Наиболее интересны в лингвистическом отношении наименования, являющиеся результатом вторичной номинации, при которой «используется фонетический облик существующей единицы в качестве имени для нового обозначаемого» [Телия 1977: 398]. Эти факты ярко иллюстрируют специфику языкового творчества дагестанцев и национальные особенности прагматонимов. Единицы, заключенные в кавычки, представляют собой самостоятельные названия, именуемые в науке неодинаково. Знакомство с литературой по исследуемым вопросам показало отсутствие единообразия в способах обозначения подобных ономастических реалий. Термины *коммерческое название*, *гастрононимы*, *гастрономическая лексика*, *товарный знак*, *словесный товарный знак*, *товарное имя*, *товарная марка*, *рекламная марка*, *бренд* и многие другие отражают существующий в данной области разнобой. Как нам представляется, данные единицы обладают всеми признаками прагматонимов, к которым относят номены, служащие «для обозначения сорта, марки,

товарного знака» [Подольская 1990: 50].

С учетом своеобразия названий пищевых реалий следует оговорить, что при их анализе необходимо иметь в виду речевые особенности их условных создателей. Номинаторов объединяют такие показатели, как место проживания, традиции, обычаи, культура, вероисповедание. Как правило, это владельцы производств, управляющие, работники, родственники [Лекова 2019: 97–103].

Ниже представлена классификация коммерческих наименований в сфере питания, которые являются результатом вторичной номинации. В ней отражен фактический материал, собранный методом сплошной выборки из каталогов, размещенных в Интернете с 2021 по 2023 год. Примеры распределены по принципу: от наиболее до наименее частотных:

1. Топонимы в составе прагматонимов (или оттопонимические единицы): соки, урбеч, консервы и детское питание: «*Гоцатль*», «*Кикунь*», «*Ириб*», «*Кегер*», «*Гуниб*», «*Могох*», «*Маджалис*», «*Лимпопо*»; молочная продукция: «*Цадаса*», «*Согратль*», «*Кизляр*», «*Кизляр. Урицкий мясокомбинат*», «*Дагестан*»; кондитерские изделия: «*Избербаш*», «*Белиджи*», «*Дербент*», «*Порт-Петровск*» (*Махачкала*); бутилированная вода: «*Тобот*», «*Самур*», «*Кара-Койсу*», «*Койсу*», «*Родники Согратля*»; чай: «*Гебгуда*», «*Аварское Койсу*», «*Сокровища Тидиба*», «*Тидибская долина*»; продукты из зерновых и бобовых культур: «*Рубас*», «*Хучни*», «*Усухчай*», «*Голотль*», «*Тлох*», «*Гоор*», «*Бацада*», «*Терек*»; лимонад: «*Сергокала*», «*Каякент*», «*Дагогни*»; квас: «*Сулак*», «*Махачкалинский*»; серии продуктов под одним названием: «*Ярыксу*», «*Акташ*», «*Седой Каспий*», «*Мерло-Шалбуздаг*», «*Сары-Кум*», «*Тарки-Тау*», «*Нарын-Кала*», «*Дербентская крепость*», «*Мегеб*», «*Гуниб*», «*Махачкала*», «*Древний Кизляр*», «*Град Петров*», «*Кавказский*», «*Великий Дагестан*», «*Вершина Дагестана*», «*Легенда Дагестана*», «*Дагестан*», «*Россия*» и др.

2. Антропонимы в составе прагматонимов:

а) мужские имена реальных людей в основе наименований – кукурузные палочки «*Веселый Тим*»; консервы: «*Исмаил*»; гречка «*Батыр*»; мясная продукция: «*Батыр-Бройлер*»; шоколад: «*Муртазали*» («*Murtazali*»); чай: «*Букет Хочбара*», «*Хочбар*», «*Легенда Шамиля*»; продукты питания (серия): «*Петр Великий*», «*Пушкин*», «*Багратион*»; урбеч: «*У Гаруна*»;

б) женские имена реальных людей в основе наименований – мука: «*Хадиджа*», «*Снежана*»; халва: «*Анай*»; чай «*Парту Патимат*»; котлеты: «*Сияна*»; напиток: «*Розалия*»; кукурузные палочки: «*Ясмина*»; вода: «*Джумай*»; торт: «*Диабелла*», печенье: «*Мадлен*».

3. Литературные и кинематографические антропонимы в

составе прагматонимов: булка «*Винни*», лимонад «*Мальвина*», «*Ниндзя*», торт «*Кармен*», рыбные консервы «*Золотая рыбка*» и др.

4. Фольклорные и мифологические антропонимы в составе прагматонимов: чай «*Букет Хочбара*», «*Парту Патимат*», «*Хочбар*»; торт «*Диабелла*» (из мифологии «богиня любви»), «*Эдем*» (райский сад).

5. Библионимы в составе прагматонимов: кефир «*Мой Дагестан*» (как известно, «Мой Дагестан» – это произведение, написанное Расулом Гамзатовым).

Из приведённых примеров можно судить о том, насколько активно используется ономастическая лексика для образования новых прагматонимов.

Интересны в лингвистическом плане прагматонимы, содержащие отсылку к информации, которая заложена в производящей основе – ониме другого разряда. Например, название продуктовой серии «*Пушкин*» мотивировано, как нам представляется недостаточно прозрачно: возможно, номинатор с особым уважением относится к великому русскому поэту или предполагал, что такой «говорящий» прагматоним вызовет большой интерес и к названию, и к товару. Так же можно интерпретировать и возможные мотивы выбора названий в следующих случаях: «*Петр Великий*», «*Багратион*», «*Хочбар*» и др.

Для многих дагестанцев название «*Цадаса*» не представляется каким-то оригинальным, так как оно может быть мотивировано топонимом *Цада* (родина народного поэта Расула Гамзатова), кроме того, псевдоним *Гамзат Цадаса* принадлежит одному из родоначальников аварской поэзии, отцу Р. Гамзатова. В нем отражена знаковая географическая реалья. При этом следует признать, что мотивы создания этого прагматонима недостаточно ясны. Вероятно, он появился по субъективным причинам: руководитель производства пожелал назвать свою молочную продукцию в честь родного села (предположительно, это Цада) или любит творчество Гамзата Цадаса.

Достаточно прозрачна мотивация в прагматонимах типа «*Винни*», «*Ниндзя*». В случаях вторичной номинации, когда происходит переосмысление исходного библионима, можно с легкостью определить мотивы выбора – это продукты детского питания.

Вызывает интерес и название «*Хочбар*». В этом случае несложно определить, каким именно словом оно мотивировано: *Хочбар* – имя аварского абрека, боровшегося за свободу своего народа и погибшего от рук предателя. Вероятнее всего, номинаторы пожелали акцентировать внимание на травах, которые с древних времен известны дагестанцам как дающие силу, энергию,

укрепляющие иммунитет. Подобное объяснение мотивов выбора имени справедливо и в случае с чаем из горных лекарственных трав «*Парту Патимат*»: эта смелая лакская женщина, как гласит легенда, возглавила отряд мужчин, вставший на пути иноземных захватчиков. Данное прецедентное имя знакомо многим дагестанцам, поэтому его выбор оправдан.

По нашему мнению, невозможно судить о причинах выбора в качестве коммерческого названия какого-либо личного женского или мужского имени (как исконного дагестанского, так и заимствованного), если для него не характерна прецедентность.

Прагматонимы «*У Рашида*», «*Амина*», «*Даниял*», «*Аиша*», «*Джамия*», «*Сияна*», «*Батыр-Бройлер*», «*Инесса*», «*Рузанна*» и др. образованы, на наш взгляд, в силу того, что в них пожелали отразить имя автора рецепта, владельца коммерческого предприятия, его родных и друзей. Кроме того, благозвучность мотивирующего антропонима может повлиять на его выбор в качестве нового названия.

В ходе анализа нами выявлены случаи вторичной онимизации, отражающие процесс простого дублирования известных торговых наименований, брендов: пирожное «*Баунти*», торт «*Орео*», «*Золотой ключ*», «*Натс*», «*Сникерс*», «*Птичье молочко*» и мн. др. Как удалось выяснить, подобные единицы – это в основном названия десертов. Мотивы номинации в таких примерах можно объяснить стремлением повторить рецептуру популярных лакомств.

Проанализировав собранные прагматонимы, мы пришли к важному выводу о том, что в них отражена экстралингвистическая информация, позволяющая судить о разнообразных фоновых знаниях, имеющихся у большинства дагестанских номинаторов. Коммерческие названия, как показано выше, отражают богатую экстралингвистическую информацию. Дагестанцы используют в качестве вторичной номинации исторические, кинематографические, мультипликационные, фольклорно-мифологические и другие прецедентные имена.

Таким образом, можно заключить, что современное дагестанское прагматонимическое пространство отличается разнообразием. Особое место в нем занимают коммерческие названия, которые образованы на базе онимов различных разрядов. В них отражена активная номинационная деятельность дагестанцев.

Литература

Лекова П. А. Речевой портрет современного дагестанского меню: ономастический аспект // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – 2019. – №1 (60). – 97–103.

Подольская Н. В. Проблемы ономастического словообразования

(к постановке вопроса) // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 40–54.

Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (Виды наименований). – М., 1977. – С. 129–221.

УДК – 80

**Названия одежды и украшений в книге
Р. Гамзатова «Мой Дагестан»**

**Household lexemes associated with the names of clothes and jewelry in
R.Gamzatov's book "My Dagestan"**

Р.А. Магдилова, доцент кафедры дагестанских языков Дагестанского государственного университета.

R.A. Magdilova, Associate Professor of the Department of Dagestan Languages of Dagestan State University.

П.М. Магомедова, магистрант 2-го года обучения филологического факультета.

P.M. Magomedova, master's student of the 2nd year of study at the Faculty of Philology.

Аннотация. Проблема описания материальной культуры по литературному источнику является одной из актуальных. Весьма интересным является изучение национальных элементов быта в создании образов в художественном произведении.

Статья посвящена описанию особенностей использования названий одежды в книге великого аварского поэта Р. Гамзатова «Мой Дагестан». В работе предпринята попытка выявить лексемы, связанные с одеждой и отметить их семантическую и функциональную специфику. В ней комплексно проведен этнологический и литературоведческий анализ текстов, содержащих бытовые лексемы.

Основным методом, использованным для анализа, является метод сплошной выборки, а также системно-функциональный анализ названий одежды.

Ключевые слова: аварский язык, Расул Гамзатов, бытовая лексика, художественная литература, названия одежды, архаичные названия.

Annotation. The problem of describing material culture according to a literary source is one of their urgent ones. It is very interesting to study the national elements of everyday life in the creation of images in a work of art. The article is devoted to the description of the features of the use of clothing names in the book of the great Avar poet R. Gamzatov "My Dagestan". The paper attempts to iden-

tify the lexemes associated with clothing and to note their semantic and functional specifics. Ethnological and literary analysis of texts containing household lexemes is carried out in it in a comprehensive manner. The main method used for the analysis is the continuous sampling method, as well as the system-functional analysis of clothing names.

Keywords: Avar language, Rasul Gamzatov, household vocabulary, fiction, clothing names, archaic names.

Говоря о задачах исследования любого языка, академик В.В. Виноградов, отмечал, что одним из направлений исследований в этой области должно стать изучение языка писателей, а также изучение языка и стиля отдельных литературных произведений. При этом он подчеркивал, что изучение «языка литературного произведения должно быть одновременно и социально-лингвистическим, и литературно-стилистическим» [Виноградов 1959: 165].

Настоящая статья посвящена изучению лексики, связанной с названиями одежды в книге Р. Гамзатова «Мой Дагестан».

Расул Гамзатов, как великий мастер слова, внес ощутимый вклад в развитие, обогащение и становление аварского литературного языка. Язык произведений Расула Гамзатова представляет для исследователей особый интерес, потому что в нем отражаются те реалии, которые были характерны для аварского народа и были «перспективными» для развития литературного аварского языка. Однако языковые особенности произведений дагестанских писателей до сих пор мало изучены, чем обусловлена актуальность нашего исследования.

Названия одежды в разных языках, безусловно, носят национально-культурный характер в силу самобытности материальной культуры того или иного народа. В семантическую зону толковых словарей по этой причине могут входить компоненты этнографического характера, представляющие интерес для этнической культуры и этнолингвистики.

Наше внимание к названиям женской и мужской одежды в книге Р. Гамзатова «Мой Дагестан» отчасти объясняется этим фактором.

В книге Р.Гамзатова использовано большое количество названия одежды с национально-культурными компонентами.

Одежда как одна из необходимых и повседневных предметов обихода человека отражает образ жизни, культуру, психологию, привычки, его представления об эстетическом идеале.

В книге «Мой Дагестан» Р. Гамзатов нам повествует об освободительной войне горцев под предводительством Имама Шамиля. Автор создал в книге ряд ярких образов героев кавказской войны, главным из которых является образ Имама Шамиля. Для создания образов лирических героев автор использует архаичные

названия предметов одежды, такие как: *чалма* «мусульманский головной убор в виде длинного узкого куска ткани, которой завязывалась голова», *гужгат* «верхняя одежда мужчин в виде плаща», *хъабарча* «тулуп из овчины» и др.:

В небольшом диалоге между Имамом Шамилем и его мюридом Хаджимуратом автор использует название головного убора мусульман *чалма*, показывает его значимость, подчеркивает, какую ответственность несет человек, который надел на голову данный предмет одежды. Его лирический герой говорит, что *чалма* не просто головной убор, это символ честности, правдивости, мужества:

Амма дур ботIрода чалма баялъе цоги батIиябги гIилла букIана. Гъебги клочене бегъулароан. «Но на твою голову что чалма завязали была еще другая причина. И это нельзя было забывать»;

Цоги чалма бухъараз хъамаллъи гъабураб мехаль, гъезда хъачагъалин абичIо дуца, имам. «Еще кто чалма завязав разбойничал, ты их не назвал разбойниками, имам».

Мужество, а также хорошие физические данные героя подчеркиваются через описание его одежды:

Дида цеве чIола: ЖегI гIолохъанго, АхIулгохIда, рагъ байбихъилалде, гIагараб къурда накабиги чIван, зобазде гужгаталъул къвалал гурарал, авар Гъоисуялъул гIурул лъиналъ чурарал квералги рорхун, как балеv. «Мне представляется: Еще молодым, пока не началась война на Ахульго, на кручине склонив колени, в небеса подняв рубашки рукава, подняв руки, омытые водой реки Аварского Койсу, молящимся»;

Физическую силу и бесстрашие имама описывает автор в другом эпизоде, где Шамиль сразился с непобедимым слепым разбойником из Чечни. Названия одежды использованы, чтобы показать, каким страшным был разбойник:

Хъачагъас гъезул бутIрул къотIун рукIана, – клукъмахаль гурдида рарал маргъалал гIадин. «Разбойник отрубал головы как ножницы пуговицы».

Довольно часто в книге используются архаичные названия одежды, которые позволяют читателю окунуться в историческое прошлое, показать образ жизни, быт аварского народа. Чтобы раскрыть философию таланта, автор вспоминает известных дореволюционных аварских поэтов. В описании поэтов активно использованы названия старинной одежды:

Гъеб бачIуна цин МахIмудил чухъагун, пандургун, гъесул бухIигун, цин гъесул хIеренлъигун, паиманаб релъигун, цин, Эльдарилав гIадин, хъатикъ чогъролги загърудалги лъльаргун, цин, Марин гIадин, жергъен борхун бидул цIураб клалгун. «Это приходит сначала с рубахой Махмуда, с пандуром (старинный музыкальный

инструмент), с его болью, потом с его добротой, с печальным смехом, потом как Эльдарилав. В руках вина и яда рог держа, то как Марин, подняв бубен, с полным крови ртом».

Цин халатал сапаразда, цин сардида дун вегараб буртинаги борхизабун, цин дир хлетле члараб глидраялдасан, дир махлабалъан, чорхолъан цурун, цин нух рагъизе, цин данде члвазе, цин дун кваналеб мехаль ялъуни театралда музыкалялъухъ глекеккун вугеб мехаль, рокъов-къватлив вуклаго, дир чорхолъе лъугъуна цо къанагла таб, бохараб, хликматаб, гъираяб асар.

«То длинными ночами, подняв бурку, то с травы, куда моя нога наступила, с моих колен, с тела скользя, то, чтобы открыть дорогу, то чтобы встретиться, когда я ем, или в театре, когда я слушаю музыку, дома, на улице бывая, в мое тело проникает редкое, удивительное, желанное ощущение».

Дицайин Гандиса Патлидаса чохтло бахъараб, Марям, чол мугъзада нахъаги лъун, сардида хъамурай, гъей члвазе борхараб ханжар глодобе бортизабураб, ццидалав бегасул берталъе унеб пайтон члзабураб, глапанин полюсалде, Гагарин космосалде нухда регларал.

«Я же с Пати из Анди снял чохто, положив на спину коня, ночью похитил ее, чтобы ее убить поднятый кинжал сбил с рук, к злему беку, который на свадьбу ехал, фаэтон остановил, в апании полюс Гагарина в космос провожал».

Яги, цо хъабарчаги бихъун, жиндирго чехъ чияда бихъулеб бугеб гладин, ккана гъасда. «Или порвав один тулуп, свой живот кто-то чужой видит, подумал он».

Используя названия одежды в книге «Мой Дагестан» автор показывает, какими ремеслами славятся дагестанские села: андийцы шьют бурки, купинцы изготавливают головные уборы, ругуджинцы вышивают платки и т.д.

Хъупаса устарзабаз тларгъал рукъулел руго. Цоял ботлрода лъолел руго, цоял тлилазда члвалел руго: «Чагли къвариглун руго». «Купинские мастера шапки шьют. Одни на голову ставят, одни на палку вешают. «Люди нужны»;

Амузгиязул махщелчаглаз хунжрул цоял рачлида рана, цоял маглида рана. Гъазул тлагъязда хъван буго: «Чагли къвариглун руго». «Амузгинские мастера на пояс кинжалы повесили, на их ножнах написано: «люди нужны».

В данном произведении большое место отводится горской морали, чести, мужеству, человечности. Часто в семантике названий одежды происходит метофорический сдвиг, например, лексема *шапка* олицетворяет совесть, честь, кинжал – храбрость, мужество.

В книге «Мой Дагестан» названия различных видов одежды использует автор, для описания внешности лирического героя произведения. Через описание внешнего вида, а именно одежды, со

свойственным изощренным Гамзатовским юмором, в произведении созданы ряд ярких образов бездарных поэтов. В данном произведении такие образы часто повторяются, но не обладают избыточностью.

Интересные приемы использует автор, чтобы дать портретную характеристику одному из своих лирических героев, который поехал в поисках славы в столицу:

Цо географиялгул карта къотлун гьабураб гладаб гурдеялгул габуралда галстук гуро, оцхлутлалгул кваркъаби гладал жсал реклинарун руго. «Как из географической карты вырезав сшитой рубашке, ни галстука на шее, прилепил к щекам как крылья жука бакенбарды».

Цодагьал, цлияб тлехьалхухь цварал мугьалги чвантинир лун, хьваглун квергун Москвалде вачлани, дие цо члезе бакл цвеладай? «Немного за новую книгу, которые получил зерна (деньги) положив в карман, размахивая руками, если в Москву приеду, мне остановиться место будет?».

Гьес, саламги кун, дир цояб рахьалде кличлараб галстук битлизабуна. «Он, поприветствовав, поправил галстук, который искривился в другую сторону».

Таким образом, использование автором бытовых лексем придает данному произведению уникальную индивидуальность, позволяет читателю увидеть, глубже понять духовную и материальную культуру аварского народа.

Литература

Абуков К.И. Раздумья на берегу реки. О прозе Р.Гамзатова // Р.Гамзатов «Мой Дагестан». Махачкала Дагестанское книж. изд-во. 1975.

Виноградов В.В. О языке художественной прозы. Изб. тр. – М.: Наука, 1980.

Ваджибов Д.М. Использование дагестанскими студентами эпитетов из книги Р.Гамзатова «Мой Дагестан». Вып. 1, 2011. С. 112-124.

УДК 811 521

Картина мира в пословицах и поговорках аварского языка The picture of the world in the proverbs and sayings of the Avar language

Р.А. Магдилова, доцент кафедры дагестанских языков Дагестанского государственного университета.

R.A. Magdilova, Associate Professor of the Department of Dagestan Languages of Dagestan State University.

П.С. Гасанова, магистрант филологического факультета 2-го

года обучения

P.S. Hasanova, Master's student of the Faculty of Philology of the 2nd year of study

Аннотация. В основе пословичной картины мира, как и любой другой, лежит универсальная модель универсума, которая включает в себя физическую природу, живую природу, психику и культуру. Своеобразие этой картины мира состоит в реалистической форме отображения данной модели с помощью паремиологических единиц.

Ключевые слова: аварские пословицы, картина мира, ценностная модель, фольклорные тексты, ментальность, памятники материальной культуры.

Annotation. The proverbial picture of the world, like any other, is based on a universal model of the universe, which includes physical nature, wildlife, psyche and culture. The peculiarity of this picture of the world consists in the realistic form of displaying this model with the help of paremiological units.

Keywords: Avar proverbs, worldview, value model, folklore texts, mentality, monuments of material culture.

Как мы знаем, пословицы и поговорки как значимая единица картины мира, отражающей паремиологическими единицами, позволяют более ярко исследовать концепты, раскрывающие национальные особенности, менталитет, культуру определенного народа. Очень ярко менталитет и характер аварского народа носителя языка отражается в пословицах и поговорках, посвященных концепту «труд»:

Катикъа х1инкъун, къват1ибе бахъич1еб г1унк1к1 карт1инибго хварабил «Кошки боясь, которая не вышла наружу мышь в норе еще умерла, говорят»;

Х1алт1ани маххги гвангъула. «Если работать и железо блестит»;

Х1алт1уда махсара лъалареб, махсараяль квен къолареб. «Работа шутики не знает, шутики еду не дают (= не кормят)»;

В паремиологических единицах аварского языка актуализируются различные сферы жизнедеятельности горцев. Чаще всего в них высмеивается ленность. В пословицах и поговорках, как в малых жанрах фольклора порицается пустая трата времени. Безделье, праздность довольно часто в таких единицах высмеивается в метафоричной форме:

Х1алт1ул раг1ал т1ерен ккурав, т1абк1ил раг1ал биццат ккурав. «Край работы тонкий, который держит, край подноса (= еды) толстый, который держит»;

Х1алт1уца х1алт1и малъулеб, боц1уца мац1 малъулеб. «Работа работе учит, скот языку учит»;

К1вах1алаб х1амица Х1оцомег1ер бегуларо. «Ленивый ишак

Хоцомеэр (= название горы) не переходит»;

КIвахIалъ лым гьекъолеб батани, хIалтIиялъ гьоцIо гьекъолеб.
«Если лень пьет воду, то работа мед пьет»;

КIарчанлъигун кIохIаллъиялъ кIуго лымер гьабунила, мискинлъиян, хIакъирлъиян цIарал гьездаги лъунила. «Беспечность и лень радили двух детей, бедностью и позором им имена тоже дали».

О.Б. Абакумова в работе «Пословичные концепты в паремическом дискурсе» отмечает, что паремиологические единицы по своей структуре являются предложениями, выражающими законченную мысль, имеющими собственное суждение. Также автор пишет об особенностях содержательной стороны пословиц и поговорок, отмечая, что паремии являясь знаками различных жизненных ситуаций или отношений между вещами, одновременно также моделируют разнообразные типовые ситуации. По мнению автора пословицы и поговорки как двухаспектные единицы обращенные, с одной стороны, к языку с другой стороны, – к фольклорным текстам» [Абакумова 2013: 6].

ЛыкIаб дару къогIаб букIунеб, лыкIай чIужу хIеренай йикIуней. «Хорошее лекарство горькое бывает, хорошая жена нежная бывает»;

Инсул гIамал гьечIев вас вукIунаро, бацIил гIамал гьечIев тIинчI букIунаро. «Отцовский характер не имеющий сын не бывает, волчий характер не имеющий волчонок не бывает»;

Гьабухъе букIунеб жо – гIадат, куцахъе букIунеб жо – черх.
«Как соблюдаешь бывающая вещь – традиция, как приучишь бывающая вещь – тело».

Как показывает анализ, в паремиологических единицах аварского языка актуализируется картина мира, являющаяся частью общей языковой картины мира. В таких единицах в обобщенном виде репрезентирована информация, имеющая культурную значимость, актуализируется также стереотипные представления аварского народа о мире, тесно связанные с его менталитетом. Таких пословицы и поговорки часто содержат культурно-национальные компоненты, такие как *хулжал* «хурджины», *тIех* «толокно», *хъабарча* «тулуп – шуба из шкуры», *ханжар* «кинжал», *чохто* «головной убор женщины» и др.:

Хулжил гIаг багъарасулгун гьудулъи гьабуге. «У кого хурджины рванные, стени дружбу не заводи»;

Хъабчида рекъараб рукъи камуларебила. «На тулуп похожая латка найдется»

Гьасда цIа гьечIони, тIохда кIкIуйги букIунареб. «Если в камине огня нет. То и над крышей не бывает дыма»

К1алзул ругъун лъик1лъулареб, хонжрол ругъун лъик1лъулеб.
«Рта (= языка) рана не залечивается, кинжала рана залечивается»;

Хъабчида ч1артил рукъи баге, ч1артида къохъол рукъи баге.
«На тулуп из ткани латку не делай, на ткань из шкуры латку не делай»;

Тлагъур лъуницинав чи вук1унаро, чохт1о къаницинай ч1ужу йик1унаро. «Каждый, кто носит шапку, мужчиной не бывает, каждая, кто носит чохто, женщиной не бывает»;

Тидул хинк1ал гъаруге, гъац1улъе ц1ам т1амуге. «Из толокна (= мука из проросшей пшеницы), в мед соль не ссыпай».

Тлохол гъоболасдасаги т1оге, гъанал г1агарлъиялдасаги т1оге.
«От толокна друга не отрывайся, от мясного родства (= от родни по крови) не отрывайся».

В пословичной картине мира важное место занимает оценка тех или иных морально-этических ценностей. Такая оценка является основным средством выражения ценностных установок разных этносов в материальной и духовной культуре. Ценностными установками в паремиологических единицах аварского народа являются: трудолюбие, взаимоуважение, дружба, гостеприимство, поддержка своего тухума, рода, тяга к знаниям, мужество, храбрость в мужчинах, трудолюбие, умение вести хозяйство в женщинах и др.:

Г1адамасе къимат х1алт1и бихъун къе, х1айваналъе къимат пайда бихъун къе. «Человеку оценку работу увидев давай, скоту оценку пользу увидев давай»;

Г1адамасул чорхое г1елму – г1ат1гояб гъот1оге регъел.
«Человеческому организму наука как сухому дереву влага»

Бихъинчи ватани, бихъинчи г1адин вук1а, ватич1они ч1инч1у ч1вай. «Если мужчина, будь, как мужчина, если нет, то носи женский головной убор»;

Бах1арчи хвани, ц1ар хут1ула, х1алихъат хвани, рогъо хут1ула.
«Если храбрец умрет, то имя остается, если подлый умрет, то позор остается».

Картина мира в пословицах и поговорках картина мира создается суммируя объективное и субъективное восприятие окружающего мира. В паремиях окружающий мир отражается в красивых образах. Являясь зависимой в своей семантике от привязанного к тому или иному историческому этапу уровня познания, паремиологическая картина мира любого народа исторически обусловлена.

Пословичная картина мира «проявляется в однотипном поведении народа в схожих друг с другом ситуациях, в одинаковых представлениях народа об окружающей действительности, в высказываниях и общих мнениях, в суждениях о реальности» [Аванесова, Купцова 2013: 53].

Как бы тесно не была связана паремиологическая картина мира разных народов, она обнаруживает ряд отличительных характеристик.

Анализ паремиологических единиц показывает, что в пословичной картине мира аварского народа, как и других этносов преобладающими являются два типа оценок: этическая и рационалистическая.

Виды оценок, прежде всего, связаны с существующей в каждой языковой культуре набором ценностей, а также предпочтениями, обусловленными практической целесообразностью [Абдулаева 2004: 98].

Паремиологический фонд современного аварского языка является источником и носителем национально-культурной информации. В поговорках аварского народа отражены исторические события, памятники материальной культуры, давно ушедшие в историю атрибуты народного быта.

1. Абакумова О.Б. Пословичные концепты в паремическом дискурсе: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 2013. – 45 с
2. Аванесова Г. А., Купцова И. А. Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по материалам XLVII Междунар. науч. практ. конф. №4 (47). 2015. -Новосибирск: СибАК. – 194 с.
3. Абдулаева Р. Н. Народная мудрость в творчестве Гамзата Цадасы // Материалы международной практической конференции «Фундаментальные и прикладные исследования в системе образования» Тамбов: ТГУ, 2004. – С. 94-98

УДК 811.35

**АДАПТАЦИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В
АВАРСКОМ ЯЗЫКЕ
ADAPTATION OF FOREIGN-LANGUAGE BORROWINGS
IN THE AVAR LANGUAGE**

Д.М. Магомедов, научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, кандидат филологических наук, доцент.

г. Махачкала, Российская Федерация. E-mail:
m.daniyal@yandex.ru

D.M. Magomedov, Researcher at the G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Makhachkala, Russian Federation. E-mail: m.daniyal@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию процесса адаптации заимствованных слов в аварском языке. Рассматриваются разные виды адаптации слова (фонетическая, лексическая, грамматическая, семантическая). Исследованы природа заимствования и причины этого процесса. Рассмотрены примеры заимствованных аварским языком слов.

Ключевые слова: аварский язык, заимствование, адаптация, языковое сознание, перевод, транскрипция, транслитерация.

Annotation. The article is devoted to the study of the process of adaptation of borrowed words in the Avar language. Different types of word adaptation (phonetic, lexical, grammatical, semantic) are considered. The nature of borrowing and the causes of this process are investigated. Examples of words borrowed by the Avar language are considered.

Keywords: Avar language, borrowing, adaptation, language consciousness, translation, transcription, transliteration.

Как известно, заимствование лексики в процессе языковых контактов является одним из путей обогащения словарного состава любого языка. Значительное влияние лексика аварского языка испытывала не только арабского, но и персидского, русского и тюркских языков. Процесс заимствования иноязычных слов был связан тесными экономическим, культурными, торговыми связями аварцев с другими народами [Магомедов, Саидова 2014: 75].

За последние два века в аварском языке наблюдается интенсификация процесса заимствований. Это объясняется тем, что за этот период произошли стремительные перемены в жизни общества, в результате чего появилось большое количество иноязычных слов, произошло их быстрое освоение и закрепление в аварском языке.

Сегодня мы наблюдаем интенсивный диалог культур и языков в условиях многонационального коммуникативного пространства. В результате таких контактов в составе языка появляются пласты заимствованной лексики, которые приспособляются к грамматическим и фонетическим законам языка-реципиента. В ходе развития языка заимствованные слова уже перестают восприниматься носителями языка как «чуждые» элементы.

Когда слова попадают в аварский язык из арабского, русского, персидского, тюркских языков, то они не отчуждаются, а приживаются, проходят некоторую адаптацию. Такой процесс

происходит на любом уровне языка.

Обычно причинами заимствования могут быть появление новых реалий, доселе неизвестных носителям языка-реципиента или замена исконного словосочетания одной лексемой (стремление к экономии языковых средств). Заимствованием называется слово, морфема, синтаксическая конструкция чужого языка с последующим их вхождением в язык-рецептор (реципиент).

Заимствованные слова функционируют разнообразно. Иноязычные слова, которые попали в аварский язык в ранние периоды, имеют широкую зону распространения. Такие слова, как правило, функционируют в различных семантико-словообразовательных вариантах.

Новые заимствованные слова пополняют прежде всего тематические группы, которые относятся к развивающимся сферам жизни, таким как техника, наука, финансы, политика, государственное устройство, массовая культура, медицина, спорт, экономика и др. Поэтому сегодня, когда интенсивно расширяются политико-экономические и культурные связи и межъязыковые контакты между народами, изучение заимствованных слов приобретает особую значимость и актуальность [Магомедов 2016: 198].

Заимствованный элемент, когда входит в принимающий язык, адаптируется графически, фонетически, синтаксически, а иногда претерпевает еще и семантическое переосмысление. Вопросу освоения заимствованных слов в современной лингвистике уделяется большое внимание.

Как известно, процесс заимствования является неизбежным и естественным процессом развития любого языка. Актуальными в настоящее время являются экстралингвистические и лингвистические причины заимствования. Кроме того, важное значение имеют отношение носителей к заимствованной лексике и классификация, а также адаптация иноязычных слов и признаки ассимиляции заимствованного слова на разных языковых уровнях.

Свой лексический состав любой язык пополняет заимствованными словами. Процесс заимствования происходит, как напрямую, так и опосредованно через третий язык.

Следует отметить такой факт, что многие заимствованные слова в процессе адаптации сохраняют звуковой облик языка-источника либо по причине тесной близости его звуков с аналогичными звуками заимствующего языка, либо по причине совпадения. В аварском языке в настоящее время основным направлением адаптационных процессов является ориентация на звучание заимствуемого слова в языке-источнике. Так, наблюдается тенденция к фонетически точному воспроизведению заимствованных слов: *бахча* «огород» < *кум. бахча*

«бахча, огород»; *бурав* «бурав» < кум. *бурав* 1) «бурав, сверло, бур»; 2) «винт»; *Габдал* // *Гладал* «дурак, глупец, безумец» < азерб. «абдал «невежа, глупец, дурак», ср. также кум. *абдал* «бестолковый, несообразительный; тупоумный»; *талавур* «грабеж» < кум. *талавур* «разбой; грабеж» и т.д. [Магомедов 2009: 52].

В аварском языке большинство словообразовательных производных тюркского происхождения образуется аффиксным (префиксальным, суффиксально-префиксальным и суффиксальным) способом. Благодаря такому процессу в аварском языке сформировались большие группы лексем, которые образованы по однотипным словообразовательным цепочкам (словообразовательные модели). Встречаются также заимствованные слова, образованные сложением основ (исконной, иноязычной и двух иноязычных), грамматическим переоформлением слов, усечением производящей основы, контаминацией.

В заимствованных из русского языка словах одной из орфоэпических особенностей произнесения согласных является возможность твердого и мягкого произношения перед гласным переднего ряда [э]. Как известно, для русского языка в целом характерна оппозиция твёрдых и мягких согласных. В соответствии с законом русской орфографии перед гласным [э] произносится мягкий согласный. В аварском языке нет противопоставления твёрдых и мягких согласных. Когда заимствуется русское слово, то оно, как правило, подчиняется произносительным нормам аварского языка. Это правило распространяется на заимствованные слова, которые прочно вошли в аварский язык, например: *тетрадь* – *тетрад* (аварск.), *учитель* – *учител* (аварск.), *фельдшер* – *фелдшер* (аварск.), *культура* – *култура* (аварск.) и т.д. Для таких заимствованных слов характерно сохранение твердого произношения, как и в аварском языке. Однако в речи молодежи наблюдается вариативное произношение заимствованных слов с сохранением мягкости и твердости произношения, что свидетельствует об активности освоения этих слов и о частоте их употребления в речи носителями языка, об изменении орфоэпической нормы в новых языковых условиях.

При заимствовании слов происходит адаптация слов к фонетической системе заимствующего языка, так как отсутствующие в языке звуки заменяются на исконные. В процессе заимствования слов происходит процесс адаптация слов к фонологической системе заимствующего языка, т.е. отсутствующие в них звуки заменяются на наиболее близкие. Например, арабские слова *нафс* «личность», *фикр* «мысль», *фатихла* (сура) произносятся через звук [п], так как в аварском языке отсутствует звук [ф]: *напс*, *пикру*, *патихла*. Такие

слова быстро адаптируются к орфоэпическим нормам аварского языка. Заимствованные из арабского языка слова подвержены меньшим изменениям в области орфоэпии, так как звуковой состав арабского языка больше соответствует фонетико-графическим особенностям аварского языка.

В заимствованных из кумыкского языка словах звук [ы] в аварском языке заменяется на [и], например: *айгыр* «жеребец» < кум. *айгыр* «жеребец», *лачен* «сокол» < кум. *лачын* «сокол» и т.д. Здесь происходит процесс замены отсутствующего в аварском языке звука [ы] на звук [и].

В аварском языке представлено значительное количество тюркизмов, что обусловлено экстралингвистическими причинами. Аварцы и кумыки на протяжении многих столетий жили бок о бок, причем в разных природно-климатических условиях, занимались одними и теми же видами трудовой деятельности: (животноводством, земледелием и т.п.). Это в значительной степени способствовало определенной «унификации» не только в труде и жизни, но и в языке, в частности, его лексике [Магомедов 2011: 105].

Взаимодействие аварского и тюркских народов привело к появлению в аварском языке новых слов, которые привлекают необычностью стилистической окраски и произношения. Заимствования-тюркизмы являются новыми названиями уже известных предметов, которые имеют в этих словах оттенки произношения (и значения), или обозначают новые реалии (одежду, фрукты, ткани и т.д.).

Процесс подчинения иноязычных слов произносительным нормам аварского языка наблюдается также в словах, где встречается стечение согласных в начале слова. При вхождении в систему принимающего языка заимствованные слова либо передают нетипичные для них свойства либо встраиваются в эту систему, становясь «своими». Так, дагестанским языкам не свойственно стечение согласных в начале слова. В заимствованных словах, например, из русского языка добавляется огласовка, например: *школа* – *ишкола* (аварск.); *стакан* – *истакан* (аварск.); *стол* – *истол* (аварск.); *праздник* – *параздник* (аварск.) и т.д. [Магомедов 2019: 115].

Для современного состояния аварского языка процесс заимствования иноязычной лексики принял массовые масштабы. Глобализация привела к интернационализации современных языков, и аварский язык не стал исключением. Основными причинами появления заимствованных слов в последние десятилетия можно назвать появление новых понятий, новых реалий, новых предметов, появившихся в общественной жизни (*наблицити*, *маркетинг*, *мэр*, *парламент*, *брэнд* и др.). Иногда иноязычное слово является более

удобным обозначением того, что раньше выражалось при помощи словосочетания, например: *имидж* – образ «себя», который создает тележурналист, политический деятель, фотомодель и др.; *рейтинг* – положение политического деятеля, фирмы, передачи в списке себе подобных. В меняющемся социуме заимствованные слова также возникают в результате необходимости подчеркнуть частичное изменение социальной роли предмета, например: *сбербанк* – прежде сберкасса, *офис* – контора, служебное помещение.

Появление новых заимствованных слов связано также с влиянием иностранной культуры, техники, науки.

При семантической адаптации заимствованные слова входят в лексикон аварского языка. Не являются аварскими многие слова из разных сфер нашей жизни словами, например: *панталоны, дивиденд, пиджак, пальто, акция* и т.д., хотя они входят в лексическую базу аварского языка и освоены им.

Пришедшее из другого языка слово становится заимствованием и прочно входит в его словарный состав. Так, в аварский язык через русский язык вошли такие слова, как *картошка, чай, кружка, зонтик, хор, стакан, спорт, школа, машина, базар, вокзал, галстук, танк, магазин, компот, трактор, музыка, гол, изба, помидор* и т.д. Многие из этих слов оказались настолько освоены аварским языком, что трудно определить их иноязычное происхождение.

Лексическое заимствование можно считать как первым этапом иноязычного влияния. При заимствовании лексических единиц из одного языка в другой их материальная форма претерпевает различные изменения в среде заимствующего языка как на первоначальном этапе, так и на протяжении их дальнейшего функционирования. Заимствованное слово приобретает в новом языке морфологические и синтаксические связи, характерные для заимствующего языка и свое занимает место в определенной парадигме нового языка.

Проанализировав процесс заимствования в семантическом, словообразовательном, фонетико-графическом и морфологическом аспектах, мы приходим к убеждению о необходимости системно-комплексного подхода в изучении заимствованных слов и их дальнейшей адаптации в аварском языке. Адаптация заимствованных слов может происходить только на одном уровне языка или же одновременно на всех возможных уровнях. Здесь просматривается заметная, «видимая» часть освоения заимствованных слов. Однако в аварском языке встречаются и такие заимствования, которые мало отличаются от соответствующих аналогов в языке-источнике. Такие заимствования вошли в лексическую систему аварского языка почти без изменений. Они наиболее полно и всесторонне соответствуют (по

структуре, звучанию и т.п.) нормам заимствующего языка. Например: *ахир* «конец, окончание», *ахират* «загробный мир, загробная жизнь», *ахIмакъ* «глупец, дурак, безумец», *баракат* (*баркат*) «благодать; изобилие, обилие, достаток», *бугътан* «клевета, наговор», *будун* «муэдзин», *булбул* «соловей», *вабаъ* «холера», *вагIза* «проповедь», *вазина* «обязанность, пост, жалованье, содержание», *вакил* «уполномоченный, доверенный; представитель, делегат, агент», *вали* «святой, чудаковатый (человек), чудаки, чудачка», *варис* «наследник», *ватIан* «родина, отечество», *вилаят* «область», *гъайбат* «прелестно, изящно, красиво; грациозно», *гъужум* «наступление, нападение, атака», *гIадан* «человек», *гIаммаб* «общий; общественный», *гIасру* «век, эпоха», *гIашикъ* «поклонник, любитель», *илчи* «посланец, вестник», *кирит* «замок», *юргъан* «одеяло», *яваш* «тихо, медленно» и т.д. [Магомедов 1998: 47].

Освоение заимствованных слов зависит от времени и той системы, в которую иноязычное слово (общеупотребительное или узкоспециальное) перешло.

Таким образом, заимствованные слова оказывают значительное влияние на лексическую систему аварского языка. Такое влияние нельзя рассматривать как угрозу национальному самосознанию и сохранению аварского языка. Механизмы сохранения языковой самоидентичности аварцев успешно противостоят негативным воздействиям иноязычным заимствованиям и преимущественно извлекают из заимствованной лексики все функционально актуальное и ценное.

Литература

Магомедов Д.М. Иноязычные заимствования в условиях русско-аварских языковых контактов // Страны. Языки. Культура: сборник материалов X-й международной научно-практической конференции, 13–14 декабря 2018 г. Махачкала: ДГТУ, 2019. – С. 112–117.

Магомедов Д.М. Персидские заимствования в аварском языке // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. – Вып. 15. – Владикавказ, 2016. – С. 195–201.

Магомедов Д.М. Языковой контакт как условие возникновения заимствования // Языковые контакты и мотивация изучения языков в условиях билингвизма. – Махачкала, 2011. – С.102–106.

Магомедов М.И. Арабские заимствования в дагестанских языках // Тезисы докладов аспирантов, соискателей и молодых ученых IX Международного colloquium ЕОК. – Махачкала, 1998. – С. 47–48.

Магомедов М.И. Фонд заимствованных слов в дагестанских языках // Материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Ю.Д. Дешериева (25–26 ноября 2008 г.). – Грозный, 2009. – С. 50–53.

Магомедов М.И., Саидова П.А. Лексика аварского литературного языка // Очерки по лексике литературных языков Дагестана. – Махачкала, 2014. С. 18–83.

Мейланова Ж.Ш., ДНИИП, г. Махачкала

МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ НА УРОКАХ ЛЕЗГИНСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация: Настоящая статья посвящена методике изучения лексики на уроках лезгинского языка. Используемый в ней материал представляет собой ценный источник для проведения уроков лезгинского языка в старшей школе по данной теме.

Ключевые слова: лезгинский язык, лексика, методика изучения, примеры, синонимы, антонимы, омонимы.

THE METHODOLOGY OF LEARNING VOCABULARY IN THE LESSONS OF THE LEZGIAN LANGUAGE

Abstract: This article is devoted to the methodology of studying vocabulary in the lessons of the Lezgian language. The material used in it is a valuable source for conducting Kumyk language lessons in high school on this topic.

Keywords: Lezgian language, vocabulary, methods of study, examples, synonyms, antonyms, homonyms.

ЛЕЗГИ ЧІАЛАН ТАРСАРА ЛЕКСИКА ЧИРУНИН МЕТОДИКА

Лексика чируни аялар чІалан асул девлетдихъ – гафарин составдихъ галаз танишарда, лексикадин важиблу уьлчмейрикай – синонимрикай, антонимрикай, омонимрикай – абуру чирвилер арадиз гьйда. «Лексика» разделдин гзаф важиблу месэлайрикай сад аялриз чІала са къадар гафариз сад ваъ, гзаф манаяр авайди чирун я.

Жуван дидедин чІалалди гуьзелдиз, къешенгдиз рахаз чир хьун патал жуван чІала авай гафарин дуьз ва куьчуьрмишнавай манаяр чара ийиз, гафарин манаяр дуьздаказ тайинариз ва ишлемишиз чир хьун лап чарасуз герек я.

Малум тирвал, чІалан илимдин вири хилерай (фонетикадай, морфологикадай, синтаксисдай ва мсб.) чирвилер гун гьакІ къакъатна, къилди жезвай кІвалах туш, им гьамиша гафарихъ, рахунрихъ галаз сих алакьада аваз кбиле физва. И кІвалахдин асул везифани – аялрин рахунар девлетлу авун, хьсанарун я.

Инсандин чирвилер, элкьуьрна къунвай гьакьикъатдикай, адахъ авай малуматар ва аннамишунар гьикьван гзаф хьайитІа, адан руьгь-

дин дережа гьикъван винизди хъайитІа, гъакъван адан запасни артух ва девлетлуди жеда.

Лезги чІалан тежриба авай муаллимри къейд ийизвайвал, кІелзавай аялри чпин рахунра ва кхьинра ийизвай гзаф пай гъалатІар абуруз литературный чІалан къайдаяр хъсандиз чир тавунихъ, гъарда вич рахадай нугъатрин гафар ва формаяр ишлемишунихъ, аялриз словаррикай менфят къачуз чир тавунихъ галаз алакьалу я. Месела, гзаф вахтара аялри кхьинра ва рахунра цІах (литер. чІ. кьар), *насу* (литер. чІал *ни-си*), хъвехъ (литер. чІал свас), курамул (литер. чІал гъуэлягъ), *капру-фар* (литер. чІ. *картуфар*) ва кутІа (литер. чІ. кІута), маса гъалатІар ийизва.

Муаллимди неинки «Лексика» раздел чирдайла, ва гъакІни дидед чІалан гъар са тарсуна аялрин рахунра ва кхьинрик хъунухъ мумкин тир гъалатІрин делилар чириз, абурун (гъалатІрин) вилик пад къаз хъайитІа, кІелзавайбурун чирвилерин дережа хкажиз, яни дуьздаказ кІелунин ва кхьинин дилавардиз рахунин вердишвилер къазанмишиз жеда.

Лексика – грек чІалай къачунвай гаф я. Ам (лексика) чи чІалаз таржума авурла, гаф лагъай чІал я. Лексика чІала авай гафарин состав ва гафарин къетІенвилер чирдай илимдиз лугъуда.

Чна фонетикада чирдайла къейд авурвал, чІала ишлемишзавай вири гафар сесерикай ибарат я. Къилди-къилди сесерихъ чпихъ мана-метлеб авачирвиляй абурун куьмекдалди рахаз жедач. Рахун паталди сесерикай чІалан маса уьлчмеяр – гафар яратмишун лазим я. Гаф сесерин кІватІалдихъ тайин тир мана-метлеб гилигайла арадиз къведа.

Месела, *гъил* гафунихъ вичин мана акал хъанва, ам аннамишиз жезва;

гъик лагъайла, чавай са затІни аннамишиз жезвач, вучиз лагъайтІа ам вичихъ са тайин мана-метлеб акал тахъанвай сесерин кІватІал я, гаф туш.

Гаф чІалан асул ва виридалайни кар алай уьлчме я.

Са чІала авай вири гафари адан гафарин состав яратмишда. Лезги чІала авай вири гафар лезги чІалан гафарин состав ва я лезги лексика я. Урус чІала авай вири гафар урус чІалан гафарин состав, урус чІалан лексика я ва икІ мад.

Са чІалалди фасагъатдаказ рахаз, кхъиз алакьун патал а чІалан лексика чир хъун герек я. Эгер ктабар, газетар, журналар кІелиз, радиодиз ва телепередачайриз яб гуз хъайитІа, гъар са касдивай вичин лексика, яни вичиз чизвай гафарин къадар мадни артухариз жеда.

Муаллимди аялриз гафарин мана-метлебар тайинарда. ЧІала авай къван гафар вири рикІел хуьн, абурун виридан манаяр тамамвилелди чир хъун акьалтІай четин кар я. Лексикадин и тереф фикирда къуна гъар са литературный чІалаз словарар туькІуьрнава: гафарин ба-

янар гудай словарь, яни толковий, гафар маса чІалаз таржума ийидай словарь, яни переводдин словарь ва мсб.

Лезги чІалалди баянар гудай словарь авач. Муаллимди сад-къве гафунин баянар вичи доскадал кхъена къалурда, аялри абур гуьзетда ва тетрадра кхъида. **Месела:** *къубд* лугъудай гафунни йисан тайин тир вахт, *шехьун* лугъудай гафунни тайин тир са гьерекат, кар къалурзава.

Гьар са гафунни са предмет (лишан, къадар, гьерекат) къалурда, гьар са гаф са аннамишуниз талукъ я.

«Гафунин мана-метлеб» аялриз тема дериндай мягькемарун патал тапшуругьар тамамарда:

а) ганвай тапшуругьарай гафариз баянар гун;

б) кроссвордар туькІуьрун;

в) гафар урус чІалаз таржума авун ва мсб.

Ихьтин тапшуругьари аялрин чирвилер деринарда.

Са манадин ва гзаф манайрин гафари рахунра дуьз ишлемишдай чирвилер ва вердишвилер арадиз гьида. Идан гьакьиндай муаллимди доскадал *галатун, вад, цІуд* гафар кхъида ва гафарин гьавурда абур гьикІ акъазватІа хабар къада.

Гафарин манаяр ачухардайла, сифтегьан гафунин са мана лугъуда, муькуь гафарин манаяр ачухардайла, жавабар гьар жуьре жеда.

Месела: *Галатун* – 1) гуьгьуьна амукьун

2) тум (чайдандин) галатун

3) юргьун хьун, галат хьун.

Вад – 1) са тайин тир къадар

2) жавабдиз ва я кхьинрин кІвалахдиз къимет «5».

ЦІуд – 1) са тайин тир къадар сесерал гьалтайла, сад хьтинбур я. Мана-метлебдин жигьетдай и гафариз мукьвавал авач, ибур чара-чара манаяр авай гафар я.

Нетижада аялар ихьтин фикирдал къведа: сесерал гьалтайла сад хьтин, мана-метлебдин жигьетдай чара тир гафариз омонимар лугъуда.

Месела *чиг* – дигмиш тахьанвай ва *чиг* – йифиз векьерал ацукьдай, *къелем* – кхъидай ва *къелем* – бегьер гудай емишдин къелем ва мсб.

Омонимрин умуми метлеб аялри къанмишайдалай къулухь муаллимди аялрин фикир ихьтин месэладал желб ийида: омонимар жуьреба-жуьре гафар хьунухь мумкин я. Амма виридалайни гзаф омонимар сущестительнийрин жергеда жеда. **Месела:** *лекь, тІур, къеле, чІал, къаз, кал, хел, рак, лам ва мсб.*

Ганвай гафарин манаяр тайинарна, абур кваз предложенияр туькІуьруна доскадал ва тетрадра кхъейтІа, хьсан жеда.

Омонимар бязи вахтара лугъузвай фикирар гуьрчег ва асанта туькІуьрун патал ишлемишда. «Са манадин ва гзаф манайрин гафар» темадай кІелзавайбурун чирвилер мягькемарун ва деринарун патал

ихътин тапшуругъар тамамарда: текстинай са манадин ва гзаф манайрин гафар гуъзетун; ганвай баянрай гафар чеб тайинариз, кхъиз; са манадин ва гзаф манайрин гафар квай предложенияр туькӀуьрун ва абурун кӀаникай цӀарар чӀугун ва мсб.

Омонимрин умуми метлеб ва тариф чирунин кӀвалах тешкилдайла, доскадал кхъенвай предложенийрилай башламишда:

- 1) Дидеди лампадин *багъ* хкажна.
- 2) Захъ хуьре чӀехи *багъ* ава.
- 3) Аялдин *къвал* тӀазвай.
- 4) Хуьре *къвалар* къванвай.

Предложенияр кӀелдайла, абура (гъар къве предложенида) тикрар жезвай гафарал аялри фикир желбда. Аялриз ихътин суалар теклифда:

- 1) Чара авунвай гафарин арада гъихътин мукъвавал ава?
- 2) Мана-метлебдин жигъетдай и гафариз мукъвавал авани?

Нетижада аялар ихътин фикирдал къведа: мана-метлебдин жигъетдай вири гафар сад туш. Бязи гафариз лексикадиз талукъ тек са мана ваъ, гъахътин са шумуд мана жеда. Къвед ва я са шумуд мана авай гафариз гзаф манаяр авайбур лугъуда. Лезги чӀала чӀехи пай гафарихъ са шумуд мана ава. И кардикай чи чӀал патал еке метлеб ава. Гафарин умуми къадар, маса чӀаларив гекъигайла, тӀимил ятӀани, гзаф манаяр авай гафар себеб яз чи чӀалан а кимивал саки къатӀунзавач, лезги чӀала авай гафарин куьмекдалди чавай маса чӀаларин чпиз лезги чӀала талукъбур авачир гафарин манаярни асантвилелди лугъуз жезва.

Аялри чӀал гегъеншарун патал муаллимдин куьмекдалди доскадал ва тетрадра кхъена, гзаф манайрин са шумуд гафуниз баянар гуда.

Месела: *къил* – 1) инсандин къил

- 2) кӀвалин къил
- 3) къил хуьн, къил къун
- 4) къил акъудун.

яр – 1) *Яр* гамунин мешреб я.

- 2) Цегъерин *ярар* къвез-къвез терг жезва.
- 3) *ярар* – дустар

Галатун – 1) гуьгъуьна амукъун

- 2) юргъун хьун
- 3) хана аватун.

1. *Хам* хвейи балкӀандин *хам* къелечӀ жеда.

2. *ТӀур* квай кӀарасдикай *тӀур* жедач.

Омонимрикай умуми чирвилер мягъкемарун ва чӀал гегъеншарунин мураддалди ихътин тапшуругъар тамамарда: ганвай гафариз омонимар жагъурун ва абуруз манаяр ачухардай баянар гун; са шумуд омоним къалурзавай гафарин манаяр ачухарун; омонимрин манаяр жуван гафаралди ачухарун ва мсб.

Синонимрикай чирвал гун патал, синонимар тир гафарин арада авай мукъвавал ва тафават ачухарун патал абур ишлемишнавай предложенияр чеб-чпив гекъигунин къайда менфятлу я. Келзавайбуруз предложенияр келда, синонимрин мана-метлебар ачухарда.

1. Нянин вахт я, гъар пад *чайгъун*, *къайни кулак* къугъвазва.
2. Сегънедин къулал акъвазна *къурай*, *яхун* докладчи. (А. Ф.)
3. *Сабурдивди*, *яваш-яваш фагъум*, *фикир* кIанда, юлдаш. (С. С.)

Предложенияр келна, аялрив абурай мана-метлебдал гьалтайла лап мукъва, саки сад хътин гафар жагъуриз тада, абурал аялрин фикир желб ийида.

Предложенийра гьалтзавай *чайгъун*, *къай*, *кулак*, *къурай*, *яхун*, *сабурдивди*, *яваш-яваш фагъум*, *фикир* гафарин манаяр ачухарда (и гафарин манаяр сад хътинбур я), аялриз и гафарин арада гьихътин чаравал аватIа лугъун теклифда: лугъун къене ибур чара-чара гафар я. Гъа икI аялар синонимар кез лугъудатIа тарифдал къведа: Чеб сесерал гьалтайла чара, амма мана-метлебар мукъва тир гафариз *синонимар* лугъуда.

Синонимрикай умуми малуматар гайидалай къулухъ, муаллим аялрин чирвилер гегъеншарунив, синонимар ишлемишдай къайдайрив эгечIада.

Са шейникай кхьидайла ам гъамиша са гафунин куьмекдалди ваъ, гъар жуьре гафаралди, яни синонимрикай менфят къачуна лишанламишда.

Синонимри рахунар гужлу, девлетлу ийида ва гуьзеларда. Синонимар, гьелбетда, акатайвал анжах са гаф тикрар тавун мурад яз ваъ, гъар са фразида виридалайни кутугай синоним гьим ятIа, гъам ишлемишда. Синонимар дуьздаказ ишлемишун жуван хайи дидед чIал хъсандиз чир хъунин чарасуз шартIарикай сад я.

Лезги чIалан чIехи устадар тир Е. Эминан, С. Сулейманан, А. Фатахован ва маса шаиррин эсерра синонимар чпелай чешне къачуз жедайвал ишлемишнава.

Лезги чIалан синонимрин словарь ишлемишдайла аялар ихътин фикирдал къведа: синонимар яз тек къве гаф ваъ, гзаф вахтара са шумуд гафни ишлемишун мумкин я. Месела: *гзаф*, *санбар*, *пара*, *хейлин ацIана*; *кIеретI*, *десте*, *жерге* ва мсб. Гъа са вахтунда аялри словардай къачур синонимрин гафар сад-садавай квелди чара жезватIа, манадин тафаватвилер ва маса баянар ачухарда. Синонимар жуьреба-жуьре чIалан паярикай жеда; абур предложенийра гъам къилин, гъамни къвед лагъай дережадин членар яз ишлемишда.

Аялрин чIал синонимралди девлетлу авун патал ихътин тапшуругъар тамамарда: текстинай синонимар жагъурун ва абур гьикI ишлемишнаватIа, гуьзетун; ганвай гафариз синонимар жагъурун; синонимар ишлемишиз, са гъвечIи гьикая туькIуьрна, кхъиз; цIийи ва

спелар ибарада гъа гафунин *спелрин* ранг къалурзава – им *цурун* гафунин куьчуърмишнавай ва я алава мана я.

Ибараяр разбор авуна, аялри эвелимжи столбикда ганвай ибарайра *къизилдин*, *ширин* гафар дуъм-дуъз манайра ва *къизилдин гъилер*, *ширин диде* ибарайра гъа и гафар куьчуърмишнавай манайра ишлемишнавайди тайинарда. Ибараяр чеб-чпив гекъигунин бинедалди (месела, къизилдин сят – сятинин хъалпагъ, цам къизилдикай туькIуърда, къизилдин гъилер – къизилдинбур жедач. Амма кар алакьдай гъилериз багъа къимет гуда, яни къизилдинбур лугъуда) аялри къатIуда: куьчуърмишнавай манада ишлемишнавай гафари предметрин ва я абурун лишанрин, гъерекатрин ва мсб. мукъвавал къалурда. Аялри доскадал дуъм-дуъз ва куьчуърмишнавай манайра гафарин алава мисалар кхьида. Месела:

Къайи яд – къайи хабар

ПичIи кIерец – пичIи гафар

ЯцIу кIарас – яцIу гафар

Туькъуъл дарман – туькъуъл инсан

Лезги чIалан словардикай менфят къачуна, аялар ихътин месэладин гъавурда твада: гафунин мана-метлеб чирдайла, ам тамамвилелди тайинарда, яни а гафунин дуъм-дуъз манадихъ галаз санал адан куьчуърмишнавай манаярни фикирда къуна кIанда.

Гафунин дуъм-дуъз ва куьчуърмишнавай манайрикай чирвилер гегъеншарун ва деринарун патал ихътин тапшуругъар тамамарда: ганвай текстерай куьчуърмишнавай манада ишлемишнавай гафар жагъурун; ганвай гафар сифте дуъм-дуъз, ахпа куьчуърмишнавай манайра аваз ишлемишна, предложенияр туькIуърун; предложенияр членриз разбор авун; цIийи ва четин гафаринни ибарайрин винел кIвалахун; текст урус чIалай лезги чIалаз таржума авун ва гекъигун ва мсб.

Ишлемишай литература:

1. Гъайдаров Р.И. Морфология лезгинского языка – Махачкъала, 1987.
2. Гъайдаров Р.И. Лексика лезгинского языка – Махачкъала, 1966.
3. Гъайдаров Р.И. Лезги чIалан омонимрин словарь – Махачкъала, 1981.
4. Гуьлмегъамедов А.Г. Лезги чIалан синонимрин куьруь словарь – Махачкъала, 1982.
5. Абдулмуталибов Н.Ш., Ферзалиев К.Н. Лезги чIал 5 – класс – Москва «Просвещение» Санкт-Петербург, 2021.

МИРЗОЕВ Ш.А.,
профессор ДГПУ, зав сектором
педагогике ДНИИП им.А.А.Тахо-Годи

ПАТРИАРХ ДАГЕСТАНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Человек лучше запоминает и почитает тех, кто благо-склонно и бескорыстно относится к своему становлению. Это извечная аксиома человечности и человеческой нравственности. А как же должен относиться народ к человеку, который всю свою жизнь и деятельность посвятил совершенствованию и процветанию его языка?! Безусловно, такой человек заслуживает всяких почестей. Возьмем, к примеру, незабвенных П.К. Услара, В.И.Даля, С.И.Ожегова, А.С.Чикабава, А. Шамхалова, М.-С. Саидова, Г. Шахназарова, Ш. И. Микаилова, С. Омарова, Г.-Г. Гитинаева, Г.Б. Муркелинского, А.К. Алкадарского, Г.Гаджибекова, М. Гаджиева, Т. Шалбузова, М. Темирханова, А. Батырмурзаева, З. Бамматова, У.Мейланову, А. Гюльмагомедова и др.

Многолетними кропотливыми усилиями этих ученых, как справедливо отмечает известный дагестанский ученый-языковед Иса Халидович Абдуллаев, «на дагестанских литературных языках была создана для начальных и средних школ необходимая учебная и справочная литература, первые своды орфографических правил. Именно этим первым дагестановедам-просвещенцам принадлежит большая заслуга в обеспечении и обслуживании потребностей функционирования литературных языков, в первую очередь в школьном образовании, книгопечатании и информационной службе на языках Дагестана. и т.д.»

Таковыми самородками располагает каждый народ и каждый из них заслуживает быть объектом незабвенного внимания народов Дагестана. В настоящей статье хотелось бы высказать несколько слов о моем учителе, истинном педагоге-гуманисте, патриархе дагестанского языкознания, докторе филологических наук, профессоре Гайдарове Раджидине Идаятовиче.

Профессор Гайдаров Р.И. — Ветеран Великой Отечественной войны и труда, признанный ученый-языковед, особое почтение заслуживает потому, что он, и более всего он, раскрыл нашему народу истоки и системность лезгинской диалектологии, фонетики, орфографии, грамматики и синтаксиса. Его перу принадлежат значительные для дагестанского языкознания публикации, среди которых солидные фундаментальные монографии: «Диалектология лезгинского языка», «Лексика лезгинского языка», «Фонетика лезгинского языка», «Морфология лезгинского языка», «Основы словоизменения и словообразования лезгинского языка», более 20 учебников для учащихся школ, студентов педагогических колледжей и вузов, учебно-методических пособий для учителей лезгинского языка, и более 200 статей по проблемным вопросам дагестанского языкознания и в частности лезгинского языка. Среди ученых-лезгиноведов, учителей лезгинского языка, студентов, аспирантов и соискателей весьма популярны работы Р.И.Гайдарова по теории и методике, лексикологии и диалектологии, а также словари лезгинского языка.

И не только это важно знать. Должно быть известно научной и широкой общественности, что перу Раджидина Идаятовича принадлежат великолепные труды по литературоведению и литературной критике, публицистике и даже полюбившие народу произведения художественной литературы. Профессор успешно работал и в области исследований творческого наследия классиков лезгинской поэзии Сулеймана Стальского, Етима Эмина, Кесиб Абдуллаха, Гаджи Ахтынского, Курбана из Хпеджа, Рамазана из Ашар и других. Его монографии о творчестве Сулеймана Стальского и Етима Эмина: «Поэтика и мастерство Сулеймана Стальского», «Введение в эминоведение» являются весомой лептой исследователя в лезгинское, а также дагестанское литературоведение.

Кстати, нужно заметить, может именно доскональное и скрупулезное изучение творчества поэтов помогло Раджидину Идаятовичу быть истинным знатоком и исполнителем старинных лезгинских мелодий, наигрышей и песен, что, на мой взгляд, безмерно ценно и значимо для человека — гражданина — патриота своего родного народа, республики и страны, а для ученого-педагога — еще более. Вот почему не было равнодушных, когда на чунгуре страстно играл и по мастерски пел профессор Раджидин Идаятович.

Словом, какую бы работу не преподносил он читателю, на первый план всегда выносились вопросы нравственности человека-личности, достоинства и чести труженика, воина, героя, педагога или же ученого.

Помнится мне в годы учебы студентом, да и в последующие встречи с Радждином Идаятовичем, он никогда не терпел выскочек, самохвалов, зазнаек, стремившихся тут и там выпячить себя. Как-то его ассистент на экзамене «за-кидал» студента дополнительными во-

просами, как бы пока-зывая свое превосходство над ним. Раджидин Идаятович тут же остановил его словами: «Не задавай вопросы, на которые ответы сам не знаешь». Признаюсь, этим студентом был я.

Раджидин Идаятович никогда не терпел фальши и не-справедливости. Так он поступал и по отношению к студентам, и по отношению к своим подчиненным коллегам — преподавателям, и по отношению к близким, товарищам и друзьям. Работая более 40 лет профессором и заведующим кафедрой языкознания Дагестанского государственного университета, он прежде всего предъявлял высокая требовательность к себе, а затем и к другим. Ему была присуща завидная работоспособность, честность и справедливость, что дела-ли его безмерно уважаемым ученым среди студентов, соис-кателей и аспирантом.

Трудно сегодня сравнить работу кого-либо из лезгинских ученых- языковедов с его вкладом в науку о языке. Особо следует отметить его активное участие в работе ин-титутот Педагогикки имени Тох-Годи и повышения квали-фикации педагогических кадров (нынче-ДИРО) Министерства образования и науки РД, творчес-кие связи с Дагестанским научным центром, с редакциями средств массовой информации республики.

Начиная с 1955 года Раджидин Идаятович являлся председателем секции учебной литературы по лезгинскому языку и литературы, членом экспертной комис-сии по учебной литературе при министерстве образования.

Многие годы он являлся членом Совета по филологическим наукам при Министерстве высшего образования СССР (г. Москва), членом Координационного Совета по языкам на-родов СССР (г. Саратов), Экспертного Совета по языкознанию (г. Ростов-на-Дону), был ответственным редактором ученых записок «Вопросы дагестанского и русского языкознания», членом редколлегии издания АН Грузии «Ежегод-ник иберийско-кавказского языкознания» и многократно выступал на его страницах по ключевым вопросам дагестанского языкознания.

Как заведующий кафедрой и ее профессор, много сил тратил Раджидин Идаятович становлению научно-педагогических кадров. Ученый был научным руководителем более 25 аспирантов и соискателей, большин-ство из которых успешно защитили диссертации по аварс-кому, агульскому, даргинскому, кумыкскому, лезгинскому и другим языкам. Он подготовил целую когорту кандидатов и докторов наук, занявших достойные места в дагестанском и кавказском языкознании. Профессор Гайдаров имеет прямое отношение к станов-лению докторов наук Б.К. Ханмагомедова, Р.И. Гусейнова, И.Ю. Алироева, А.Ш. Акиева, М.М. Магомедханова, Г.И. Магомедова, Д.С. Самедова,

Р.М. Кельбеханова, В.М. Заги-рова, Н.Д. Сулейманова, К.К. Курбанова, А.С. Урусилова, А.С. Куркиева, Н.Х. Ольмесова, С. Мусаевой и других.

Мне приходилось учиться у него теории и методике лезгинского языка, научному стилю изложения словарных статей, при нашей совместной подготовке и издании «Словаря омонимов лезгинского языка» и даже ораторскому искусству, которым великолепно владел Раджидин Идаятович. Я ни разу не видел, чтобы кто-либо мог быть равнодушным, когда за трибуной Раджидин Идаятович.

Сегодня по истечении более 40 лет после окончания вуза не только я, но и все бывшие студентов русско-дагестанского отделения филологического факультета 1975 года выпуска, при каждой встрече с большим уважением вспоминают глубоко содержательные, поистине доброжелательные уроки мудрости и социально благотворной научной жизнедеятельности нашего незабвенного учителя и ученого-педагога с большой буквы Раджидина Идаятовича.

Так и хочется сказать тем, кто сегодня в науке или в пути к науке: «Ученым стать проще, человеком быть гораздо труднее». Примером высокой человеческой нравственности и являлся замечательный наш патриарх дагестанского языкознания, величайший ученый и педагог, Заслуженный деятель науки РД и РФ, профессор Раджидин Идаятович Гайдаров.

УДК 811.512

Вопросы изучения дагестанской литературной ономастики

Questions of studying Dagestan literary onomastics

Р.А. Мусаева, ведущий научный сотрудник кафедры гуманитарного образования Дагестанского филиала РГПУ им.А.И.Герцена. E-mail: rukhani@yandex.ru

R.A. Musayeva, Leading Researcher of the Department of Humanities Education Dagestan branch of Herzen University. E-mail: rukhani@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам изучения дагестанской литературной ономастики. В статье приводятся примеры работ, посвящённых данной проблеме, проводится анализ освещённых тем. Проведённый анализ свидетельствует о недостаточной изученности проблемы и раскрывает дальнейшие перспективы проведения исследований по данной дисциплине.

Ключевые слова: литературная ономастика, фольклорная ономасти-

ка, онимы, имена собственные, ономастическое пространство

Abstract. The article is devoted to the study of Dagestan literary onomastics. The article provides examples of works devoted to this problem, analyzes the topics covered. The conducted analysis indicates insufficient knowledge of the problem and reveals further prospects for conducting research in this discipline

Keywords: literary onomastics, folklore onomastics, onyms, proper names, onomastic space

На современном этапе развития лингвистики учёными делается акцент на исследования, связанные с функционированием «языка в его действии». В связи с этим большую популярность набирают такие лингвистические дисциплины, как теория дискурса, когнитивная лингвистика, теория интертекста, лингвистика текста и поэтика. С последними, в свою очередь, тесно связана литературная ономастика или «поэтическая ономастика» или «ономапоэтика» или «стилистическая ономастика», или «ономастилистика». Мы в нашей статье будем придерживаться термина «литературная ономастика», который, с нашей точки зрения, является наиболее подходящим.

Литературная ономастика как отдельная отрасль науки возникла относительно недавно. Вследствие этого, перспективы дальнейшего развития литературной ономастики, как и любой молодой научной отрасли, связаны с решением проблем, связанных в первую очередь с потребностями ее самопознания. В связи с этим возникает необходимость определить предмет, задачи, место в современной лингвистической и общенаучной парадигме и внутреннюю структуру новой науки.

На современном этапе картина становления новой отрасли литературной ономастики характеризуется разнообразием подходов и направлений. Некоторые учёные (С. Н. Булгаков, А. Ф. Лосев, А. А. Флоренский и др.) рассматривают имя собственное по отношению к другим философским категориям и традиционной философской проблематике. Другие учёные анализируют имена собственные в парадигме логических категорий. Некоторые исследователи выбирают при изучении имён собственных в художественном тексте традиционную литературоведческую методологию, некоторые лингвистическую направленность. Всё это обусловлено тем, что предметом изучения литературной ономастики является многоаспектное и специфическое явление – языковая единица в литературно-художественной коммуникации. Все эти исследования способствуют обогащению литературной ономастики свежими идеями и концепциями и взгляду на предмет её изучения под новым углом.

Литературная ономастика, как и ономастика в целом, в течение

долгого времени не была предметом изучения дагестанских лингвистов. Вплоть до второй половины двадцатого века не было сколько-нибудь серьезных работ с лингвистическим анализом имён собственных в художественных текстах. Одной из первых работ в дагестанском языкознании, в которых освещены вопросы функционирования онимов в художественных текстах, является статья Султановой Т.Ю. «Антропонимы в повестях А. Абу-Бакара», опубликованная в 1997 году [Султанова 1997:226].

В 2003 году была проведена защита кандидатской диссертации Гасановой С.Х. «Топонимия в дагестанской русскоязычной (оригинальной и переводной) художественной литературе» [Гасанова 2003:3], объектом исследования которой стали топонимы (более трех тысяч единиц), собранные из русскоязычных переводных и оригинальных художественных произведений. В данной работе определены структурно-семантические типы дагестанских топонимов, принята классификация топонимов по семантико-тематическому и структурному признакам, а также по стилистической роли в текстах художественной литературы.

Одним из учёных, который начал проводить серьёзные научные исследования онимов в художественных текстах, является М.Р.Багомедов, который в своей работе «Ономастикон рукописи Магомедшапигаджи Меусишинского «Шейх Мухаммад из Мега», исследовал ономастическое пространство рукописи [Багомедов 2007:157]. Автором в статье также поднимается проблема перевода и транслитерации онимов. В своей следующей работе «Онимы в даргинской художественной литературе», опубликованной в 2008 году, автор обращается к проблемам функционирования собственных имён в даргинской литературе на материале творчества писателя Расула Багомедова [Багомедов 2008:174].

В последние годы внимание к литературной ономастике заметно усилилось. Однако, нужно отметить, что этот интерес наблюдается только лишь со стороны исследователей-лингвистов, которые занимаются изучением дагестанской ономастики в целом. Среди исследований и публикаций, вышедших в свет в течение последних лет, можно выделить труды вышеназванного учёного М.Р. Багомедова в соавторстве с Рабадановой А.Р. «Ономастикон даргинской детской литературы». [Багомедов 2020:476]. В статье рассматривается одна из актуальных проблем современной лингвистики – функционирование онимов в детской художественной литературе. Автор в статье опирается на материал произведений Рашида Рашидова и Расула Багомедова. В своём исследовании авторы уделили значительное внимание анализу структурно-семантических особенностей, языковой принадлежности антропонимов в произведениях даргинских пи-

сателей. Подводя итоги исследования данного вопроса в дагестанской ономастике, авторы устанавливают, что литературная ономастика до сегодняшнего дня остается малоизученной не только в даргинском, но и вообще в дагестанском языкознании и требует дальнейших исследований.

К функционированию онимов в творчестве дагестанских поэтов и писателей также обращается в своих исследованиях лингвист Мусаева Р.А.. В таких работах исследователя, как «Ономастическая лексика в поэзии Ирчи Казака» [Мусаева 2014:110], «Ономастическое пространство поэзии Бадрутдина Магомедова» [Мусаева 2021:32], «Ономастическое пространство произведений Расула Гамзатова – «поэта аула и планеты» [Мусаева 2023] определена роль имен собственных и их значение в реализации творческого замысла, в отражении индивидуально-авторской картины мира дагестанских авторов. Исследователем проведена подробная классификация имён собственных по разрядам, по месту, занимаемому в системе «ядро-периферия» ономастического поля, этимологический, семантический и структурный анализ онимов.

Как известно, фольклорные тексты являются образцами, в которых отражается менталитет, быт и история народа. С этой точки зрения исследование фольклорного ономастикона в качестве составляющей языковой картины мира представляется актуальным. Имя собственное в фольклорном тексте является культурно значимым концептом языковой картины мира. Исследование ономастического пространства фольклорных текстов способствует познанию языка, сознания и культуры как целостного феномена.

В последние годы в дагестанской ономастике появилось несколько работ, посвящённых анализу онимов в фольклорных текстах. К ним относятся статьи Багомедова М.Р. «Фольклорные онимы даргинского языка» [Багомедов 2020: 478] «Особенности функционирования ономастических единиц в даргинских народных песнях» [Багомедов 2022: 487] и посвящены исследованию ономастических единиц в даргинских фольклорных произведениях. В качестве иллюстративного материала авторы используют сборники даргинского фольклора, подготовленные на основе фольклорных экспедиций. В своей работе авторы акцентируют своё внимание на структуру и семантику ономастических единиц.

Этому же исследователю принадлежат труд под названием «Ономастикон кумыкских народных сказок» [Багомедов 2022: 485], в котором автор уделяет отдельное внимание семантическому и структурному анализу антропонимов, функционирующих в кумыкских фольклорных сказках.

Работа Гашаровой А.И., изданная в 2028 году, называется «Осо-

бенности функционирования топонимов в фольклоре лезгин» [Гашарова 2018: 17]. Она отражает примерную картину бытования, выявляет цели и способы использования топонимов в лезгинском фольклоре. В результате исследования автор приходит к выводу, что для топонимов характерны особенности структуры и семантики языка данного народа, в них отражаются традиции и этнокультура народа.

Среди работ, посвящённых онимам в фольклорных текстах, интерес представляет работа Мусаевой Р.А., посвящённая лингвокультурологическому анализу онимов в фольклорных кумыкских песнях. В данной работе проведён не только семантико-структурный анализ всех разновидностей онимов, представленных в текстах народных песен, но и содержится попытка этимологического анализа именника произведений фольклора. Благодаря проведённому исследованию автор приводит к выводу о глубокой древности этих форм народного творчества.

Анализ работ, связанных с исследованием имён собственных в художественных текстах, свидетельствует о недостаточной изученности, а в некоторых языках и отсутствии трудов по этой теме, а также необходимости исследований в этой области.

В частности, мало работ, связанных с общими теоретическими проблемами региональной литературной ономастики. Поскольку литературная ономастика относится к числу так называемых пограничных дисциплин, этим обусловлены проблемы терминологии, возникшей на стыке нескольких областей знания. Такие дисциплины включают в себя теоретические элементы и терминологию дисциплин, на стыке которых находится. Поэтому многие вопросы терминологических границ литературной ономастики остаются открытыми до сих пор, в том числе понятие литературного онима или поэтонима с точки зрения его языковой сущности и роли в художественном тексте. Проблемы с терминологией данной дисциплины находят отражение в немногочисленных трудах по дагестанской литературной ономастике.

Дагестанская литературная ономастика обладает огромным потенциалом для исследователей-лингвистов, а также позволяет решить ряд внутринаучных задач. Серьёзные и глубокие региональные исследования по данной проблеме с широким комплексным подходом к материалу исследования способны обогатить общероссийскую литературную ономастику. Перечень вопросов, связанных с изучением дагестанской литературной ономастики, наглядно свидетельствует о перспективах её дальнейшего развития.

Литература

Багомедов М.Р. Ономастикон рукописи Магомедшапигаджи Меусишинского «Шейх Мухаммад из Мега» // Вопросы дагестанских языков и литератур. Вып. 5. – Махачкала: ДГПУ, 2007. – С. 157-159.

Багомедов М.Р. Онимы в даргинской художественной литературе. Антология поэтонимологической мысли. Донецк: Юго-Восток, 2008; Т. 1: 174 – 182.

Багомедов М.Р. Ономастикон даргинской детской литературы (в соавт. с Рабадановой А.Р.) // «Мир науки, культуры, образования». г. Горно-Алтайск. №2 (81). 30.04.2020 г. – С. 476-478.

Багомедов М.Р. Фольклорные онимы даргинского языка (в соавт. с Шаховой П.С.) // «Мир науки, культуры, образования». г. Горно-Алтайск. №2 (81). 30.04.2020 г. – С. 478-480.

Багомедов М.Р. Ономастическое пространство творчества Р.М. Рашидова (в соавт. с Рабадановой А.Р.) // Вопросы кавказского языкознания и тюркологии. Выпуск 4 (16). Махачкала: АЛЕФ, 2020. – С. 22-27.

Багомедов М.Р., Асакаева С.Т.. Ономастикон кумыкских народных сказок // МНКО. 2022. №4 (95). –С.185-187

Багомедов М.Р., Тагирова М.М.. Особенности функционирования ономастических единиц в даргинских народных песнях // МНКО. 2022. №4 (95). –С.187-189

Гасанова С.Х. Топонимия в дагестанской русскоязычной (оригинальной и переводной) художественной литературе : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Дагестан. гос. пед. ун-т. – Махачкала, 2003. – 21 с.

Гашарова А.Р. Особенности функционирования топонимов в фольклоре лезгин // БГЖ. 2018. №3 (24). –С.17-20

Мусаева Р. А. Ономастическая лексика в поэзии Ирчи Казака / Мусаева Р. А. // Современная тюркология: язык, литература, история и культура тюркских народов: Материалы VII Международной тюркологической конференции, Елабуга, 7 февраля 2014 года / Елабужский институт Казанского федерального университета, Исполком всемирного конгресса татар. – Елабуга, 2014. – С. 110-112.

Мусаева Р. А. Ономастическое пространство поэзии Бадрутдина Магомедова = Onomastic Field of Badrutdin Magomedov's Poetry / Мусаева Р. А. // Актуальные проблемы тюркологии: Россия и тюркомусульманский мир: материалы X Международной тюркологической конференции, Елабуга, 25 декабря 2020 года / Казанский (Приволжский) федеральный университет. – Казань, 2021. – С. 32-35.

Султанова Т.Ю. Антропонимы в повестях А. Абу-Бакара. Актуальные проблемы общего и кавказского языкознания: сборник статей. Нальчик, 1997: 226 – 227.

**Антропонимия лакского языка
(на материале села Кули Кулинского района)**

Anthroponymy of the Lak language (based on the material of the village of Kuli Kulinsky district)

Мутаева С.Р., старший научный сотрудник сектора родных языков ГБУ РД «Дагестанский научно-исследовательский институт педагогики им. А. А. Тахо-Годи», г. Махачкала, Российская Федерация. E-mail: laura180288@yandex.ru

Mutaeva S.R., Senior Researcher of the Native Languages Sector of the Dagestan Scientific Research Institute of Pedagogy named after A. A. Takho-Godi, Makhachkala, Russian Federation. E-mail: laura180288@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена антропонимии села Кули Кулинского района. В статье подвергаются анализу личные имена кулинского говора с точки зрения происхождения и указываются источники заимствований.

Ключевые слова: антропонимия, именник, личные имена, антропонимы, исконные личные имена, заимствованные личные имена.

Abstract. The article is devoted to the anthroponymy of the village of Kuli Kulinsky district. The article analyzes the personal names of the Kulinsky dialect from the point of view of origin and indicates the sources of borrowings.

Keywords: anthroponymy, namesake, personal names, anthroponyms, native personal names, borrowed personal names.

Антропонимическая лексика является частью лексико-семантической системы языка, функционирует в её рамках и одновременно реагирует на любые изменения, происходящие в обществе. Антропонимы представляют собой активные языковые средства, отражающие как прошлое народа, так и современный социальный уровень его жизни и практической деятельности.

Внимание к системе собственных имен определяется их особым положением как слов, развивающихся по законам языка, но помимо лексического компонента, включающих также этнографический, исторический, социальный, культурологический аспекты информативности.

Антропонимы являются неотъемлемой частью жизни любого общества, воплощая в себе его лингвистические и социокультурные характеристики. Культурная коннотация антропонима включает в себя информацию о национальности самого носителя имени.

Антропонимы – наиболее изменчивый слой лексики, зависимый от внеязыковых обстоятельств.

Как известно, с исторической точки зрения из антропонимов наиболее древними являются личные имена, а к наиболее поздним индивидуализирующим именам относятся фамилии.

Антропонимическая система лакского языка формировалась в течение длительного периода в своеобразных историко-географических и лингвистических условиях.

Антропонимическая лексика лакского языка долгое время не была объектом специального лингвистического исследования. Она в научном отношении весьма интересна, но недостаточно исследована. Большой вклад в становление и развитие антропонимики лакского языка внесли работы И. Х. Абдуллаева, С. М. Хайдакова.

Исторически сложившиеся этнические и этнокультурные контакты лакцев, как с соседними, так и с территориально отдаленными народами нашли отражение в системе личных имен лакцев, в том числе и кулинцев.

Наличие большого количества заимствованных имен является характерной чертой антропонимии любого языка. Анализ антропонимической системы лакского языка дает возможность заметить преобладание большого количества заимствований. Эта характеристика антропонимии представляет собой одну из закономерностей, выделяющих ее из словарного состава того или иного языка в целом.

И. Х. Абдуллаев считает, что исконные личные имена в лакском, как впрочем, и во всех дагестанских языках, представлены в очень ограниченном количестве, заимствованные же личные имена составляют основную массу личных имен [Абдуллаев 1970: 138].

Исконно лакские личные имена в древности составляли исконные слова. В настоящее время сохранившиеся исконные имена составляют малочисленную группу. Это, в основном, нарицательные слова, перешедшие в собственные имена.

Социально-историческое, этнографическое и культурное состояние народа фиксируется в антропонимии лишь опосредованно и удерживается по традиции многие сотни лет после того, как явления, вызвавшие их к жизни, уже утрачены. Модели личных имен с термином родства, образовавшиеся, вероятнее всего, в недрах родового строя, сохранились в лакском именнике и в наше время, например: *Мямма* «отец», *Бава* «бабушка», *Бутта* «папа», *Нину* «мать» и др.

Этимология некоторых исконно лакских имен затемнена, т. е. в настоящее время их значение невозможно объяснить, например, *Клуклу*, *Къиза*, *Къита*, *Сапижат* и др. Как в литературном лакском языке, так и в кулинском говоре сохранились исконно лакские имена, этимология которых не затемнена, например, *Плутли* «цветок», *Лачла* «пшеница» и другие.

В разные периоды времени социум оказывал определенное вли-

яние на именование детей родителями. В кулинском говоре сохранились имена, которые демонстрировали преданность идеям социализма и коммунизма: *Маркс, Энгельс, Киров, Сталин, Октябрина* и другие.

В кулинском говоре также встречаются имена, названные в честь космонавтов: *Юрий, Андриан, Герман, Валентина*.

Заемствованные имена занимают огромное место в антропонимической системе лакского языка. Антропонимическая система лакского языка, в том числе и кулинского говора, пополнилась заимствованиями из тюркских, иранских, русского, арабского и других языков.

В кулинском говоре лакского языка встречаются как мужские, так и женские имена, заимствованные из тюркских языков, например, *Къишттаман* (лит. *Къисттаман*), *Асия(Асият)*, *Эна* (лит. *Айна*) и т. д.

Определенное место занимают заимствования из иранских языков, например, *Гилани, Гилан, Гулан, Банавиша, Гулизар* и другие.

Большое место в антропонимии кулинского говора занимают имена, заимствованные из арабского языка, например, мужские имена: *Мухаммад* «Мухаммед», *АхIмад(АхIма)* «Ахмед», *МахIаммадрасул* «Магомед-Расул», *Ирбагъин(лит.Ирвагъин)* «Ибрагим» и т. д.; женские имена: *ПатIимат (ПатIима)* «Патимат(Фатима)», *Шуаънат(Шюъбанат)* «Шуанат», *Амина(Аминат)* «Амина(Аминат)», *Салимат* «Салимат» и т. д. Наличие большого количества заимствованных имен из арабского языка характерно для всех дагестанских народов, т. к. арабский язык – это язык мусульманской религии.

Лакский язык, как и все дагестанские языки, испытывает огромное влияние русского языка. На наш взгляд, антропонимическая система кулинского говора сильно обогатилась русскими именами, особенно в советское время, например, мужские имена: *Сергей, Руслан, Анатолий, Алексей, Леонид* и т. д.; женские имена: *Светлана, Надежда, Галина, Марина, Ирина, Раиса, Кристина, Валентина, Лариса* и т. д. Заимствуются как сами русские личные имена, так и их сокращенные формы, а также манера называния сокращенными формами имен, например, *Женя, Лидя, Зина, Серёжа, Рая, Гриша*.

Посредством русского языка в именник кулинского говора вошло огромное количество западноевропейских имен, например, *Роберт, Альберт, Артур, Индира, Диана, Лаура, Луиза* и т. д.

В кулинском говоре, также как и в литературном лакском языке, имеются заимствования из других дагестанских языков. И. Х. Абдуллаевым отмечено, что лакский именник пополнялся также антропонимами, вошедшими от ближайших соседей – аварцев, даргинцев. [Абдуллаев 1991: 140].

В кулинском говоре встречаются имена, вошедшие из аварского

языка, такие как, *Мисиду, Шамала, Шагъале, МахIач*. В говоре также встречаются некоторые мужские имена, оканчивающиеся на – *ав, яв* такие как, *Алхулав, ХIалималав, ХIажияв* и другие. На наш взгляд, имена *Алхулав, ХIалималав* встречается только в кулинском говоре лакского языка.

И. Х. Абдуллаевым отмечено, что женское имя *Шамай* также заимствовано из аварского языка, но на наш взгляд, в лакском языке *Шамул* «Сирия» и имя *Шамай* образовано от данной лексемы.

В кулинском говоре встречаются антропонимы, восходящие к наименованиям животных и птиц, например, *Аслан* (муж.) «лев», *Къаплан* (муж.) «лев», *Къиргъу* (жен.) «ястреб».

В антропонимии говора также имеются женские имена – названия цветов: *Роза* «роза», *ТутIи* «цветок», *Лиана* «лиана», *Банавша* «фиалка», *Фиалка* «фиалка», *ХIурия* (от *хIуриятIутIи*) «первоцвет весенний».

Единичными оказались некоторые имена: *Алункъач*(муж.), *СсахIбан*(муж.), *Оьргъу*(муж.), *Къянчи*(муж.), *Ялла*(муж.), *Мяда*(муж.), *Шаллу*(муж.), *Ахъе*(муж.), *Тарибирди* (муж.), *Къужан*(муж.), *Самуржигъан*(жен.), *Узу*(жен.), *Кагъравани*(жен.), *Шагърувани*(жен.), *Къунпу*(жен.), *Чассу*(жен.), *Башикар*(жен.). Данные имена, как в литературном языке, так и в других говорах не встречаются.

Так, если в советское время больше были распространены имена-заимствования из русского языка, то в настоящее время чаще дают имена арабского происхождения, такие как *Мухаммад* (муж.), *Амина* (жен.), *Сафия*(жен.), *Абу-Бакр*(муж.) и т. д.

Уходят из употребления некоторые исконно лакские имена, такие, как *КIукIу* (жен.), *Къиту*(жен.), *Къита*(жен.) и другие.

В структурном отношении в кулинском говоре основная часть антропонимии составляют двусложные и трехсложные имена. Наименьшее количество составляют односложные имена, они ограничены в своей употребительности, например, *Баг* (муж.), *Шагъ*(муж.), *Къиз*(жен.), *НухI*(муж.), *Хан*(муж.), *Щех*(муж.), *Зед*(муж.). В антропонимии кулинского говора также встречаются многосложные имена, например, *ХIажимуси* (муж.), *Аьликагъди* (муж.), *ХIажирамазан* (муж.), *ХIажимахIамма* (муж.), *КъурбанмахIамма* (муж.), *ХIажикъурбан* (муж.), *Гъазималик*(муж.), *МахIаммадгъази*(муж.), *МахIаммадхIажу*(муж.), *Аьлиямма*(муж.), *Уммусалимат* (жен.), *КъурбанпатIимат* (жен.), *Къурбанкъиз*(жен.), *Эшабаху* (жен.) и т. д.

Таким образом, следует отметить, что личные имена отражают материальный и духовный мир народа. Они являются продуктом исторического, общественного развития и несут в себе черты нацио-

нальной культуры, национального самосознания, этико-эстетических норм той или иной эпохи.

В личных именах раскрываются такие стороны истории народа, его обычаев, нравов, образа мышления, которые невозможно получить путем изучения исторических и собственно лингвистических материалов. Они также свидетельствуют о контактах народа, миграционных процессах и взаимовлиянии языков и культур.

Следует также отметить, что вместе со старшим поколением постепенно уходят из жизни многие исконные антропонимы, соответственно, исчезает и определенная часть традиционной культуры народа. Поэтому своевременный сбор и изучение личных имен представляет насущную необходимость и несомненный научный интерес.

Литература

Абдуллаев И. Х. Некоторые вопросы дагестанской антропони- мии // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. М.: Наука, 1970. – С. 136–139.

Абдуллаев И. Х. О некоторых источниках пополнениях лакско- го именника // Дагестанская ономастика. Махачкала: ДНЦ АН СССР, 1991. С. 134–143.

Абдуллаев И. Х. «Междагестанские и межкавказские языковые контакты: Историко-этимологические, ареальные и ономастические исследования», Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН; АЛЕФ, 2015. – 618 с.

Список сокращений:

жен.– женское имя, лит. – литературный язык, муж. – мужское имя.

УДК 81.351 ББК 81.603– 3 М 91

Система работы по изучению лексики на уроках лакского языка в 5 классе общеобразовательной школы

The system of work on the study of vocabulary in the lessons of the Lak language in the 5th grade of a secondary school

Мутаева С.Р., старший научный сотрудник сектора родных языков ГБУ РД «Дагестанский научно-исследовательский институт педагогики им. А. А. Тахо-Годи», г. Махачкала, Российская Федерация. E-mail: laura180288@yandex.ru

Mutaeva S.R., Senior Researcher of the Native Languages Sector of the Dagestan Scientific Research Institute of Pedagogy named after

A.A. Takho-Godi, Makhachkala, Russian Federation. E-mail: laura180288@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению лексики лакского языка в 5 классе общеобразовательной школы. Излагается характеристика лексического значения слов, роль синонимов, антонимов и омонимов в обогащении словарного запаса учащихся и система работы по их изучению.

Ключевые слова: лексика лакского языка, однозначные и многозначные слова, прямое и переносное значение, синонимы, антонимы, омонимы, развитие речи.

Abstract. The article is devoted to the study of the vocabulary of the Lak language in the 5th grade of a secondary school. The article describes the characteristics of the lexical meaning of words, the role of synonyms, antonyms and homonyms in enriching the vocabulary of students and the system of work on their study.

Keywords: vocabulary of the Lak language, unambiguous and polysemous words, direct and figurative meaning, synonyms, antonyms, homonyms, speech development.

5-мур классраву лексика лахъхъаву

Лексика хъанахъиссар мазрал ца яла агъамсса бутлану, ганил хъуннасса агъамшиву дуклаки оърчIал гъалгъа магъир бавриву дуссар.

Лексика 5-мур ва 6-мур классирттаву лахъхъин ккаккан бувну бур.

ФГОС-раин бувну сакин дурсса лакку мазрал программалийн бувну, лексика лахълахъийни, 5-мур классраву лахъхъин ккаккан бувну: мукъул мяъна, чIяру мяънарду ва ца-ца мяъна дусса махъру, мукъурттил тIайланнасса ва зунххисса мяънарду, синонимру, антонимру ва мукума дуклаки оърчIру омонимирттащал кIул баву.

5-мур классраву лексика лахъхъаву дайдахълай дур лексикалуясса аъмсса бусаврия. Лакку мазравусса циняв мукъурттил луртандалуйн лексика учайссар. Лексика лахъхъаврил хъунмасса бияла буссар дуклаки оърчIал мукъурттил луртан авадан давривугу. Цуксса мукъурттил луртан авадансса дурив, муксса дуклаки оърчIал мазгу магъирсса бикIайссар. Мукъурттил луртан дакъахъурча, маз шурун къабикIайссар. Лакку маз биялну ва кIанин бувтун лахъхъавриву хъунмасса кIану ганил мукъурттил (лексикалул) ляличIишивуртту кIул даврил бугълагъиссар. Лексикалул дуссар цамургу ляличIишиву – ганил хъун бакъасса бутIа бакъа халкъуннал цала ихтилатраву ишла къабуллалаву.

Лексикалувусса гъанусса дуцин махъ хъанахъиссар. Мазравусса ялами дуцинну мукъуцIун дархIуну, ганил биялдаралу дуссар.

Махъ мазрал ца яла агъанмур бутIар, ганил мурад затрал цIа, хасият ва даву кIул даву хъанахъиссар. Мукъул мяъна ххуйну, диялну

кІулу духърча, махъру тІайлану зумух ласунгу, чичингу лахъхьинтІиссар, дакІнийгу личІантІиссар, дакІнихсса ва чичрулий-нуса гьалгьалуву ишла буллангу буюхантІиссар.

Лексика иширайну байбихъулул классирттаву лахъхъайссар, амма лексикалул теориялийн багъайсса масъалартту 5-мур ва 6-мур классирттаву лахъхъайссар.

Мукъул мяъна. Махъру, миннул мяънарду къакІулу маз лахъхьин къабуюхъайссар. Цава-ца мукъул ца ягу кІира ягу ххишаласса мяънарду дикІан буюхъайссар. Ца мяъна дакъа дакъасса мукъуйн ца мяъна ду махъ учайссар. КІира ягу ххишала мяънарду дусса мукъурттийн чІяру мяънарду ду махъру учайссар. Мукъул чІярусса мяънарду духърчагу, га цанния-ца мяъналий бакъа ишла бан къабуюхъайссар. Махъ цумур мяъналий ишла бувну буссарив чІалан бикІайссар анжагъ ганицІун бавхІусса мукъурттийн бувну. Масала: *Ниттил ххарисса хавар бувсуна. Классраву жу хІазсса хавар буккарду.*

Мазраву чІявуми махъру чІяру мяънарду дусса бикІайссар. Дуклаки оърчІан мукъурттил мяънарду аьч дуллан лахъхьин байссар. Гайннан жура-журасса словарьдащал зун лахъхьин байссар. Мукъурттил мяънарду кІул дуллан буюханшиврул дуклаки оърчІан лакку мазрал ва оьрус мазрал, оьрус мазрал ва лакку мазрал словарьду ишла буллан лахъхьин байссар. Мукъул мяъна даххана хьун буюхъайссар анжагъ цамур мукъуцІун бахІаврийну. Масала: *Зунтул бакІ марххалттанилу дия. Жул къатлуву арулва бакІ бур.*

ЧІяру мяънарду дусса махъру. Гьалгъа магьир бавриву чІяру мяънарду дусса махъру ишла баврил хьуннасса агьамшиву дуссар. ЧІяру мяънарду дусса махъру дуклаки оърчІан гьарзану хьунабакъайссар, амма гайннан цанма гай чІявуну хІисав къашайссар. Мукъурттил чІярусса мяънарду душиву оърчІан зунххи мяънарду ду махъру цанма кІул хьуну махъ хІисав хъанан бикІайссар.

Мукъул мяъна цайми мукъурттицІун бахІаврийну даххана шайссар, масала, *мусил ссят, мусил кару* ва ц.

Ккалаккисса текстирдавусса мукъурттил анализ дуллай, дуклаки оърчІан мукъурттил мяънарду аьч дуллан, гай гьалгьалуву тІайлану ишла буллан лахъхьин бан аьркинссар.

Махъру тІайланнасса ва дахханасса мяънардай ишла байссар. Махъ тІайланнасса ягу дахханасса мяънардай ишла бувсса кІул шайссар гайннуцІун бавхІусса мукъурттийн бувну. Масала: *Бушкъан гьаргьуну дур. Душил дакІ гьаргьунни.*

Омонимру лахъхъаву. Омонимирттащал бавхІусса масъала лексикологиялуву ххал бигьлагьисса ца агьамсса масъала хъанай бур. 5-мур классраву дуклаки оърчІру хъхьичІва-хъхьичІ омонимирттащал кІул хъанакъайссар.

Цава-ца куцуй зумух ласайсса ва чичайсса, амма личІи-

личисса мяъна дусса мукъурттийн омонимру учайссар. Омонириртаха лавхъхъусса бур чІяру мяънарду дусса махъру. Дуклаки оърчІан чІяру мяъна дусса махъру ва омонимру кунния кув личІи буллан лахъхъин бан аъркинссар. Омонирирттал мяънарду кунния кув архсса дикІайссар, миннул дянив цичІав аъмшиву къадикІайссар. ЧІяру мяънарду ду мукъурттил дянив ци-дунугу аъмшиву дикІайссар, *масала, магъ, бакІ* ва ц. Вай мукъурттил мяънардал дянив дахІаву дур, омонирирттал дянив цукунчІавсса дахІаву дакъар, масала, *къур (дукайсса къур) – къур (бугъайсса къур), чул (ссал-бунугу чул) – чул (авлахъ) ва ц.*

Омонимру чичултрал цала маз пасихІ баншиврул ишла байссар.

Омонимру лахълахъийни дуклаки оърчІашал дансса давуртту луттирай дуллуну дуссар. Омонимру лахълахъийни, яла агъанмур масъала дуклаки оърчІан омонимру ва чІяру мяънарду дусса махъру кунния кув личІи буллан лахъхъин баву хъанахъиссар.

Синонимру лахъхъаву. Дуклаки оърчІал гъалгъа магъир бавриву синонирирташалсса даврил хъунмасса кІану бугълагъиссар. Синонимкалул кумаграйну маз авадан шайссар. Мазраву синонимру чІявуссаксса мазгу пасихІсса бикІайссар. Лакку мазраву синонимру чІявусса бур. Амма уттигу лакку мазрал синонирирттал словарь сакин бувну бакъар ва гъарца мукъул цими синоним буссарив аьлттуну чІалай бакъар, миннул сан дурну дакъар.

Синонимру – ми цара-ца зат ягу понятие личІи-личІину ккаккан дайсса махърур. Гай гъансса мяънарду дусса махъру хъанахъиссар. Гайннуву цара-ца мяъна дусса махъругу буссар, амма мукунсса махъру лакку мазраву чансса буссар, масала, *ханлугъ – паччахІлугъ, дагъия – дириллугъ.* ЧІявуми синонимру лакку мазраву гъансса мяънарду дусса буссар.

Жура-журасса махъру ишла баврил гъалгъа дурус, бючІан буллалиссар, мунил мукунма гайва-гай махъру ишла баву духлаган дайссар.

Синонирирттал анализ даву – му мукъул мяъна кІанин дутахрил чулухуннайсса давур.

Синонирирташалсса даврил мурад яла дурусмур, яла кІанин багъмур махъ ишла буллан лахъхъавур. Масала: *КъатІув гужсса чІаракІлу дур (марч).*

Жул шяраваллил хъхъичІ лахъсса зунтту бур (бюхттулсса).

Укунсса мукъурттишалсса давурттал гъанусса мурадну гай махъру дуклаки оърчІал гъалгъалуву ишла буллан лахъхъин баву хъанахъиссар.

Синонирирташалсса даврил дуклаки оърчІал мукъурттил луртан авадан дайссар, гайннул мяънарду аьч дуллан лахъхъин байссар, гайва-гай махъру тикрал баву духлаган дайссар, маз пасихІ байссар.

Антонимру лахъхъаву. Гъалгъа магъир бавриву мукунна хъун-насса агъамшиву антонимирттащалсса даврилгу дуссар.

Антонимру – ми къаршисса мяънарду дусса махърур. Гай гъалгъалуву дахханашиврун ишла байссар. ЦачIу дирхъувкун, къаршисса суратру яргну чIалан дикIайссар. Цакуну чанная цIаннайн, тяхъашиврия пашманшиврийн учIаву буккун, вичIи дирхъуманан гужну асар шайссар. Муниятур учаларттаву чIявусса антонимру бикIайсса: *Увччу чувнан ккашил чув къакIулссар. Къадарну яшайр виричуну ивкIуну хъинссар. Дириярча – ялув гъарахъ, къадириярча – лув гъарахъ. Дукайни – хъхъичIа-хъхъичI, зузийни – махъа-махъ* ва м.ц.

Антонимирттащалсса даву байбихъулул классирттава байбихъуну, ялу-ялун захIмат дуллай, дачин дайссар. ЧIявусса антонимру текстирдаву, халкъуннал магъраву хъунабакъайссар. ХъунмурчIин укунсса даву текстиртащалсса даву дуллалийни дайссар.

Антонимирттащалсса даву дуллалийни, учительнаща жура-журасса давуртту дуллан бюхъайссар, гайннул кумаграйну дуклаки оьрчIал гъалгъа магъир ва пасихI байссар.

Антонимирттащалсса даврил мурад гай дакIнихсса ва чичрулийнуса гъалгъалуву ишла буллан лахъхъин баву хъанахъиссар.

Лексикалул теориялийн багъайсса масъалартту ххуйну кIулну бухъурча, дуклаки оьрчIан махъру сакин шаву, морфология ва синтаксис лахъхъаврингу кумаг шайссар.

Цуксса мукъурттил луртан авадансса дурив, муксса пикри бавугу куртIсса дикIайссар, дуняллул иширттах я битаву аьч шайссар, гъалгъа магъир ва пасихI байссар.

5-мур классраву «Лексика» тIисса раздел лархъхъуну махъ, дуклаки оьрчIан кIулну бикIан аьркинссар:

- ца мяъна дусса ва чIяру мяънарду дусса махъру кунния кув личIи буллан;
 - мукъурттил тIайланнасса ва зунххисса мяънарду кIул дуллан;
 - дакIнихсса ва чичрулийнуса гъалгъалуву синонимру, антонимру ва омонимру ишла буллан;
 - омонимру чIяру мяъна ду мукъурттия личIи буллан;
- махъру лайкъсса мяъналий ишла буллан.

Литература

Буржунов Гъ. XI., Буржунова М. Гъ. Лакку маз. 5 класс. Учебный пособие: М.:«Просвещение», 2021. – 191 с.

Хайдаков С. М. Очерки по лексике лакского языка. М., 1961. – 199 с.

Мутаева С. Р. Лакку мазрал мисалдарансса рабочий программа (5–9 классру) МахIачкъала, 2022, сайт ДНИИП. РФ (дата обращения: 20.08.2023).

Проблемы современной русской фразеологии

Problems of modern Russian phraseology

Т.А. Османова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Дагестанского государственного университета. г. Махачкала, Российская Федерация. E-mail: tamaraosmanova@gmail.com

T. A. Osmanova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language, Dagestan State University. Makhachkala, Russian Federation. E-mail: tamaraosmanova@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы современной фразеологии на примере толкового «Фразеологического словаря русского литературного языка» А. И. Федорова и аспектного словаря А. М. Мелеровича, В. М. Мокиенко «Фразеологизмы в русской речи». К проблемным вопросам фразеологии следует отнести критерии отбора материала для словарей, а также расположение словарных статей: по алфавиту первого слова фразеологизма или по алфавиту опорных смыслообразующих слов-компонентов.

Annotation. The article deals with the main problems of modern phraseology on the example of the explanatory "Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language" by A. I. Fedorov and the aspect dictionary of A. M. Melerovich, V. M. Mokienko "Phraseological units in Russian speech". The problematic issues of phraseology include the criteria for selecting material for dictionaries, as well as the location of dictionary entries: alphabetically of the first word of the phraseological unit or alphabetically of the supporting semantic component words.

Ключевые слова: фразеологизм, критерии отбора и описания фразеологизмов, толкование значения фразеологизма, синтаксически ведущее слово, опорный смыслообразующий компонент фразеологизма.

Keywords: phraseological unit, criteria for selection and description of phraseological units, interpretation of the meaning of phraseological units, syntactically leading word, supporting semantic component of phraseological unit.

При составлении фразеологических словарей, а это могут быть толковые и аспектные словари, авторы сталкиваются с проблемой определения самого фразеологизма, поэтому в предисловии любого словаря присутствует авторское толкование термина. Но проблема заключается в том, что до настоящего времени нет единого подхода к

определению понятия фразеологизма. Нет даже единогласно признанной терминологии: фразеологизм, фразеологическая единица, идиома, устойчивый словесный комплекс, образный оборот, образное выражение, фразема и т.д. При этом составители пытаются быть последовательными при включении материала и, конечно, излагают своё понимание фразеологизма, свой подход в определении понятия.

В настоящее время наиболее полным толковым словарем является «Фразеологический словарь русского литературного языка» в 2-х томах, составителем которого является А. И. Федоров. Словарь содержит более 12 тысяч фразеологических единиц. Основным критерием при отборе фразеологического материала стало отграничение часто повторяющихся словосочетаний в различных текстах от единично используемых метафорических или других авторских словосочетаний. Следовательно, основным признаком фразеологизма считается его повторяемость, традиционная воспроизводимость в готовом, устойчивом виде. Достоинством словаря можно назвать то, что он удобен при поиске фразеологизма в отличие, например, от «Фразеологического словаря русского языка» под редакцией А. И. Молоткова. В словаре А. И. Федорова фразеологизмы размещены в алфавитном порядке опорных слов в структуре фразеологизма. Каждый фразеологизм помещается в нем только один раз – за «синтаксически ведущим словом». Но все же при этом пользователь сталкивается с проблемой выделения этого «синтаксически ведущего слова». Например, фразеологизм **умом не вышел** – помещен за словом **вышел**; **на чужой спине в рай въехать** – за словом **въехать**.

Как видим, раздельнооформленная структура, диффузность семантики, определение границы фразеологизма представляют особую трудность при разработке и составлении фразеологического словаря. Состав фразеологизмов не однороден. Известный лингвист Б. А. Ларин подчеркивал это: «Наряду с идиомами, вполне слитными, семантически целостными, существует еще несколько разновидностей несвободных словосочетаний... Несвободные словосочетания, в разной степени слитные по значению, относятся к ведению фразеологии» [Ларин 1977: 115]. Здесь составители сталкиваются с проблемой определения границ фразеологизма. Например, фразеологизм **быть/обращаться на вы с чем-либо**, относиться к чему-либо серьезно, по-деловому. В оборотах подобного типа, как кажется, нет целостного значения, так как один из компонентов: **быть/обращаться** выступает в своем прямом значении, что находит отражение в толковании фразеологизма. Как быть в таком случае? Включать ли подобные слова в состав фразеологизма? Ответ на такой вопрос находим у В. П. Жукова, который отмечает неравномерность фразеологизации выражения, подчеркивая при этом «разную степень затемнения значе-

ния» входящих в состав оборота слов-компонентов. Учитывая этот факт, можно включать в состав фразеологизмов слова обязательного окружения»: **брать/взять/принимать на вооружение, получать/получить постоянную прописку, быть/обращаться на вы, быть/обращаться на ты, выходить/выйти на финишную прямую, ехать на красный свет.**

В таких случаях невозможно использование фразеологизма без слов обязательного окружения, если их не включать в состав фразеологизма, то оборот разрушится. Эти слова участвуют в формировании фразеологического значения, и, следовательно, их надо давать в словарной статье в качестве равноправных компонентов фразеологизма. «...членимость значения на элементы, соотносящиеся с отдельными словами-компонентами, свойственная многим идиомам, не может служить основанием для отграничения этих слов от компонентного состава фразеологизма» [Мелерович, Мокиенко 1987: 154-156].

С другой стороны, наличие у глагола самостоятельного значения позволяет выделить фразеологизмы предложно-падежного типа в самостоятельную группу фразеологизмов, хотя некоторые ученые (Н.М. Шанский, А.И. Тихонов) считают это невозможным. Этой проблеме уделил внимание известный фразеолог Л. И. Ройзензон: «Вся сложность лингвистической интерпретации устойчивых словесных компонентов предложно-падежной формации заключается в том, что в истории русского языка (и не только русского) наблюдается ряд противоборствующих тенденций, которые, кстати, очень плохо изучены; с одной стороны, происходит отрыв предложно-падежного комплекса от глагола, с которым он некогда составлял единое целое..., с другой стороны, в языке имеет место процесс укрепления связи предложно-падежного комплекса с глаголом в составе единой ФЕ (фразеологической единицы)» [Ройзензон 1973: 18-21]. Исходя из этого утверждения, можно считать самостоятельными и включать в словари без слов обязательного окружения ФЕ типа: **по науке, с колёс, на блюдечке, на полную катушку, под ключ** и под. Фразеологизмы подобной структуры представлены и в словаре А. И. Федорова: **на горизонте** (*появляться, появиться, выступить, выступать*), **в глаза** (*сказать, не видеть, бросить(ся)*), **в три горла** (*есть, пить*) и т.д.

Говоря о проблемах составления аспектных фразеологических словарей, следует отметить, что некоторые фразеологи, например А. И. Молотков, не допускают возможности изменения состава, структуры фразеологизма, подчеркивая, что это влечет разрушение фразеологизма. Однако современные ученые, исследователи фразеологии, опровергли подобное мнение, создав словарь нового типа «Фразеологизмы в русской речи», в котором насчитывается более 1000 фразеологизмов, употребляемых в художественных текстах,

публицистике в измененном трансформированном виде. Авторы А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко на богатом материале доказали, что трансформации фразеологизмов не разрушают эти единицы, а лишь позволяют освежить, обновить образ, сделать их употребление более ярким. Значение этих измененных оборотов прозрачно, понятно, так как читатель знаком с моделями, прототипами традиционных фразеологизмов: **волк в овечьей шкуре** → **волк под овчиной; предстать в овечьей одежде; прикрываться овечьей шкурой** и т.д. Составители словаря не отрицают индивидуально-авторский характер данных оборотов, а лишь подчеркивают динамизм развития языка, открытость фразеологии к структурно-семантическим изменениям. Понятно, что окказиональные образования стилистически маркированы, они могут остаться явлением речи, а не языка. Этот вопрос остается обсуждаемым, нет единого мнения о включении индивидуально-авторских ФЕ во фразеологические словари. «Вместе с тем практика работы со словарем требует фиксации и последовательной систематизации случаев типичных перевоплощений ФЕ в тексте. Лишь при таком подходе отражается реальная жизнь фразеологизма, описываются все его речевые потенции и специфика употребления...» [Мелерович, Мокиенко 2001: 4]. Особенностью данного словаря является и то, что в него включены пословицы, подвергшиеся трансформациям и ставшие фразеологизмами: **старого воробья на мякине не проведешь** → **стреляный воробей, старый воробей; чужая душа – потемки, в чужую душу не влезешь** → **потерять ориентировку в своей душе**.

Составители фразеологических словарей, разрабатывая критерии включения и описания материала, оговаривают факт разграничения собственно фразеологизмов и паремий, так как пословицы и поговорки – это единицы другого языкового статуса.

Подводя итог, надо отметить, что основная проблема фразеологии – это отбор материала и его расположение в словаре.

Литература

Ларин Б. А. Очерки по фразеологии / О систематизации и методах исследования фразеологических материалов. – М., 1977. 223 с.

Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Проспект словаря индивидуально-авторских употреблений ФЕ в современном литературном языке // Основные вопросы теории фразеологии. – Самарканд, 1987. – С.153-236.

Ройзензон Л. И. Лекции по общей и русской фразеологии. – Самарканд, 1973.

Словари

Фразеологический словарь русского литературного языка. Составитель А. И. Федоров. – М. «Цитадель», 1997.

Фразеологизмы в русской речи. Словарь А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – М. «Астрель», 2001.

Становление и развитие ономастики русского языка Formation and development of Russian onomastics

А.С. Пирмагомедова, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка с курсом п/о Дагестанского государственного медицинского университета г. Махачкала, Российская Федерация. E-mail: aida.pirmagomedova@yandex.ru

A.S. Pirmagomedova, Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Russian Department of Dagestan State Medical University, Makhachkala, Russian Federation. E-mail: aida.pirmagomedova@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья рассматривает вопросы становления и развития ономастики русского языка. Было выяснено, что первоначальное исследование в области ономастики сосредоточилось на антропонимах и топонимах, тогда как другие виды именных лексем были изучены позднее. Современный подход к интерпретации собственного имени учитывает традиции сравнительно-исторического языкознания и достижения теории языковых контактов.

Ключевые слова: оним; ономастика; имя собственное; онимная лексика; антропоним; топоним; сравнительно-историческое языкознание.

Abstract. This article approaches the question of formation and development of Russian onomastics. It was found out that the initial research in the field of onomastics focused on anthroponyms and toponyms, while other types of nominal lexemes were studied later. The modern approach to the interpretation of one's own name takes into account the traditions of comparative historical linguistics and the achievements of the theory of language contacts.

Keywords: onym; onomastics; proper name; onym vocabulary; anthroponym; toponym; comparative-historical linguistics.

Ономастика – важная область лингвистики, которая изучает и классифицирует имена и наименования различных объектов в языке. В этой статье мы рассмотрим изучение ономастики в русском языке, основные этапы ее развития и ключевые открытия, которые помогают понять принципы и особенности наименования объектов в русском языке.

Оним, представляющий собой совокупность различных типов названий, связан со всеми областями человеческой деятельности. Имена собственные используются для идентификации и индивидуализации объектов. Согласно утверждению В. Виноградова, «имя отражает особый духовный тип человека, его структуру и разновидность» [Виноградов 1986].

Интерес к собственным именам возник в древние времена.

Основы ономастики были заложены Аристотелем, отметившим условный характер значений слов и то, что имена становятся условными значениями, превращаясь в символы.

Люди всегда интересовались толкованиями имен, считая их не только эстетическими, но и духовными, культурными и языковым. Как отмечает С.Скуридина, имена собственные служат для индивидуального обозначения отдельных объектов, позволяя выделить и индивидуализировать их. [Скуридина 2007: 367]. Выступая средством выделения конкретного объекта, имена (онимы) одновременно его номинируют и индивидуализируют.

В онимах можно выделить форму и конкретное содержание.

Первые шаги в исследовании ономастики на русском языке были предприняты в XIX веке.

Исследование ономастики в русском языке началось в XIX веке. В это время были собраны данные о системе наименования в русском языке и начато формирование эмпирической основы ономастики – систематизация данных, полученных в результате анкетирования, экспедиционных исследований, изучения исторических карт и документов.

Период активного развития русской ономастики пришелся на 60–70-е года XX века. Ученые уделяли особое внимание топонимике и антропонимике. В России ономастика начала развиваться с исследований в области топонимики. Значение топонимики признали важным для решения различных задач в лингвистике, истории и других областях языкознания.

С наступлением XX века эта область науки открыла новые и интересные перспективы. Ученые стали изучать имена собственные из разных регионов. Они раскрывали важную информацию о культуре, истории, этнографии разных народов. Были составлены каталоги и типологии собственных имен на русском языке. Это позволило систематизировать изучение их происхождения и семантики. Важным результатом этого времени стало изучение собственных имен в литературе. Это помогло понять связь между характеристиками персонажей и именами, которые им дали авторы.

В это время были опубликованы работы А. Пеньковского [Пеньковский 1988], Ю. Карпенко [Карпенко 1986], В. Калинин [Калинкин 1999] и др.

Если проанализировать развитие ономастических исследований между 60-ми, 70-ми годами и 80-ми и 90-ми годами XX века, стоит отметить несколько важных особенностей. Прежде всего, исследователи подходили к работе с онимным материалом основательно и тщательно.

Развитие российской ономастики шло в двух направлениях:

создание перспективной стратегии и детальное изучение истории каждого имени во взаимосвязи с другими родственными именами. В то время был принят принцип, по которому определить происхождение имени можно только при индивидуальном подходе к анализу, включая учет всех возможных вариантов и проведение подробного фонетического и структурного анализа словообразования.

В ходе ономастических исследований были поставлены следующие задачи:

1. описание онимикона в пределах России;
2. составление русского фрагмента общеславянского ономастического атласа;
3. нормирование славянской, в том числе русской ономастической терминологии

Особое внимание также уделяется систематическому изданию библиографических справочников и указателей по ономастике, публикации рецензий на текущую ономастическую литературу, повышению научного уровня ономастических изданий. Следует отметить, что эти задачи настолько масштабны, что остаются актуальными и в настоящее время, а также в будущем.

Анализируя результаты предыдущих исследований русской ономастики и этапы ее развития, важно обратить внимание на текущее состояние этой науки. За прошедшие годы была заложена солидная основа для современных исследований в области ономастики, включая русскую гидронимию, ойкономию и антропономию.

Сегодняшняя российская ономастика продолжает развивать научно-теоретическую базу, заложенную ранее, улучшая методы описания и анализа ономастического материала. Большой вклад в эту отрасль внесли ученые, такие как В. Бондалетов [Бондалетов 1986], М. Горбаневский [Горбаневский 1987], Ю. Карпенко [Карпенко 1986], А. Суперанская [Суперанская 1973] и другие.

Тем не менее, для создания единой системы классификации ономов необходимы более глубокие теоретические основы, учитывающие их исторические корни, социальные функции и культурное значение. Стоит учесть и различные типы онимов: топонимы, антропонимы, зоонимы, технонимы и т. д., чтобы получить полное представление об их происхождении и эволюции. Важной является и разработка методического арсенала для проведения качественных исследований, включающего в себя применение современных информационных технологий и статистические методы анализа данных.

Даже если речь идет об одном и том же явлении – ониме, он может быть как одно-, так и многозначным, что уже говорит о другом этапе исследования. Поэтому можно сказать, что именно

эмпирические факты и данные составляют основу для формирования научных гипотез и теорий, но требуют дополнительного научного объяснения и интерпретации.

Этот вопрос имеет множество аспектов, которые требуют более подробного изучения. По нашему мнению, особое внимание стоит уделить диахроническому аспекту изучения имен. Этимологический анализ, как известно, является одним из самых эффективных методов изучения имен, так как позволяет исследовать все уровни структуры имени (фонетический, морфологический, словообразовательный) и определить его базовую семантику. Важно также определить вероятное время появления конкретного названия и выявить его этническую принадлежность, основываясь на языковых законах, которые отражены в нем. Тем не менее, стоит отметить, что в данном случае отсутствует какая-то особая “ономастическая этимология”.

Причиной того, что определенное имя формируется в основном на основе общего названия, является его общая этимология. Следующие основные принципы основаны на процессе этимологии имен:

1. определение словообразовательной модели или типа значения названия;
2. определение апелятивов, формирующих имя;
3. выявление семантической мотивации имени, что зачастую требует этимологизации самого апелятива.

Определение временного происхождения и национальной принадлежности имен является главной задачей фонетического и этимологического анализа. В настоящее время российские филологи активно исследуют картографический аспект топонимики. Изучение топонимов на карте позволяет получить наглядное представление о схеме распространения определенных моделей наименования местности. Также стоит учитывать историческое прошлое региона, поскольку ономастика, и в частности топонимика, являются важными источниками информации об этнокультурной ситуации прошлого.

В то время исследователи также обратили внимание на другой важный пласт топонимической лексики – ойконимы – названия поселений и территорий. Они играют важную роль в изучении русской ойконимики. Исследователям важны исторические и топографические аспекты, такие как упоминание названий поселений в исторических документах, а также взаимосвязь между ойконимами и локальными топонимами, обусловленная географическими особенностями местности и другими факторами [Зварикина 2015]. Изучение происхождения названий рек, гор, озёр и других географических объектов позволяет нам больше узнать об их истории и особенностях природы. Ойконимы также могут отражать

исторические события, связанные с освоением и заселением территорий. Благодаря усилиям учёных, мы можем расширять свои знания о прошлом, понимать, какие факторы влияли на образование топонимов и оценивать их значение для культурного и природного наследия. Изучение ойконимов позволяет нам проникнуть в историю и лучше понять взаимосвязь между человеком и окружающей его средой.

Современный этап изучения русской ономастики отличается разнообразием тем и методов. Современная ономастика является многогранной научной областью, объединяющей интересы и методы разнообразных философских, общественных и естественных наук. Ее развитие активно поддерживают филологи, лингвисты, литературные критики, фольклористы, лингвистические историки, социолингвисты, философские логики, общественные деятели, географы, психологи, этнографы, мифографы, астрономы и специалисты других научных областей. Ученые исследуют имена в разных сферах жизни, например, имена брендов, названия улиц и организаций. Исследования в данной области позволяют лучше понять принципы образования имен в современном социуме. Собственные имена могут присваиваться не только географическим объектам, созданным людьми, но также природным объектам и объектам, расположенным за пределами нашей планеты. Помимо этого, неотъемлемым компонентом ономастических исследований является использование логики, служащей скорее методом изучения, чем просто элементом данной науки.

Таким образом, толкование имени собственного должно базироваться, прежде всего, на традициях сравнительно-исторической лингвистики, а также принимать во внимание и достижения контактной теории языка, поскольку трудно назвать онимику, сформировавшуюся в моноэтническом окружении. Второй фактор привлекает значительное внимание исследователей, поскольку он требует детального исследования языковой истории региона формирования того или иного названия. Однако, невозможно обойтись без сравнения конкретного онима с формальным аналогом. Чтобы такое сравнение не оказалось поверхностным (случайным, при сравнении генетически несвязанных форм, возникших в процессе эволюции этих лексем), оно должно опираться на системе звуковых соответствий, установленной сравнительно-историческим лингвистическим анализом.

В общем, изучение русской ономастической лексики является важным и увлекательным направлением в лингвистике, которое позволяет расширить наши знания о культурных, исторических и социальных аспектах, связанных с русским языком. Благодаря таким исследованиям мы можем глубже понять собственную идентичность и

связь с предыдущими поколениями.

Литература

- Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1986. 223 с.
- Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 593 с.
- Горбаневский М. В. В мире имен и названий. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Знание, 1987. 206 с.
- Зварыкина И. С. Номинации мира природы Астраханского края в ономаσιологическом аспекте: автореф. дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2015. 22 с.
- Калинкин В. М. Поэтика онима: монография. Донецк: Юго-Восток, 1999. 408 с.
- Карпенко Ю. А. Имя собственное в художественной литературе // Филологические науки. 1986. № 4. С. 34-40.
- Пеньковский А. Б. Ономастическое пространство русского былевого эпоса как модель его художественного мира // Язык русского фольклора. Петрозаводск, 1988. С. 34-38.
- Скуридина С. А. Аспекты изучения ономастики Ф. М. Достоевского // Материалы по русско-славянскому языкознанию: междунар. сб. науч. тр. / науч. ред. Г. Ф. Ковалев. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2007. Вып. 28. С. 366-373.
- Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 365 с.

УДК 811.512.375

К вопросу о проблематике топонимии лезгин

The question of problematic of Lezgin toponymy

Л.Д. Рамазанова, преподаватель кафедры арабского языка Дагестанского государственного университета. г. Махачкала, Российская Федерация. E-mail: Sherifaliev.latifa@yandex.ru

L.D. Ramazanova, the lecturer at the Department of Arabic Language, Dagestan State University. Makhachkala, Russian Federation. E-mail: Sherifaliev.latifa@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются некоторые актуальные вопросы исследования топонимов, в частности микротопонимов, лезгин. Обосновывается мысль о том, что на функционирование топонимов влияют процессы урбанизации и угроза исчезновения топонимов, передача

топонимов из одного языка в другой и связанный с ней характер искажений, особенности языка, мышление народа и природная среда. При этом стиль мышления, восприятие мира через образы и представления отражаются на названиях географических объектов, их сохранности и использовании в повседневной жизни, а также в художественной практике.

Исследование проводится на собранном автором полевом топонимическом материале территории Ахтынского района Республики Дагестан [Полевой материал].

Ключевые слова: топонимия лезгин, сбор и фиксация, семантика, этимология, художественные образы, фольклорная топонимия, литературная топонимия.

Annotation. This article discusses problematic and promising issues in the study of toponyms and microtoponyms of Lezgins. The idea is substantiated that the functioning of toponyms is influenced by the processes of urbanization and the threat of loss of toponyms, the transfer of toponyms from one language to another and the associated nature of distortions, language characteristics, the thinking of the people and the natural environment. At the same time, the style of thinking, perception of the world through images and ideas are reflected in the names of geographical objects, their preservation and use in everyday life and in artistic practice too.

The study is carried out on toponymic field material collected by the author from the territory of the Akhtynsky district of the Republic of Dagestan [Полевой материал].

Keywords: Lezgin toponymy, collection and fixation, semantics, etymology, artistic images, folklore toponymy, literary toponymy.

В современный период топонимия является одной из актуальных тем исследования в области различных наук и важным направлением развития языкознания. Английский исследователь А.Д. Милс образно называет топонимы «лингвистическими полезными ископаемыми», «лингвистическими находками» (linguistic fossils) [Милс 1998: 220]. Именно в них сохранены древние лексико-грамматические формы языка и этническая картина.

В топонимии лезгин существует ряд проблем и перспективных направлений, целенаправленное исследование которых способно выявить новые сведения о языке, истории и мировоззрении народа в целом. Ниже рассмотрим некоторые из них.

1. Проблема безвозвратной утраты топонимического материала. Особую тревогу вызывает судьба незафиксированного топонимического материала целых исчезнувших и находящихся на грани исчезновения населенных пунктов лезгин и других народов Республики Дагестан. Процесс опустошения населенных пунктов непрерывный. В связи с переселенческими процессами высокогорных аулов на равни-

ну, в том числе в рамках государственной программы середины XX в., исчезли целые населенные пункты и вместе с ними – вся их система географических названий. Исчезновение топонимов является одной из причин забвения языка, истории и культуры народа. Поэтому тщательный и полный сбор и фиксация топонимического материала остается одной из актуальных задач специалистов различных областей науки. Другая сторона проблемы заключается в необходимости наиболее точной передачи и фиксации топонимов. А транслитерация, нередко сведенная к фонетическим нормам языков, чужих для лезгиноязычной территории (греч., лат., перс., араб., тюрк., рус.), приводит к последующим ошибкам структурно-семантического характера и искажению историко-культурного кода народа. С этим связана вторая важная проблема топонимии.

2. Проблема семантики в топонимии. В топонимии лезгин функционируют имена с открытой и закрытой семантической структурой.

Считается, что семантика прозрачна, если топоним поддается переводу на другой язык. Однако встречаются явления окказионального характера названий (в основе названия лежит единственный факт, случай и т. д.), ср.: микротопоним *Сиклер мягъле* букв. ‘Лисий квартал’ (Квартал тухума *Лисы*) (с. Хрюг). В действительности лис здесь не было. Название связано с тем, что однажды старший представитель тухума *Мхацар* (они были охотниками), чтобы похвастаться своей добычей, принес на годекан лису. С тех пор годекан стали называть ‘Лисий’, а тухум – ‘Лисы’. Таким образом, в связи с вероятной глубинной и поверхностной мотивировками необходимо исходить из некоторой условности семантики топонимов.

Закрытая семантическая структура может быть раскрыта в результате специальных этимологических исследований. В вопросах исследования древних топонимов наиболее плодотворным считается привлечение специалистов в области языка, истории географии, этнографии и анализ топонимов с учетом лингвистических особенностей и исторических фактов. В топонимии лезгин выявлен древний пласт названий с закрытой семантической структурой, ср.: *Алхъвар*, *Арахъияр*, *Балу*, *Клур*, *Кир*, *Лай*, *Лацар*, *Лука*, *Лутьлуь*, *Лухъве*, *Мушкъул*, *Мумул*, *Ниж*, *ШенкIве*, *Ражагъар*, *Рахпаргар*, *Сусугъ*, *Терхъев*, *Талха*, *ТумучI*, *Усак*, *Ужал*, *Хуна*, *Цула*, *Цангъа*, *Ченге*, *ЦуцIах*, *Чимен*, в том числе ойконимы *Ахцагъ*, *Мичегъ*, *Луткун*, *Цуругъ*, *Ялахъ*, *Ялцугъ*, *Чихъискар*, *Филисхъар* и т. д.

Итак, исследование второй группы названий (ср. *Ахцагъ*, *Мичегъ* и т. д.) с этимологической точки зрения показывает, что в их образовании принимают участие компоненты *цагъ//цугъ*, *чегъ//чагъ* ‘очаг, место, крепость’, *хъал//кIвал* ‘дом’, *кун* ‘место’, *хъан* ‘место’, *хъар//къар*

‘крытый двор’ (образованы на основе суффиксов *-хъ-*, *-кI-*, *-цI-*, *-чI-* и их рефлексов), которые, находясь по отношению друг другу в гиперогипонимических отношениях, восходят к абстрактному значению ‘место’. А основными мотивами номинации условно выступают естественно-географические условия местности, на которой проживали люди, названия родо-племенных союзов, владевших землями на этих территориях, а также названия божеств домонотеистических верований этих древних племенных союзов.

Таким образом, семантика и этимология топонимов представляет собой сложную задачу для исследователя. Современные интерпретации могут быть неточными, поскольку многие имена и формы были видоизменены и подвергались трансформации на протяжении многих лет, они вызваны изменениями в первоначальном значении языка и были утеряны.

3. Функционирование топонимов в художественной речи, в частности устном народном творчестве и профессиональной работе писателей и поэтов. Следует отметить, что в лезгинской филологической науке в указанном направлении исследований практически не проводилось. Это достаточно интересное направление в науке, поскольку дает возможность более глубоко рассмотреть языковые процессы, протекающие в связи с применением топонимов. Кроме того, дает сведения о стиле мышления, образе жизни, географических особенностях местности, где проживает носитель языка, т.е. тот или иной народ, а также о социально-политических и духовно-нравственных процессах в их историческом развитии.

В связи с вышесказанным рассмотрим некоторые лезгинские топонимы с метафорическим потенциалом в составе художественно-образных выражений, которые в сознании жителей исследуемой местности, вербализуют различные фрагменты экстралингвистической реальности, ср.

Гуьнейда чилер ава букв. ‘Имеет земли на Гюнейской стороне’, т. е. ‘состоятельный’, Гюнейская сторона – солнечная сторона, где жили представители древних родов, считавшихся основателями Ахцаха, и находились плодородные орошаемые земли;

Биши Самур хьтин букв. ‘Как глухой Самур’, т. е. ‘спокойный’. Реку Самур называют *Биши вацI*, потому что она тихая, спокойная по сравнению с ее бурным притоком Ахты-чаем;

Буьркьюь Ахты-чай хьтин букв. ‘Как слепой Ахты-чай’, т. е. ‘эмоциональный’. Реку Ахты-чай называют *Буьркьюь вацI* (ср. рут. *Чарагъан* ‘Молния’), потому что она бурная, стремительная, во время половодья наносит огромный ущерб населению;

Шарвилидин невеяр букв. ‘Потомки Шарвили’, т. е. ‘храбрые, отважные’; *Шарвили* – герой одноименного эпоса лезгин.

Большой интерес представляет и фольклорная топонимия народа как исторического, так и мифологического содержания.

4. Составление топонимических словарей, различных географических документальных источников (карт, справочников), энциклопедий. Важность подобной работы не вызывает сомнения: этническая история каждого народа неотделима от характеристики той местности, где он исторически проживал. Вместе с тем это бесценный материал для дальнейших исследований.

Топонимика так же, как и фольклор, является уникальным материалом для исследования в различных аспектах языка. Учитывая, что со временем число носителей подобной информации сокращается, ценность фиксируемых данных постоянно растет. А исследование топонимии в аспектах указанных проблем и перспективных направлений, в том числе недостаточная фиксированность топонимов и микро-топонимов, искажения в письменной передаче на лезгинском языке, транслитерации и переводе на другой язык, проблема семантики и этимологии, художественно-образной, фольклорной и литературной топонимии и т.д., позволит решить многие вопросы истории языка и народа в целом.

Таким образом, сбор и фиксация значительного фактического и научно-исследованного топонимического материала лезгин по всему ареалу проживания народа и в различных аспектах способно поднять собственно лингвистические и историко-этнографические исследования на новый уровень.

Литература

Mills A. Dictionary of English place names. Oxford: Oxford University Press, 1998, 411p.

Полевой материал автора Л.Д. Рамазановой. Ахтынский район Республики Дагестан. 2022–2023 гг.

Д.С. Самедов – доктор филол. наук, проф., зав. кафедрой русского языка ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет». г. Махачкала, Российская Федерация.

Составные названия животных в русском языке

В историко-этимологическом плане у составных названий животных (в широком смысле слова) внутренние образы мотивируются разными признаками.

1. Одним из таких признаков является цвет оперения птиц, шерсти животных или же цвет масти обозначаемого животного. Такие номинации представлены достаточно продуктивно: *красный волк*

(этих волков называют также *красными собаками*, так как по внешнему виду они напоминают собак), *синий кит* – самое крупное из известных науке млекопитающих синего цвета), *розовый фламинго* – красивые розовые птицы (но не всегда они розовые: окраска оперения колеблется от белого цвета до почти красного. Почему у них розовый цвет? Дело в том, что эти птицы в основном питаются водорослями, которые содержат красноватый пигмент; *большой голубой морфо* (очень редкая и красивая бабочка, крылья у этой бабочки изумрудные и темно-синие, напоминающие голубой цвет с блеском). По признаку цвета получили наименования и другие разные особи животного мира: *рыжая лисица*, *синий павлин*, *синяя муха*, *белый псец*, *таракан рыжий* и некоторые другие.

Отдельные цветочные прилагательные, используемые в характеризующих составных номинациях животных, являются производными от названий предметов-носителей определенного цвета: *коровый* ← *кровь*, *золотой* ← *золото*, *гиацинтовый* ← *гиацинт* (садовое растение): *золотой фазан* (обитает в заросших кустарником и бамбуком горных районах Китая); *муравей коровый* – голова у муравья красная, а грудь темно-бурая (отчего и называли так – *коровый*) и другие.

Анализ примеров свидетельствует о том, что в качестве определительно-оценочных компонентов чаще выступают не производные от существительных цветочные прилагательные, а непроизводные с точки зрения современного состояния русского языка цветочные прилагательные.

Цветочные прилагательные употребляются также в составных номинациях, которые характеризуют разновидности, породы тех или иных животных: *красная степная* (порода крупно-рогатого скота); *красная тамбовская* (порода скота, выведенная в Тамбовской области: в данном случае в качестве мотивирующих используются два признака – цвет (*красный*) и место выведения породы (*Тамбовская область*), *калужская порода* (крупно-рогатого скота) и др.

2. Вторым признаком, мотивирующим составные номинации животных, выступает место их обитания. Это может быть:

а) какая-либо страна или часть ее территории (*Канада*, *Япония*, *Австралия*, *Америка*, *Индия*; *Маньчжурия*): *американские обезьяны*, *канадский олень*, *японские макаки* – (обезьяны), *индийский слон*, *уссурийский тигр*, *габонская гадюка* (самая крупная из гадюк), *амурский тигр*, *колорадский жук*, *маньчжурские журавли* и др. Это достаточно продуктивная группа номинаций животных.

Наиболее общим мотивирующим признаком в отдельных случаях выступает название не всей территории или части территории какой-либо страны, а такие понятия, как «север» или «юг»: ср. *северный*

олень.

б) основанием для номинации животных могут быть названия островов, где обитают животные, морей, озер: *комодский варан* – это самая крупная в мире ящерица, которая обитает на острове Комодо), *галапагосские черепахи*, *галапагосские пингвины*, *байкальская нерпа* (единственный представитель пресноводных тюленей, обитающих только на берегах озера Байкал) и т.д.

в) в группе составных номинаций может быть использовано название места выведения пород животных (обычно это породы домашних животных, выведенные в разных губерниях дореволюционной и советской России или в регионах бывшего государства СССР): *орловский рысак*, *киргизская лошадь*, *башкирская лошадь*, *кабардинская порода* (лошадей) и т.д.

3. Ряд рассматриваемых номинаций мотивируется условиями и средой их обитания, т.е. внутренние образы актуализируют то, в каких условиях и среде обитают характеризующиеся животные: в водной среде, в траве и кустарниках, в норах или на лугу, в снежных горах или в комнатных условиях ближе к человеку и т.д. В зависимости от этого можно выделить следующие подгруппы:

а) номинации по признаку обитания животных в морских или других водных условиях: *морской слон* – это самый крупный ластоногий, как и морж. Почему его называют морским слоном? Из-за носа, который на конце морды висит как бы мешком, напоминающим небольшой хобот; *морской конек* – это рыбка причудливой формы, обитает она среди морской травы, поэтому и называется морским, а голова рыбки, плавающей в вертикальном положении, напоминает маленькую мордочку лошади, отсюда и второй компонент номинации – конек; *водомерка прудовая* (*вид стрекозы*), *скорпион водяной* – в основном обитает в среде, связанной с водой;

б) животные, обитающие на полях, лугах, кустарниках и соответственно получившие мотивированные этими экстралингвистическими факторами названия: *луговая собачка* – американский грызун, очень похожий на собак; *кустарниковая собака* (она предпочитает селиться в зарослях кустов, в тропических лесах Южной Америки); *камышовый кот* – обитает в болотистых местностях Юго-Восточной Азии.

в) животные, обитающие в горных скалистых местах: *горный тур*, *каменный баран* (обитает в скалистой местности), *цикада горная* (*насекомое*);

г) номинации, связанные с названиями животных или предметов пользования, на которых паразитируют эти животные (например, насекомые): *блоха собачья*, *клоп постельный* и др.

Наиболее общими названиями ряда животных, отличающихся

дикими (не домашними) условиями обитания, можно считать следующие: *дикий осел, дикая утка/кряква, дикая кошка* и некоторые другие.

Мотивирующими признаками составных названий животных могут быть также:

а) поведение животных, их характерные движения (*дикие нырковые утки, индийские бегуны*),

в) приносимая человеку польза (*яичные утки, мясные утки*).

В отдельных случаях имеет место совмещение двух мотивирующих признаков: *дикая лесная кошка, дикая степная кошка; серая украинская утка* и др.

4. Имеет место обоснование внутренних образов номинаций животных по признаку сходства с другим животным или с предметами по какому-либо признаку (внутренние образы строятся на компаративной основе).

В части таких названий второй компонент сложного по структуре наименования представлен связанными словообразовательными средствами типа *-образный, -видный*: *енотовидная собака, жирафовая газель* (у нее такая же длинная шея, как у газели); *научнообразная обезьяна* – одна из самых ловких и проворных обезьян в Южной Америке. *кошачий лемур* (полосатый хвост лемура похож на кошачий); *мраморный тюлень* – самый маленький из тюленей, тело которого покрыто пятнами, напоминающими «пятнистые» узоры на мраморе, *лошадиные антилопы* – антилопы, внешне (ассоциативно) напоминающие лошадей.

Разновидностью таких по структуре номинаций являются сложные по структуре наименования: *клоп-солдатик* (его грудь и брюшко сверху покрыты красивым узором, который напоминает яркую парадную форму гусар 200 лет назад); *жук-олень* (получил свое название от особого строения верхних челюстей самцов, которые напоминают оленьи рога).

5. Номинации по признаку части тела животных и птиц, как свидетельствует материал исследования, обосновываются не только сходством с другими животными, но и признаками, связанными с их частями тела (форма, размер, цвет, сходство с другими предметами и т.д.): *гривистый волк* (на шее и спине у него небольшая грива, хотя мордой похож на лису, и в повадках у него много лисьего, за что в Южной Америке по-другому называют *большой лисой*); *четырёхрогая антилопа* (обычно рога бывают у самцов), *ушастая собака* (это животное, похожее на лису, обитает в Южной Африке, имеет большие и чуткие уши); *одногорбый верблюд, двухгорбый верблюд, винторогий козел, птица-носорог* (имеет длинный толстый клюв с особым наростом, как у носорога).

Номинации животных и птиц такого типа формируют одну из продуктивных групп, интересных по этимологическому признаку, свидетельствующему об образных ассоциациях, легших в основу тех или иных номинаций.

6. Номинации по признаку внешнего вида и размеру животных: в данную группу входит небольшое количество составных наименований животных и насекомых, обитающих в разных странах и в разных условиях и среде обитания: *коровка семиточечная* (из семейства *божьей коровки*; у нее на красном тельце семь черных точек); *жук-геркулес* (это самый крупный жук на планете), *пятнистый олень* – мотивирующим признаком послужили пятна на теле животного. По признаку размера названы панды, обитающие в основном в Китае: *Большая панда*, *Маленькая панда*.

7. Мотивирующим номинацию может быть способ питания: В эту непродуктивную группу можно включить следующие номинации: *большой муравьед*, *орел-рыболов*, *бамбуковый медведь* (очень похож на обычного медведя, но это панда – большая любительница стеблей бамбука).

8. По признаку поведения или образу жизни названы *обезьяны-ревуны*, *летучая мышь* (это вовсе не мыши, а особая группа зверьков – рукокрылых, у них вместо передних ног два костистых крыла, и они машут ими, как птицы (т.е. летают)); *ядовитая лягушка* (она вырабатывает смертоносное вещество, которым индейцы амазонских лесов смазывают наконечники стрел; *рисса усердная* (это насекомое, которое тщательно (= усердно!) обследует деревья, прощупывая кору своими усиками и безошибочно определяет то место, где прячется личинка вредителя; *кузнечик певчий*, *гремучая змея*, *двокодышащая рыба* (рыба названа по способу дыхания), *дровосек усатый* (насекомое).

9. В историко-этимологическом плане и с точки зрения русской языковой картины мира представляют интерес названия животных, мотивированные несколькими признаками: *тля яблонная зеленая*, *муравей рыжий лесной* (водится в лесу и имеет рыжий цвет), *американская белая бабочка* – водится в Америке, у нее крылья белоснежные с темными пятнами, *пенница слюнявая* (это насекомое, которое на траве оставляет комочки пены, похожие на слюну и защищающие их от сухости; в народе эти комочки пены называют «кукушкиными слезами», хотя эти комочки оставляет не кукушка, а похожие на зеленых червячков личинки *пенницы слюнявой*), *шерстистый носорог*, *красный плодовый клещ* и др.

10. Отдельные названия насекомых мотивируются указанием на время их появления или авторство открытия. К числу таких номинаций можно отнести название насекомого-вредителя *майского жука*

(сильно объедает листья, но, появившись в мае, живет всего несколько месяцев). В эту же группу можно отнести и *лошадь Пржевальского*, которая была открыта в 1878 году в Центральной Азии русским ученым Н.М. Пржевальским.

Список источников

1. Атлас животных. – Смоленск, 2011.
2. *Акимушкин, И.И.* Рассказы о животных / И.И. Акимушкин. – Москва 1982.
3. Большой толковый словарь русских существительных/под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – Москва, 2005. Раздел «Существительные, обозначающие животное как организм».
4. Животные. Детская энциклопедия. – Москва: Изд-во «Махаон», 2012.
5. Советский энциклопедический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1988.
6. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка. Тт.1-4. Перевод с нем. и доп. О.Н. Трубачева/М. Фасмер – Москва, 1964-1973.
7. Языковая номинация. Виды наименований. – Москва, 1990.

*Сиражудинов Р.М., к. филол. н., доцент кафедры дагестанских языков
Дагестанского государственного университета
(г. Махачкала, Дагестан).*

СУФФИКСАЛЬНЫЙ СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В АНДИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Суффиксальный способ словообразования существительных является важнейшей словоизменительной категорией в нижеандийском говорах.

В научной литературе этому вопросу уделялось довольно значительное внимание, но, несмотря на это, следует отметить, что образования форм множественности до конца еще не раскрыты, в котором господствует суффиксальный способ форм множественности. Только в редких случаях в диалектах встречаются имена существительные, в образовании множественного числа которых участвуют как суффиксы, так и префиксы – классные показатели.

Ключевые слова: *суффикс, словообразование, существительное, андийский язык.*

*Sirazhudinov Rajab Magomedgazievich,
PhD in Philology, Associate Professor
Of the Department of Dagestan Languages,
Dagestan State University (Makhachkala, Dagestan).*

SUFFIXAL WAY OF WORD FORMATION OF NOUNS IN THE LOWLANDIC LANGUAGE

Annotation. The suffixal way of word formation of nouns is the most important inflectional category in the Lowland dialects. In the scientific literature, considerable attention has been paid to this issue, but, despite this, it should be noted that the formation of plurality forms has not yet been fully disclosed, in which the suffixal method of plurality forms prevails. Only in rare cases there are nouns in dialects, in the formation of a plurality of which both suffixes and prefixes are involved – class indicators.

Keywords: suffix, word formation, noun, Andean language.

В современный период, в условиях динамичного развития дагестанского языкознания, особое значение приобретает исследование различных говоров, диалектов и бесписьменных дагестанских языков, среди которых можно отметить и андийский язык, к сожалению, не избалованный вниманием исследователей.

Имя существительных является важнейшей словоизменительной категорией нижне-андийского языка. Большинство существительных имеет числовое противопоставление своих форм. В научной литературе этому вопросу уделялось довольно значительное внимание, но, несмотря на это, следует отметить, что закономерности образования форм множественности еще не исследованы до конца. Как в аварском языке, так и андийских языковых говорах господствует суффиксальный способ форм множественности.

Словарный состав андийского языка постоянно пополняется. Средства и способы пополнения словарного состава различны. Самый главный способ – это образование новых слов. Способы образования новых слов также различны. Один из распространенных способов образования новых слов и, соответственно, пополнения словарного состава языка – это словосложение.

Андийский язык – самый крупный язык андийской группы, которая входит в более крупную аваро-андоцезскую группу и является бесписьменный. Население пользуется в качестве литературного языка аварским (школа, печать, делопроизводство), который широко распространен среди андийцев» [Алексеев 1999: 251].

Сложение основ является одним из распространенных способов образования новых существительных, сложных слов.

В Андийском языке в редких случаях встречаются имена существительные множественного числа, которых участвуют как

суффиксы, так и префиксы – классные показатели, например: «Имени существительному андийского языка присуща категория множественного числа и господствует суффиксальный способ образования форм множественности [Агларов 2002:48].

Существительные образуются сложением существительных, прилагательных и существительных, числительных существительных и т.д.

а) Сложением существительных образованы существительные: *босокуси* «цвет», «форма» от *босо* «цвет», *куси* «форма»; *бошиццлекла* «мизинец» от боши «цыпленок», *ццлекла* «палец»; *гвинццла-рейллул* «коробка с дверью» от *гвинццлу* «дверь», *рейллул* «порог»; *гунццлитуртиллулла* «смешанная еда, мед, лен, масло» от *гунццли* «мед», *турти* «лен», *ллулла* «масло»; *гунчлчлур* «фураж» от *гунчла* «сено», *члур* «порох»; *кочлол* «палка для сдерживания сена» от *ко* «ручка», *члол* «дратва»; *кванкваресси* «горло, пищевод» от *кванква* «горло», *ресси* «пищевод»; *клорклоншен* «град» от *клорклон* «яйцо».

б) Сложением прилагательных и существительных образованы существительные: *гикьуссиреххон* «нижнее соседство» от *гикьусси* «нижнее», *реххон* «соседство»; *гилассиреххон* «сверхнее соседство» от *гиласси* «верхнее», *реххон* «соседство»; *цлоторцла* «радуга» от *цлотор* «божественный», *цла* «огонь»; *цлоторцлив* «блестящий черный камень» от *цлотор* «божественный», *цлив* «лук».

Сложением основ числительных и существительных образованы существительные: *члегъажу* «лямка, веревка для носки тяжестей» от *члегу* «два», *гъажу* «рука от плеча до кисти»; *льоблала* «три этажа, слоя» от *льобгу* «три», *лала* «этаж, слой»; *бокъгобиклун* «четыре угла» от *бокъгогу* «четыре», *биклун* «угол».

Повторением одинаковых основ образованы существительные: *гвар-гвари* «шум», *двар-двари* «шопот», «шум», «грохот», *кьир-кьирри* «скрипение», *хъвай-хъвай* «запись», *хъвар-хъвари* «шум».

Повторением основ с заменой первой согласной второй основы согласными звуками *-м*, *-к*, *-чл* образованы существительные: *-м-вахар-махар* «житье-быть», *гунчла-мунчла* «фураж и прочее», *зийан-мийан* «ущерб и прочее», *кьхва-мехва* «пыль и прочее загрязнение», *ленищур-менищур* «мука и прочее», *луди-муди* «дрова и прочее», *рела-мела* «рука и прочее», *соси-моси* «сало и прочий жир», *хурши-мурши* «шерсть весенней стрижки и прочее», *ццлертти-мерти* «грязь и прочее»;

Образование множественного числа имен существительных,

В некоторых говорах андийского языка множественное число имен существительных образуется при помощи суффиксов. Суффиксы прибавляются в одних словах к неизменяемым основам, в

других случаях к изменяемым основам существительных единственного числа, именительного падежа. Суффиксы эти следующие: *-л, -о, -ол, -бил, -бол, -добил, -дул, -лал, -лил, -лол, -дил, -ал, -нил, -нол*.

В образовании множественного числа наибольшую активность проявляет звук *-л*, который действует самостоятельно в качестве суффикса или вступает в комплекс звуков других суффиксов. Разбор суффиксов, образующих множественное число имен существительных, следует начать с суффикса *-л*.

В Андийском языке в редких случаях встречаются имена существительные множественного числа, которых участвуют как суффиксы, так и префиксы – классные показатели, например: «Имени существительному андийского языка присуща категория множественного числа и господствует суффиксальный способ образования форм множественности [полевой материал].

При образовании множественного числа *суффикс -л* прибавляется к неизменным и изменяемым основам имен существительных единственного числа:

а) к неизменным основам после конечных гласных: а, е, и, о, у прибавляется суффикс *-л*: игъа «войско» – игъал, инква «подвода» – Пиквал, мигва «веретено» – мигвал, миса «место» – мисал, улка «страна» – улкал, хатла «ошибка» – хатлал.

б) Конечный гласный основы слова изменяется. При этом происходят различные фонетические изменения. Гласный – основы *-а* заменяется на *-и, -о, -у*; *а-и*: ича «кобыла» – *ичал, тлука* «козел» – *тлукил, ххунтла* «свинья» – *ххунтлил*.

Согласный основы выпадает – *йешикла* «женщина» – *йешил*;

а-о: *берка* «змея» – *беркол*, гъунчла «сено» – гъунчол, гъокъгийа «межа» – гъокъгийол, гъокъийа «охапка» – гъокъийол, гъушкланкла «синица» – гъушкланклол, никлапа «чуб», «волосы» – никлапол, ничла «овод» – ничлол;

Часть основы слова выпадает – кунтлакла – «мужчина» – кунтлал

а -у: иходуша «мельник» – иходушул, ишоша «пастух» – ишошул, *нассилаша* «сапожник» – *нассисашул*, пердаша «пчеловод» – *пердашул, редаша* «пастух табуна» – *редашул*, хорошо «пастух овец» – *хорошул* [Полевой материал].

Множественное число имен существительных образуется и при помощи суффикса *-бил* от неизменной, изменяемой основы единственного числа:

а) к неизменной конечной гласной основы *-о* прибавляется суффикс *-бил*: *гъинцло* «камень» – *гъинцлобил*, *къонно* «нога» – *къоннобил*, *нико* «нога» – *никобил*, *цлцлунно* «пуп» – *цлцлуннобил*.

б) к измененному конечному гласному основы прибавляется суффикс **-бил**. Конечные гласные **а, и, у** меняются на **-о**:

а – *буришина* «ватрушка» – *буринобил, гиза* «корзина»

о: *гизобил, джинна* «деревянная ложка» – *джиннобил, жуна* «подбородок» – *жунобил, ила* «мать» – *илобил*, *кока* «женская грудь», «сиська», «сосок» – *кокобил, уклоклоча* «кувшин для воды из тыквы» – *клокlochобил, рела* «рука» – *релобил, цлцлекла* «палец» – *цлцлекобил, чукла* «нога», «ступня» – *чукобил, члинклина* «род моли»;

и – **о**: *алкуци* «петух» – *алкуцобил, анжиди* «топор» – *анжидобил, аракъги* «водка» – *аракъгобил, гараци* «жердь с сучьями» – *гарацобил, гардисси* «воротник» – *гардиссобил, гвадачи* «перчатка» – *гвадачобил, гежи* «сука» – *гежобил, тлоротли* «верзила» – *тлоротлобил, чайникли* «чайник» – *чайниклобил, чаллахъи* «наблюдательный пункт» – *чаллахъобил, чанагъи* «сани», «челюсть» – *чанагъобил, челеки* «ведро»;

у – **о**: *ахъу* «таз» – *ахъобил, ахъодул, ашдагъу* «дракон» – *ашдагъобил, геду* «кошка» – *гедобил, горзу* «щека» – *горзобил, гъакъу* «комната» – *гъакъобил, гъаркъу* «коса», «волосы» – *гъаркъобил, гъарклу* «глаз» – *гъарклобил, гъинцлцу* «дверь» – *гъинццлобил, гъолишу* «грудная часть» – *гъолишобил, гъолу* «грудинка» – *гъолобил, кицлу* «серьга» – *кицлобил*.

Множественное число существительных образуется и при помощи **суффикса -бол**, который прибавляется к неизменной и изменяемой основе единственного числа [Салимов 1968:97].

а) к неизменной основе суффикс **-бол** прибавляется после гласного основы двухсложных слов: *йецци* «сестра» – *йеццибол*, *йешкли* «кукла» – *йешклибол*, *кбури* «скала» – *кбурибол*, *кварчли* «палка с круглым концом» – *кварчлибол*, *ресси* «пищевод» – *рессибол*.

в) – *гурдо* «рубашка» – *гурдибол, кьерчло* «жердь» – **и**: *кьерчлибол, клурццло* «сучок» – *клурццлибол, херто* «затылок» – *хертибол*.

Множественное число может образоваться и при помощи суффикса **-добил** от неизменных основ существительных единственного числа.

а) к неизменной основе слова суффикс **-добил** прибавляется редко: *за* «кулак» – *за+добил*.

б) к неизменяемой основе прибавляется суффикс часто. При этом конечный гласный основы **-у-** подвергается редукции: *гару* «шея» *гардобил*, *илакьеру* «теща» – *илакьердобил*, *имакьеру* «тесть» – *имакьердобил*, *кору* «кувшин» – *кордобил*, *кыру* «мост» – *кырдобил*, *лыру* «крыло» – *лырдобил*, *магъару* «кебин» – *магъардобил*, *озолу* «шелковый платок».

Множественное число существительных образуется и при помощи **суффикса -дул**, который прибавляется к неизменной и изменяемой основе единственного числа и к неизменной основе прибавляется после конечного гласного **а** и согласного **о**:

<i>един. ч.</i>	<i>един. ч.</i>	<i>множ. ч.</i>	<i>множ. ч.</i>
<i>бишо</i>	шуба	<i>бишо+дул</i>	шубы
<i>гьанкло</i>	гвоздь	<i>гьанкло+дул</i>	гвозды
<i>гьиро</i>	туман	<i>гьиро+дул</i>	
ничо	серп	ничо+дул	
лабур	грудь	лабур+дул	

Суффикс -лол образует множественное число существительных от неизменных и наращенных основ единственного числа и прибавляется к конечному гласному неизменной основы: *мижа* «пятка» – *мижа+лол*, *миццли* «клевета» – *миццли+лол*, *мульа* «ноготь», «коготь», «копыто» – *мульа+лол*, *рижа* «шнур обуви» – *рижа+лол*, *угьу* «кашель» – *угьу+лол*, *эхи* «сланец» – *эхи+лол*.

Множественное число существительных образуется при помощи **суффиксов -ал, -дил, -нил, -нол** при редукции основы редко.

-ал: <i>льедир</i> «теленок» – <i>льерал</i>	-дил: <i>бура</i> «ягненок» – <i>бурдил</i>
-нил: <i>цлцлийа</i> «коза» – <i>цлцленил</i>	-нол: <i>зив</i> «корова» – <i>зинол</i>

Существительные, употребляющиеся в форме только единственного или множественного числа.

а) Существительные, употребляющиеся только в форме единственного числа, и относятся слова: *баъли* «черешня», *гьургьи* «карагач», «ягоды карагача», *гьава* «воздух», *жага* «вишня», *жимии* «кизил», «ягоды кизила», *кару* «тут», «тутовник», *куди* «износ», *къекла* «моль», *лумийа* «кушанье при надрыве», *лъоланкло* «подкова», *решу* «лес», *тленелу* «чечевица», *хола* «перхоть».

б) Многие существительные в говорах андийского языка образуют множественное число различными суффиксами:

суффикс- л, -дул: *гьабу* «уголь» – *гьабол, гьабодул*;

суффикс- ил, -ол: *акъграб* «скорпион» – *акъграбил, акъграбол*;

суффикс- ил, -дул: *шен* «семя» – *шенил, шенадул*;

суффикс- ол, -дул: *багьадур* «герой» – *багьадурол, багьадур-радул*;

суффикс- бил, -дул: *ахъу* «таз» – *ахъобил, ахъодул*;

суффикс- дул, -добил: *гьванари* «верблюды» – *гьванардул, гьванардобил*;

суффикс- дул, -ил: *къинком* «бычок» – *къинкомадул, къинкомил*;

суффикс- лол, -бил: *мижа* «пятка» – *мижалол, мижобил*;

суффикс- ал, -дул: *льедир* «теленок» – *льерал, льедирдул*;

суффикс- дул, -лол: *мицӀцӀи* «язык», «клевета» – *мицӀцӀадул*, *мицӀцӀилол*.

В результате этого на стыке аварско-андо-дидойских языковых контактов в андийском языке возник гибридный по своему генезису способ словообразования.

Таким образом, образование множественного числа существительных в говорах селений Гагатль, Анди, Риквани и Зило происходит в основном при помощи одинаковых суффиксов. В то же время в употреблении их в этих говорах встречаются и некоторые отклонения. Категория числа имен существительных является важнейшей словоизменительной категорией андийского языка. Большинство существительных имеет числовое противопоставление своих форм. В научной литературе этому вопросу уделялось довольно значительное внимание. Несмотря на это, следует отметить, что закономерности образования форм множественности еще не раскрыты до конца. В андийском языке господствует суффиксальный способ форм множественности. Только в редких случаях в диалектах встречаются имена существительные, в образовании мн. числа которых участвуют как суффиксы, так и префиксы – классные показатели.

Список использованной литературы

1. Агларов, М.А. Андийцы XIX – нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование: монография М. А.Агларов. – Махачкала, 2002.
2. Алексеев, М.Е. Андийские языки М.Е. Алексеев Языки мира: кавказские языки М.Е. Алексеев. – Москва, 1999.
3. Салимов Х.С. Гагатлинский говор андийского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. С.Х.Салимов – Махачкала, 1968.
4. Полевой лексический материал автора сел Нижне-андийских сел Ботлихского района.

Сопоставительный анализ концепта «свадьба» в лезгинской, русской и английской языковой картине мира

Comparative analysis of the concept “wedding” in the Lezgin, Russian and English linguistic picture of the world

З.Т. Таджибова, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода» Дагестанского государственного университета народного хозяйства. Г. Махачкала, Российская Федерация. E-mail УДК 81'271'373:37

Z. T. Tadzhibova, Candidate of Philology, Associate Professor of

the Department of Theory and Practice of Translation, Dagestan State University of National Economy. Makhachkala, Russian Federation.

Аннотация. Исследование посвящено сравнительно-сопоставительному анализу культурного концепта «Свадьба» в зеркале фразеологической картины мира лезгинского, русского и английского языков. В ходе анализа выявляются тематические подгруппы: предсвадебный период, период совершения свадебного обряда и период замужества. Раскрываются универсальные и культурно-специфические признаки концепта «свадьба» в языковой картине мира. Научная новизна заключается в комплексном анализе понятия «Свадьба», а также в выявлении универсальных и уникальных особенностей свадебных обрядов исследуемых языков и культур. В результате, автор приходит к выводу о том, что понятие и восприятие обрядовых фразеологических единиц имеет важное значение в формировании языковой картины мира и позволяет нам получить более полное представление о культуре, традициях и ценностях.

Ключевые слова: концепт; сравнительно-сопоставительный анализ; обряды и традиции; языковая картина мира; фразеологические единицы.

Abstract. The study is devoted to a comparative analysis of the cultural concept “Wedding” in the mirror of the phraseological picture of the world of the Lezgin, Russian and English languages. The analysis identifies thematic subgroups: the pre-wedding period, the period of the wedding ceremony and the period of marriage. The universal and culturally specific features of the concept “wedding” in the linguistic picture of the world are revealed. The scientific novelty lies in the comprehensive analysis of the concept of “Wedding”, as well as in identifying the universal and unique features of wedding rituals of the languages and cultures being studied. As a result, the author comes to the conclusion that the concept and perception of ritual phraseological units is important in the formation of a linguistic picture of the world and allows us to gain a more complete understanding of culture, traditions and values.

Keywords: concept; comparative analysis; rituals and traditions; linguistic picture of the world; phraseological units.

В ходе исторического развития народы проходят через различные этапы, которые оказывают влияние на их духовную культуру. Например, изменения в политической системе, социальной структуре или экономике могут привести к изменению ценностей и взглядов на мир у этноса. Эти изменения не могут не отразиться на языке народа. Язык является основным средством коммуникации и выражения мыслей, поэтому он непосредственно связан с мировоззрением этноса. В лексике и фразеологии народа отражены его особенности, уникальные представления о мире, ценностях, религии, традициях и обычаях.

В работе рассматриваются особенности концептуализации и вербализации концепта «Свадьба» в разных языковых картинах мира. В ходе анализа нами были выделены следующие тематические под-

группы фразеологических единиц: предсвадебный период, период совершения свадебного обряда и период замужества.

Прощание с родительским домом и с холостяцкой жизнью, и по сей день является неотъемлемой частью предсвадебно-бытовой обрядности. Нами были выявлены ФЕ, имеющие в своей основе прототип «девичник», например, фразеологизм английского языка «hen party» имеет аналог «мылом кидать» в русском языке и «рушарин межлис» в лезгинском языке. «Hens party» или «Hens night», дословно «куриная вечеринка» этот девичник, на который собираются подружки невесты перед свадьбой. «Hens party» — это сугубо женская вечеринка, на которой подружки устраивают веселые проводы незамужней жизни, рады за невесту и желают ей счастья замужем. Всего две

У лезгин девичник устраивался в доме невесты. Девичник состоял из близких родственниц и подруг невесты, с обязательным угощением и назывался «тухузвай рушан квалле вилик квай нянихъ рушарин междис» (дословно «вечернее собрание девушек перед домом невесты»). Примеры, обнаруженные в английском и лезгинском языках, являются полными семантическими эквивалентами. В русском языке ФЕ «мылом кидать» отличается по значению, и связан с обрядом гадания. Так, перед свадьбой невеста мылась в бане мылом, присланным суженым. Что интересно, особенную роль в свадебных обрядах играло именно это мыло. Невеста, помывшись мылом, которое ей подарил жених, бросала его через плечо вместе с веником и лентой из косы, и та подружка, которой удавалось поймать один из этих предметов, согласно поверьям, должна была в скором времени тоже выйти замуж [Соколова 2015].

Эквивалентом женского рода – «hen party», «hen night» – «вечер курочек», девичник является ФЕ мужского рода – «stag party» – «олений вечер», мальчишник. Это выражение пришло из США в середине XIX в. Оно относится к вечеринке, на которой присутствуют только мужчины, и которая обычно устраивается накануне свадьбы одного из присутствующих [English-Russian dictionary of expressions 2023].

По Русским традициям мальчишник (пирушка жениха с товарищами) устраивался накануне свадьбы в доме жениха. На мальчишник собирались друзья жениха, что провести с ним холостяцкую жизнь. Обряд не носит обязательный порядок и не всегда соблюдается, в отличие от девичника.

Что касается лезгинских традиций, то перед свадьбой жених со своими друзьями шел купаться на реку, после чего его одевали в свадебную одежду, и он уходил в дом самого близкого родственника, где веселье шло отдельно, для узкого круга.

В данной подгруппе встречается либо частично эквивалентная лексика, либо безэквивалентные ФЕ. Таким образом, все приведенные

фразеологизмы имеют одно и то же значение «девичник»/ «мальчишник», но этот обряд концептуализирован по-разному.

Сходными по семантическому компоненту являются ФЕ английского языка «offer smb. one's hand», «win smb's hand/win smb's heart», ФЕ русского языка «просить руки с сердцем», «сделать предложение» и ФЕ лезгинского языка «гаф къачун» (досл. «слово взять») сделать предложение. Они включают в себя общий прототип «предложить выйти замуж». Английские и русские примеры содержат сомати́змы «рука» и «сердце», которые символизируют супружескую жизнь, любовь и верность. В лезгинской культуре, основанной на горских адатах одним из главных качеств, было умение держать данное обещание и отвечать за сказанное, поэтому такое важное значение вкладывается в лексему «слово». Дав слово, девушка не может его забрать и нарушить обещание и наоборот взяв слово, мужчина не может его вернуть и тем самым опозорить свой род.

В некоторых лезгинских семьях назначался специальный день для обручения «лишан ктун» (досл. «метку ставить»). В своем значении фразеологизм отражает представления лезгин о чести и достоинстве девушки, если на ней «метка» значит она занята, засватана и становится запретной для всех остальных ухажеров. Родители жениха приносили подарки невесте и ее близки родственникам (матери, отцу, родным братьям и сестрам). В день помолвки приходили гости со стороны жениха с музыкой и танцами, дарили подарки и часть выкупа, надевали кольцо на палец невесты «тупал кутун», что «означало совершение обряда обручения, и невеста считалась окончательно засватанной» [Агаширинова 1964].

Особый интерес представляет тематическая подгруппа ФЕ, в основе которой лежат прототипы, указывающие на участников свадебного торжества. К ним относятся жених и невеста, имеющие в своей основе прототипы «будущая жена»/ «невеста» и «будущий муж»/ «жених». При анализе фразеологизмов английского языка обнаружены ФЕ «Mrs. Right» и «Mr. Right», в русском самыми яркими примером является: «молодая княгиня» и «молодой князь», в лезгинском хъвехъ (сосватанная девушка), ччам (жених). В английском языке также употребляется ФЕ «one's old Dutch» (супруга, жена, букв. «ч-л старая голландка»). Это выражение связано с рифмованным сленгом кокни и не имеет ничего общего с голландцами. Данная ФЕ не нашла аналогов в русском языке. Однако в лезгинском языке есть выражение «я къари» (букв. «моя старушка» – обращение к жене) и «я къуджа» (букв. «мой старик» обращение к мужу), что полностью соответствует английской ФЕ. Также, в ходе анализа нами была обнаружена сходная по семантике и по структуре ФЕ «one's good lady» (супруга, жена).

ФЕ английского языка «maids of honour» (букв. «слуги чести»)

имеет значение подруги невесты, а также родственники невесты, охраняющие брачное ложе до прихода молодых, родственники невесты, дети со стороны родных невесты и т.д. В лезгинском языке друзьями жениха называют «енгияр», «наибар», у кубинских лезгин еще «пакаул». Объяснить значение последнего слова можно, разложив его по морфемному составу, где «пакам» означает «утро», «ул» переводится как «глаз». Таким образом, друг или охрана жениха ничто иное как «утренний глаз», следящий за соблюдением всех горских адатов. Невесту именуют: «свас», а ее подруг – «наибар», «енгияр».

Заметим, ФЕ русского языка друзья жениха имеет в своей основе тот же прототип, что ФЕ (дружки жениха) в лезинском «чамран дустар». Следует отметить, что в связи с многочисленными свадебными традициями у лезгин также много участников этих обрядов, причем каждый имеет свое название и выполняет определенные функции до, во время и после свадьбы. Например, традиция, согласно которой избирали главного тамаду, который именовался «шах маджлис». «Шах маджлис» следил за порядком на свадебном торжестве.

Среди примеров английского и русского языков нами были выявлены ФЕ «bridal party» (родственники невесты) и сходная по семантике ФЕ «свадебный поезд» (вереница саней или телег, едущая за невестой). Эти ФЕ сходны по своей внутренней форме и имеют более широкое значение нежели ФЕ лезгинского языка, где нет общего названия для свиты невесты, но есть отдельные участники обряда. Так, в состав свадебной свиты входили самые близкие люди, в том числе и сестра жениха «гъенге вах». В отличие от других женщин – родственниц, она одевала красный платок как символ любви и несла зеркало как символ чистоты.

Неотъемлемым атрибутом свадебных торжеств у лезгин являлись скачки – «ччамар чукурун» (букв. «скачки жениха»). Еще с вечера хозяин свадьбы сообщал тем, кто будет участвовать на скачках «ччамариз фидайбуруз т1вар – яда». С каждой стороны назначались организаторы и контролеры свадебных мероприятий, которых называли «чархачияр». Чтобы отличить «чархачи» от других участников, на их шею надевают женский головной убор («буьшме»), или дорогие материи красного цвета.

Прослеживается четкая связь сопоставляемых выше примеров, дающих описание родственников невесты, с ФЕ, характеризующими родных со стороны жениха, аналоги которых обнаруживаются в русском и лезгинском языках. Фразеологизмы русского языка «средние бояре» (свита жениха) и «большие бояре» (свидетели со стороны жениха) имеют аналог «ччамран дустар» (дружки жениха) и «ччамран нийибар» (свидетели жениха) в лезгинском языке. Таким образом, можно утверждать, что прототипы «свидетель», «свидетельница»,

«родные жениха», «родные невесты», безусловно, находят свое отражение в анализируемых нами единицах английского, русского и лезгинского языков, но в лезгинском языке больше участников обрядов и соответственно лексем их обозначающих.

С бракосочетанием связано еще несколько пословиц и поговорок. У англичан есть такие выражения, обозначающие женитьбу, как «tie the knot» и «binding promise» (букв.: «затянуть узел» и «связывающее обещание»), которые восходят к древней традиции: во время церемонии вокруг руки жениха и невесты завязывали узел, который служил метафорой семейных уз, связывающих новобрачных.

Прототип «счастливая пора новобрачных» является фундаментальным для третьей тематической подгруппы фразеологизмов «honeymoon» (английский язык), «медовый месяц» (русский язык). Выражение «медовый месяц» (в значении «первый месяц брачной жизни») проникает в русский литературный язык из французского или английского языков в начале XIX в. Оно является переводом английского «honeymoon» или французского «la lune de miel». После свадебного торжества молодожены отправляются в медовый месяц. Он называется «Honeymoon» не просто так. Раньше свадебные традиции Великобритании предполагали, что после свадьбы молодожены должны месяц (moon- лунный месяц) пить напиток из меда, отсюда и пошло название. В лезгинском языке данная ФЕ не представлена.

Далее рассмотрим ФЕ, которые входят в исследуемую группу: «похмельный стол» (угощение, которое готовит невеста наутро после свадебной церемонии) в русском, «wedding breakfast» (букв. «свадебный завтрак») в английском и «сусан суфра» (букв. «скатерть невесты») в лезгинском языках. Русский фразеологизм связан с тем, что накануне могли употреблять алкоголь, поэтому с утра все гости нуждались в опохмелении. В лезгинской традиции послесвадебные обряды содержат в себе несколько компонентов. Прежде всего это утреннее угощение и традиционное дагестанское блюдо – «сусан хинкляр» – хинкал, который должна приготовить невеста, а также традиционного лезгинское угощение «иситла» (мучная халва, приготовленная по особому рецепту). Этот обряд имеет название «сусан суфра /сусар сундух» (букв. «скатерть невесты/ сундук невесты»). Он связан с традицией угощать сладостями, дарить подарки из сундука, который сторона невесты отправляет в день свадьбы. На утро после свадьбы сторона жениха приходит поздравить и обе стороны обмениваются подарками. Также частью послесвадебной церемонии являлось шествие молодой жены за водой на родник в окружении близких родственников «булахтал фин». Во время этого обряда невесте указывают место расположения родника. Сопровождается этот обряд веселыми песнями и танцами. Еще одна лезгинская традиция. Через два-три месяца, иногда

через год, родители девушки звали в гости молодых, угощали и одаривали их. Их радушно принимали, угощали и наделяли подарками. Молодая жена оставалась у родителей несколько дней. В обратный путь родственницы провожали ее с многочисленными подарками. С этого дня молодожены могли свободно вместе посещать родных.

Сопоставительный анализ показал наличие универсальных и культурно- специфических признаков, обуславливающих появление лакун. Ключевые слова метаязыка культуры, имеющиеся в любом языке, актуальные для каждого человека, включают такие понятия как семья, брак, любовь, уважение, традиции и многое другое. Изучение фразеологии связано с анализом этих культурных концептов, так как фразеологические единицы являются знаковым выражением этих концептов. Они выражают специфические особенности и представления народа о свадьбе, семейной жизни и роли супругов.

Так, в менталитете лезгинского народа обнаруживается приверженность к многовековым традициям, сохраняющимся и по сей день, и в определенных моментах, резко отличающихся от других культур насыщенностью свадебных обрядов и большим количеством участников торжества. Культура английского народа, напротив, ориентирована на динамичность и бурное развитие всех сфер человеческой деятельности. В русской языковой картине мира концепт «свадьба» сочетает в себе так элементы древнерусской традиции, так и заимствования из других языков, и культур.

Следует отметить общую для исследуемых языковых картин высокую ценность духовных аспектов личности, лежащую в основе концепта «Свадьба». Понятие и восприятие обрядовых фразеологических единиц играет важную роль в формировании языковой картины мира. Таким образом, изучение культурного концепта «Свадьба» расширяет наши знания о различных аспектах свадебного обряда и семейной жизни и позволяет нам лучше понять, как эти аспекты отражаются в языке и мышлении людей.

Литература

1. Агаширинова С.С. Свадебные обряды лезгин XIX – начала XX в. // Ученые записки ИИЯЛ. Махачкала, 1964. Т. XII. С. 133-154.
2. Арсентьева Е.Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте (на материале русского и английского языков). Казань: Казан, гос. ун-т, 2006. – 172 с.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. – 246 с.
4. Гюльмагомедов А.Г. Фразеологический словарь лезгинского языка. – Махачкала, 1975. – 136 с.

5. Караханов С.С. БРАК И СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ ЛЕЗГИН-КАРЧАГЦЕВ В XIX-XX ВВ. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология, 2017. – Вып. 3 (204). С. 47-57.

6. Квеселевич Д.И. Современный русско-английский фразеологический словарь: свыше 5000 фразеологизмов. М.: Астрель: АСТ, 2005. – 620 с.

7. Ризаханова М.Ш. Лезгины XIX – начала XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Эпоха, 2005. – 314 с.

8. Соколова А.Л. Традиции русской народной свадьбы, 2015. URL: <https://mir-knigi.net/books/raznoe/56495-tradicii-russkoi-narodnoi-svadby.html>

9. English-Russian dictionary of expressions, 2023. URL: https://set_expressions_en_ru.academic.ru/

10. Evans V. How Words Mean. New York. OUP. – 2009. – 396 p.

УДК 811.11-112

Словообразовательные модели английского и лезгинского языков в аспекте их глубинного синтактико-семантического содержания

Word-formation models in English and Lezghin in the focus of their underlying syntactical and semantic contents

Р.Р. Таджибова, к.ф.н., доцент кафедры английской филологии Дагестанского государственного университета. Махачкала, Россия. traziyat@yandex.ru

R.R. Tadzhibova, PhD, docent of English Philology Chair of Daghestan State University, Makhachkala, Russia

Аннотация. В статье рассматриваются основные модели словосложения в английском и лезгинском языках с точки зрения отражения их глубинных синтаксических структур на поверхностном (семантическом) уровне. Сопоставляются основные словообразовательные модели в рассматриваемых языках, выявляются общие и отличительные черты указанных моделей.

Ключевые слова: глубинные падежи, поверхностное значение, модели сложных слов.

Abstract. The article considers main models of word-formation in English

and Lezghin languages in the view of reflection of their underlying syntactical structures on the semantic layer. Basic word-formation models in the given languages as well as their unique and general features are also under discussion.

Keywords: underlying cases, surface semantics, models of compound words.

Как известно, за последние годы лингвистика начинает приобретать всё больше объяснительный характер. Способность человека говорить на том или ином языке и понимать его, приравнивается к другим его когнитивным способностям: воображению, смекалке, фантазии, вниманию, способности принимать логические решения и др. При помощи всего вышеперечисленного человек может толковать любые явления, свойства естественного языка, а также единицы и категории, представленные в нём [Кубрякова 1999: 56]. Человек, таким образом, использует известные ему правила и конструкции для описания реальной действительности и концептуализирует и категоризирует мир вокруг себя.

Заметим, что само по себе сложное слово взаимодействует с действительностью только при помощи глубинных грамматических структур. Это значит, что нужно установить соответствие между его семантикой (обозначаемыми им предметами) и реальными отношениями между этими предметами.

Ч. Филлмор, основатель теории падежной грамматики, идентифицирует понятие «падеж» как «глубинное синтактико-семантическое отношение» и выдвигает тезис о том, что постулирует любое сложное слово в своей основе на глубинном уровне строится на предложении с определенным набором падежей. Набор глубинных падежей носит универсальный характер [Филлмор 1981: 374]. Ч. Филлмор подчёркивает, что «объяснительная ценность универсальной системы глубинных падежей заключается в их синтаксической, а не морфологической природе» [Филлмор 1981: 377]. Из теории Ч. Филлмора следует, что любое сложное слово строится на определенной грамматической структуре.

В связи с теорией антропоцентризма, учение Ч. Филлмора о глубинных и поверхностных структурах можно толковать двояко: и как попытку отнесения смысла лексемы на глубинный уровень высказывания, и как возможность обращения к смыслу слова, минуя его грамматическое оформление.

В нашем исследовании мы обнаружили неравное количество глубинных падежей в словообразовательных моделях в указанных языках. Нами выявлена 51 модель сложных слов в английском языке и 28 моделей в лезгинском языке.

Указанные глубинные модели основываются на таких грамматических отношениях, как: объект по призванию (принадлежности)

для кого-либо; объект по признаку величины; объект по признаку подобия; объект по признаку манера действия и некоторые другие.

Наш анализ глубинных падежных оснований моделей сложных слов в английском языке выявил следующее. Примерно в 1/7 моделей сложных слов глубинное значение не обнаруживается. Это, как правило, модели с компонентами, являющимися служебными словами типа Prep + Pron (предлог + местоимение), Adv + Adv (наречие + наречие) и др.

Большинство моделей сложных слов в английском языке отражают свои глубинные падежные основания и могут быть разделены на 14 падежных комплексов с такими значениями:

1) агент по роду выполняемого им действия
N+N (work-man «рабочий»); P1+N (mocking-bird «пересмешник»); V+Adv (go-between «посредник») – 9 моделей;

2) объект по признаку содержания
Num+P2 (four-footed «на четырех ножках»);
Numc+N (five-men (crew) «состоящий из пяти человек») – 7 моделей;

3) объект по признаку величины (размера) осуществляемого действия

A+P2 (deep-cut «с глубоким надрезом»);
A+Adv (greatest-ever «самый выдающийся») – 5 моделей;

4) объект по признаку манеры действия
N+G (bread-cooking «пекарня»);
V+V (hearsay «молва») – 5 моделей.

Встречаются и единичные модели типа

- 5) объект по выполняемому над ним действию;
- 6) предмет по признаку назначения;
- 7) лицо по виду или состоянию;
- 8) объект по месту использования;
- 9) объект по признаку подобия и нек. др.

Отсюда следует, что в английском языке в моделях словосложения присутствуют глубинные падежные основания, которые отражаются в семантике вновь образованных сложных слов.

Таким образом, мы получаем ответ на вопрос, что первично: синтаксис или семантика? Ответ очевиден: синтаксические конструкции преобразовываются в сложные слова с сохранением смысла.

В лезгинском языке из 24 моделей словосложения мы выявили лишь 14 моделей, семантика которых отражает их глубинное значение. Другими словами, одна треть моделей сложных слов не отображает синтаксические конструкции, легшие в основу этих слов. Дело, по-видимому, в том, что ряд моделей словосложения в лезгинском языке в качестве компонентов сложного слова использует застывшие

формы служебных частей речи. Соответственно, у них не может быть глубинных падежных оснований в силу специфики их грамматического оформления в процессе исторического развития.

В следующих словообразовательных моделях выявлены глубинные значения:

1) агент по роду выполняемого им действия / процесса

V+V (алцумун «взвешивать»); Д+Д (акуна-такуна «незаметно»); Adv+V (тИмиларун «уменьшать»); А+А (аста-аста «потихоньку») – 8 моделей;

2) лицо (предмет) по виду состояния

N+V (зарафатун «радоваться», «шутить»); Conj+Conj (угь-цIугь «жалобы», «стоны») – 4 модели;

3) объект по признаку содержание

P+P (гумай-гумачир «все, что осталось»); Adv+Adv (гзафни-гзаф «первым делом») – 3 модели;

4) объект по признаку выражения отношения к к-л.

Conj+N (вай-гъарай «крик о помощи») – 1 модель.

Как вытекает из сказанного выше, в лезгинском словосложении глубинный синтаксис отражается в семантике сложных слов, образованных по 8 моделям. Самое распространенное значение: «агент по роду выполняемого им действия», менее всего выявлены сложные слова, образованные со значением «объект по признаку выражения отношения к кому-либо».

В лезгинском словосложении, в отличие от английского, нет целого ряда падежных значений, таких как «объект по выполняемому над ним действием»; «предмет по признаку назначения»; «объект по признаку подобия»; «объект по признаку пола» и «объект по признаку манеры действия».

Иначе говоря, в лезгинском словосложении функционируют такие семантические отношения, как: действие (процесс), состояние, содержание и отношение. Два из этих значений (действие (процесс) и содержание) встречаются и в английском словосложении.

Полученные сведения позволяют утверждать о своеобразии отражения окружающей действительности и ее систематизации в рамках языковой картины мира английским и лезгинским этносами, а также – говорить о национальной специфике словосложения в этих языках.

Совпадения в отражении мира в указанных картинах мира в аспекте словосложения отражает специфику антропоцентрического картирования мира человеком в процессе его жизнедеятельности.

Литература

Гайдаров Р.И. Лексика лезгинского языка. – Махачкала, 1999. – 210 с.

Гайдаров Р.И. и др. Современный лезгинский язык. – Махачкала, 2009. – 480 с.

Кубрякова Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике // Известия

РАН. Серия литературы и языка. – 1999. – Т.58, – № 6. – С. 70-85. Филлмор Ч. Дело о падеже // НЗЛ, вып Х. – М., "Прогресс", 1981. – С. 99-123.

УДК 811.351.32

Особенности употребления колоративов в лезгинских художественных текстах

Features of the use of coloratives in Lezgin literary texts

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей употребления колоративной лексики в текстах лезгинской художественной литературы на примере романов Кияса Меджидова, Ахеда Агаева и Расима Хаджи. В ходе анализа функционирования цветообозначений в текстах данных авторов выявлены три колоратива: «белый», «черный» и «красный», качественное и количественное наполнение которых значительно отличаются от остальных как первичных, так и периферийных цветообозначений в лезгинском языке.

Ключевые слова: колоративы, цветообозначение, лезгинский язык, словоупотребление, белый, черный, красный.

Annotation. The article is devoted to the study of features of the use of colorful vocabulary in texts of Lezgin fiction on the example of novels by Kiyas Mejidov, Akhed Agayev and Rasim Haji. During the analysis of the functioning of color designations in the texts of these authors revealed three colors: «white», «black» and «red», qualitative and quantitative filling of which differ significantly from other both primary and peripheral color designations in the Lezgin language.

Keywords: colors, color designation, Lezgin language, word usage, white, black, red.

И.И. Эфендиев, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка с курсом подготовительного отделения Дагестанского государственного медицинского университета, г. Махачкала, Российская Федерация. E-mail: israf@yandex.ru

I.I. Efendiev, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language with a course of the Preparatory Department. Dagestan State Medical University, Makhachkala, Russian Federation. E-mail: israf@yandex.ru

Л.А. Мурсалова, кандидат филологических наук, заведующая

МБДОУ "Детский сад №83", г. Махачкала, Российская Федерация. E-mail: mkl-mdou83@yandex.ru

L.A. Mursalova, Candidate of Philological Sciences, Head of MBDOU "Kindergarten No. 83", Makhachkala, Russian Federation. E-mail: mkl-mdou83@yandex.ru

Цвет как физическое явление, данное человеку в зрительных ощущениях, находит отражение в словесных единицах языка – колоративах. Лингвистическое осмысление языковой картины цвета базируется на характеристике цветообозначений не по физическим признакам, таким как тон, яркость, насыщенность, а на выявлении их словесного богатства и раскрытии их внутренней формы, познании различных семантических преобразований и символизации. В современном лезгинском языке цветовая характеристика предметов и явлений действительности осуществляется через разветвленную систему цветообозначений – четко очерченную в языке группу прилагательных, означающих цвет. Лексемы, обозначающие цвета, характеризуются емкой семантической структурой и большой стилевой активностью в художественном тексте, служат очень многогранным и содержательным образным средством, в большинстве своем несут важную этнокультурную информацию.

Филологические исследования колористики имеют длительную историю и представлены разными подходами, методами и задачами. Однако проблемы, возникающие при рассмотрении семантического поля слов-цветонаименований, – неисчерпаемы. Анализ лексико-семантической группы названий цвета проводился на материале разных языков по многим направлениям, среди которых исследование цветообозначений в системе языково-выразительных средств языка писателей. Изучение процессов речевого развития, в частности, в аспектах проявления экспрессивных потенций языка, является актуальной гуманитарной проблемой, так как в целом касается языка как проявления духовной культуры народа. Этапы этого развития ярко материализуются в творчестве писателей, исторически имеющих право называться языковыми личностями, создателями языка.

В литературно-художественном языке цвет становится признаком индивидуального авторского стиля. У каждого художника слова есть свои любимые названия цветов, которые отображают его мировоззрение и эстетичные позиции, его психологию, символизируют в известной мере соответствующую эпоху, ментальность. Колористка – мощное средство характеристики персонажей, их физического и духовного состояния, которое часто созвучно с состоянием природы. Все это создает широкую гамму индивидуально авторских применений названий цветов [Мурсалова 2009: 42].

Обращение к теме исследования мотивировано тем, что цветообозначение является одним из наиболее выразительных показателей индивидуальности автора, раскрывает особенности восприятия и отображения им языковой картины мира. Именно названия цвета являются выразительной атрибутивной характеристикой широкого круга важных для художника образов, которые проходят сквозь все его творчество. Задача нашего исследования состоит в определении особенностей цветовой палитры Кияса Меджидова и анализе специфики воспроизведения цвета в художественном тексте произведения «Къашкъа духтур» (Сердце оставленное в горах). «Къашкъа духтур» – одна из оригинальных книг Кияса Меджидова, где нашла свое отражение очень богатая языковая палитра художника. Авторское языковое мастерство особенно ярко проявляется в умелом использовании и обогащении существующих колоративов, а также в создании авторских названий цвета. Создание художником цветowych образов способствует не только характеристике реалий и персонажей по признаку цвета, но и в значительной степени их преобразованию, и прежде всего – средствами проецирования внешних реалий во внутренний мир человека, его настроения, стремления и переживания, потому что раскрытие тайн человеческой души – одно из творческих задач автора.

Важной особенностью цветного образа Кияса Меджидова является его способность к созданию ассоциативных полей. Основными в этом процессе является группа наиболее частотных, семантически независимых названий, обозначающих цвет без оттенков: *чулав* ‘черный’, *лацу* ‘белый’, *яру* ‘красный’, *вили* ‘синий’, *хъипи* ‘желтый’, *къацу* ‘зеленый’, частотность словоупотреблений которых значительно превысили периферийные колоративы: *рехи* ‘серый’, *шутьруь* ‘коричневый’, *жегъре* ‘розовый’, *хъипи-яру* ‘оранжевый’, *мичли-яру* ‘пурпурный’.

Возможность выделения среди других цветов обозначений группы «основных» связана с их лингвистическими особенностями. Как свидетельствуют этимологические исследования Б. Берлина и П. Кея [Berlin, Kay 1969], эти цветообозначения относятся к древнейшей лексике и носят преимущественно обобщенный характер, когда эти языковые знаки обозначали световые явления, предметы с характерным цветом. На современном этапе их предметная отнесенность стерлась, и они перешли в разряд абстрактной лексики. «Основные» цветообозначения составляют ядро лексико-семантического поля цвета современного лезгинского языка, вокруг которого расположены периферические названия более позднего происхождения.

Наша задача состояла в определении частотности употребления основных цветообозначений в текстах лезгинской художественной литературы на примере романа Кияса Меджидова "Къашкъа духтур"

[Меджидов 1963]. В целях сравнения мы также использовали два произведения лезгинской прозы: романы Ахеда Агаева "Пад хъайи рагъ" [Агаев 1993] и Расима Хаджи "Шагъ Абасакай риваят" [Расим Гъажи 1991]. В данных трех произведениях нашла свое отражение очень богатая языковая палитра художников. Их авторское языковое мастерство особенно ярко проявляется в умелом использовании и обогащении существующих колоративов.

Среди всех представленных литературных произведений на основе доминирующей цветовой номенклатуры мы выбрали шесть цветowych микрополей и определили количественное содержание каждого микрополя. Внутри каждого из таких объединений выделяются цветообозначения, которые ассоциативно связаны как с общеречевыми, фольклорными и художественными, так и индивидуально авторскими лексическими значениями.

Иерархия сем в структуре значения колоратива может быть разной: от преобладания денотативного компонента к полному его угасанию и выходу на первый план эмоционально оценочных, символических компонентов.

Названия цветов *белый*, *черный* и *красный* служат примером качественного и количественного наполнения, и в произведениях этих авторов компоненты микрополя этих цветов представлены соответствующими номинациями, например:

лацу 'белый': *яр алаз лацу* 'румяный'; *лацу якIарин* 'белолицый'; *жив хъыз лацу* 'белоснежный'; *къацунни хъипивал алай лацу* 'белое с оттенками зеленого и желтого'; *лацу-цIару* 'светло серый'; *лацуни фечIи рангарин* 'бело-синий';

чIулав 'черный': *чIулав загъ хътин* 'черный как смола'; *бухарадай галчIур кацин къвал хъыз чIулав* 'черный как сажа' (букв, как кошачий бок, проташенный через дымоход); *вилини чIулав хъанвай* 'иссиня-черный';

яру 'красный': *яруни лацу* 'кровь с молоком' (букв, красный и белый); *яру-цIару* 'пестрый (букв, красно-пестрый); *экуь яру* 'светло-красный'; *вилини яру* 'сине-красный'; *хъипини яру*; 'желто-красный'; *бегъем яру* 'кумачевый' (букв, очень красный); *цIун кIусар хътин яру* 'красный. как головешки'; *цIай куькIвена кузвай хътин яру-яру* 'ярко-красный' (букв, как объятый пламенем).

Интересно, что эти три колоратива используются в тексте этих трех лезгинских литературных произведений практически с одинаковой частотностью. ср.:

Кияс Меджидов "Къашкъа духтур"	Ахед Агаев "Пад хъайи рагъ"	Расим Хаджи "Шагъ Абасакай риваят"
<i>белого</i> – 59, <i>черного</i> – 84, <i>красного</i> – 75,	<i>белого</i> – 78, <i>черного</i> – 86, <i>красного</i> – 131,	<i>белого</i> – 147, <i>черного</i> – 34, <i>красного</i> – 21,

желтого – 19,	желтого – 35,	желтого – 9,
зеленого – 30,	зеленого – 48,	зеленого – 7,
синего – 21,	синего – 33,	синего – 22,
серого – 7 <i>номинаций</i> .	серого – 4 <i>номинаций</i> .	серого – 4 <i>номинаций</i> .

Из таблицы видно, что, несмотря на то, что частота употребления названий цветов в анализируемых текстах различна, названия цветов *белый, черный и красный* четко отдалены от остальных колоративов. Это подтверждает известную теорию эволюционной иерархии возникновения названий цветов, представленную Берлином-Кеем, согласно которой эти цветообозначения появились первыми и являются наиболее распространенными в большинстве языков мира.

Следует отметить, что и лезгиноведение и дагестанское языковедение в целом сегодня стоит перед неотложной проблемой изучения реального вклада каждого выдающегося дагестанского писателя в языкотворческий процесс. Изучая языковые персоналии выдающихся языкотворцев, можно проследить за вершинами развития речи в течении времени и перспективами еще не реализуемых возможностей.

Литература

Агаев А.Г. "Пад хъайи рагъ" ("Расколотое солнце") – Махачкала, 1993.

Меджидов Къияс. Къашкъа духтур (Сердце оставленное в горах). – Махачкала, 1963.

Мурсалова Л.А. Цветообозначения английского и лезгинского языков в составе тематических групп // Вестник Университета Российской академии образования. 2009. №5. С. 42-45.

Расим Гъажи. Шагъ Абасакай риваят (Легенда о Шах-Абасе) – Махачкала, 1991.

Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. – Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Press, 1969. – 178 p.

Проблемы лексики и лексикографии языков народов России

Материалы Всероссийской научной конференции
с международным участием, посвящённой памяти
доктора филологических наук, профессора
Гайдарова Раджидина Идаятовича

(г. Махачкала, 20 октября 2023 г.)

Подписано в печать 12.12.2023.

Усл. п. л. 11,4.

Тираж 100 экз.

Формат 60×84¹/₁₆.

Уч.-изд. л. 10,4.

Заказ № 47.

Издательство ДГУ
г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 59е